

GISAP:

HISTORY AND PHILOSOPHY

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
International Scientific Analytical Project

№2 Liberal* | February 2014

Expert group:

Seville Ismailova (Azerbaijan), Berhard Neumann (Germany), Alexey Konovalov (Kazakhstan),
Marina Dedyulina, Valeriy Pavlovskiy (Russia), Pak Sung Hoon (South Korea), Olivia Thatcher (UK)

Dear readers!

Any resonant events significantly affecting social processes are usually predetermined by motivated acts of individuals. Such actions acquire historical scale and social significance not only as a result of consequences they bring, but mostly taking into account aims of figurants of such crucial circumstances. These aims always have corresponding philosophical hidden motives or claim to have them.

At the same time historical processes invariably determine the formation of experimental-applied aspects of philosophical conceptions and stimulate understanding of social realities through a prism of different theoretical approaches and views.

Significant social events are usually so multifarious, ambiguous, informative and caused by thousands of determinants and consequences, that their content and characteristics find the expression in the development of philosophical ideas.

Philosophical doctrines concentrating and transforming personal or group ideas into the conceptual form are widespread incentives to formation of the relevant social outlook and historically important deeds of followers of such an outlook.

As an experience-based expression of the social process history is inseparably connected with philosophy (a system of knowledge connecting, stimulating and anticipating such social experience). At the same time it would be useless to doubt priority of history and philosophy for social development. It would be the same as talking about the antecedence of an idea or an event.

Intellectual and behavioral principles are present in life of human civilization simultaneously and equally. At the same time they are mutually predetermined in such a way that most often cause-effect mechanisms of correlation of ideas and actions in the historical process form an endless chain of rotatory determinants.

Thomas Morgan
Head of the IASHE International Projects Department
February 12, 2014

GISAP: History and Philosophy №2 Liberal* (February, 2014)

Chief Editor – J.D., Prof., Acad. Pavlov V.V.

Copyright © 2014 IASHE

ISSN 2054-6467

ISSN 2054-6475 (Online)

Design: Yury Skoblikov, Helena Grigorieva, Alexander Stadnichenko

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE)

1 Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom

Phone: +442032899949, E-mail: office@gisap.eu, Web: <http://gisap.eu>

- ! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without
- the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article.

Print journal circulation: 1000

«* - Liberal – the issue belongs to the initial stage of the journal foundation, based on scientifically reasonable but quite liberal editorial policy of selection of materials. The next stage of development of the journal («Professional») involves strict professional reviewing and admission of purely high-quality original scientific studies of authors from around the world».

CONTENTS

M. Prihodko , <i>History Department of the Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin, Russia</i> THE NEW CONCEPTION OF STUDY OF ADMINISTRATIVE REFORMS IN THE STATE SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY	3
R. Mayor , <i>Kamyanets-Podolskyy National University named after I. Ogienko, Ukraine</i> UKRAINIAN INTELLECTUALS AND CLERGY OF TRANSCARPATHIA AS OBJECTS OF THE MAGARIZATION POLICY IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY	5
E. Kochegarova , <i>Moscow Academy of Entrepreneurship under Government of Moscow, Blagoveshensk Branch, Russia</i> FOREIGN CAPITALS IN THE GOLD-MINING INDUSTRY: SUCCESSION OF THE STATE POLICY IN RUSSIAN EMPIRE – USSR.	9
R. Masalimov, R. Khamidullin , <i>Birsk Branch of the Bashkir State University, Russia</i> THE FREEDOM AND DISCIPLINE PROBLEM IN EDUCATIONAL SYSTEM OF THE USSR AND THE THIRD REICH (1933-1941)	13
Yu. Ivliev , <i>International Informatization Academy, Russia</i> SACRED MATHEMATICS OF ANCIENT SYMBOLS: ON THE EXAMPLE OF THE CHINESE MONAD GEOMETRY AND ARITHMETICAL GEOMETRY OF THE FERMAT’S LAST THEOREM	16
V. Chernyak , <i>National Mining University, Ukraine</i> TYPOLOGY OF THINKING IN THE SYSTEMATIC MODEL OF REPRESENTATION	19
V. Chernyak , <i>National Mining University, Ukraine</i> PHYLOGENESIS AND ONTOGENESIS OF SYSTEMIC THINKING	22
M. Treschalin , <i>Moscow Institute of State and Corporal Management, Russia</i> BIORHYTHMS OF THE BODY AND THEIR PRESENTATION THROUGH SYMBOLS OF ANCIENT CULTURES	26
A. Dan’shin , <i>Kemerovo Institute (Branch) of the Plekhanov Russian University of Economics, Russia</i> THE ROLE OF CONFUCIANISM AND LEGALISM IN FORMATION OF LEGAL AND SOCIAL STATUS OF MERCHANTRY IN TRADITIONAL CHINA	30
A. Zalevskaya , <i>Tver State University, Russia</i> ROLE OF THE GENERAL SCIENTIFIC METAPHOR IN COGNITION: METAPHORS AND MYTHS.	34
G. Kurmangaliyeva, N. Seytakhmetova , <i>Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Kazakhstan</i> INTEGRAL DISCOURSE OF AL-FARABI: EXPERIENCE OF HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL INTERPRETATION	38
Yu. Ivliev , <i>International Informatization Academy, Russia</i> FERMAT’S LAST THEOREM IN THE CONTEXT OF THE MODERN NATURAL-SCIENCE KNOWLEDGE	44
A. Kudryavtsev , <i>Higher School of Social Technologies, Latvia</i> SCIENTIFIC DOGMATISM – A BREACH IN FUNDAMENTALS OF LOGIC	47
A. Kudryavtsev , <i>Higher School of Social Technologies, Latvia</i> FUNDAMENTAL PARADOXES OF MATHEMATICS	53
A. Zalevskaya , <i>Tver State University, Russia</i> ABSTRACTION, EXPERIENCE, IMAGINATION AND EMOTION IN SCIENTIFIC RESEARCH AND IN COMMON KNOWLEDGE	56
S. Kruchinin , <i>Noyabrsk Institute of Oil and Gas (Branch) of the Tyumen State Oil and Gas University, Russia</i> E. Bagrova , <i>Noyabrsk College of Professional and Information Technologies, Russia</i> CONCEPTS OF THE DEMOCRACY AND ELECTIONS.	60

CONTENTS

M. Prihodko , <i>History Department of the Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin, Russia</i> THE NEW CONCEPTION OF STUDY OF ADMINISTRATIVE REFORMS IN THE STATE SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY	3
Майор Р.И. , <i>Каменец-Подольский национальный университет им. И. Огиенка, Украина</i> УКРАИНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ДУХОВЕНСТВО ЗАКАРПАТЬЯ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИКИ МАДЬЯРИЗАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.	5
Кочегарова Е.Д. , <i>Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы, Благовещенский филиал, Россия</i> ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ В ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ – СССР	9
Масалимов Р.Н., Хамидуллин Р.Р. , <i>Бирский филиал Башкирского государственного университета, Россия</i> ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ И ДИСЦИПЛИНЫ В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СССР И ТРЕТЬЕГО РЕЙХА (1933-1941 гг.)	13
Ивлиев Ю.А. , <i>Международная Академия Информатизации, Россия</i> САКРАЛЬНАЯ МАТЕМАТИКА ДРЕВНИХ СИМВОЛОВ: НА ПРИМЕРЕ ГЕОМЕТРИИ КИТАЙСКОЙ МОНАДЫ И АРИФМЕТИЧЕСКОЙ ГЕОМЕТРИИ ВЕЛИКОЙ ТЕОРЕМЫ ФЕРМА	16
Черняк В.И. , <i>Национальный горный университет, Украина</i> ТИПОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ В СИСТЕМНОЙ МОДЕЛИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ	19
Черняк В.И. , <i>Национальный горный университет, Украина</i> ФИЛО- И ОНТОГЕНЕЗ СИСТЕМНОГО МЫШЛЕНИЯ	22
Трещалин М.Ю. , <i>Московский институт государственного и корпоративного управления, Россия</i> БИОРИТМЫ ОРГАНИЗМА И ИХ ОТОБРАЖЕНИЕ В СИМВОЛИКЕ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР	26
Даньшин А.В. , <i>Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Россия</i> РОЛЬ КОНФУЦИАНСТВА И ЛЕГИЗМА В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО И СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА КУПЕЧЕСТВА ТРАДИЦИОННОГО КИТАЯ	30
Залевская А.А. , <i>Тверской государственный университет, Россия</i> РОЛЬ ОБЩЕНАУЧНОЙ МЕТАФОРЫ В ПОЗНАНИИ: МЕТАФОРЫ И МИФЫ	34
Курмангалиева Г.К., Сейтахметова Н.Л. , <i>Институт философии, политологии и религиоведения, Казахстан</i> ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС АЛЬ-ФАРАБИ: ОПЫТ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	38
Ивлиев Ю.А. , <i>Международная Академия Информатизации, Россия</i> ВЕЛИКАЯ ТЕОРЕМА ФЕРМА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ЗНАНИЯ	44
Кудрявцев А.В. , <i>Высшая школа социальных технологий, Латвия</i> НАУЧНЫЙ ДОГМАТИЗМ – БРЕШЬ В ОСНОВАХ ЛОГИКИ	47
Кудрявцев А.В. , <i>Высшая школа социальных технологий, Латвия</i> ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПАРАДОКСЫ МАТЕМАТИКИ	53
Залевская А.А. , <i>Тверской государственный университет, Россия</i> АБСТРАКЦИЯ, ЭМПИРИЯ, ВООБРАЖЕНИЕ И ЭМОЦИЯ В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ И В ОБЫДЕННОМ ЗНАНИИ	56
Кручинин С.В. , <i>Ноябрьский институт нефти и газа (филиал), Тюменский государственный нефтегазовый университет, Россия</i> Багрова Е.В. , <i>Ноябрьский колледж профессиональных и информационных технологий, Россия</i> ПОНЯТИЕ ДЕМОКРАТИИ И ВЫБОРОВ	60

THE NEW CONCEPTION OF STUDY OF ADMINISTRATIVE REFORMS
IN THE STATE SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE BEGINNING
OF THE XIX CENTURY

M. Prihodko, Ph.D in Law, Doctoral Candidate, Senior Lecturer
History Department of the Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin, Russia

The scientific concept, forming the basis of this publication, reflects the integrated, classified approach to the research of the process of creation of the ministerial system of governance in Russia in the first third of XIX century, examining this process from the point of view of the actual formation and the completion of the legislation of the ministerial system of governance in Russia.

Keywords: state system, state administration, the Russian empire, the board, ministry, central government departments, collegiate management system, the ministerial system of governance reform.

Conference participant

The analysis of the administrative reorganization of the state system in Russian Empire in the first third of XIX century remains the topical subject requiring the detailed research.

The majority of pre-revolutionary^a, Soviet^b and contemporary^c Russian researchers of the given subject, and foreign historians as well^d in their scientific works focused their attention mainly on 1811 year – the year of issuing of the “The general establishment of the ministries”. Having timed, thereby, the fact of the final establishment of the Russian ministerial management system just to this date.

Only the works of N.P.Eroshkin^e and S.M.Kazantsev^f contained the separate statements that “The general establishment of the ministries” had been expanded to the government central institution not at once and that the colleges and the college establishments continued to operate until the 30th years of XIX century. Meanwhile, the contemporary lawyer S.V.Kodan^g expanded the time frame of the process of forming and establishment of ministries in the public government in the Russian Empire for the whole 1st half of the XIX century.

The basis of the presented historical and legal conception is the determination of two major stages in the establishment of the ministerial system of governance: the stage of the ministerial reform carrying-out in 1802-1811 (subdividing in turn into the initial (1802-1810) and the final (1810-1811) periods of the ministerial reform) and the stage of the legal execution completion of the ministerial system of governance in 1811-1835.

As it is known, the Manifest “About the establishment of the ministries” and the decree to the Senate “About the formation of the first three colleges for the execution of the affaires on the former basis and about the persons, elected for the governance of the ministries”^h initiated the ministerial reform implementation in Russia on September 8, 1802. The first eight ministries were established and the first ministers and their deputies were appointed by these acts.

The legislative acts of 1810-1811 years (the Manifest of July 25, 1810 “About the division of state affairs into special administrations, with the indication of subjects pertaining to each administration”; “The distribution of state affairs amongst the ministries approved by the Emperor” of August 17, 1810, “The general establishment of the ministries” of June 25, 1811), actually completed the ministerial reform. Actually all the basic fields of governance were segregated in independent ministries and headquarters, identifying the common legislative foundation for the ministerial system of governance.

After the publication of “The general establishment of the ministries” of June 25, 1811 the next stage of the formation of the ministerial system of governance, the stage of its legal execution completion, i.e. the spreading of “The general establishment of the ministries” to all central institutions of governance in the form of “Establishments” or “Formations” of each specified ministry, began.

The Ministry of police and the Ministry of Finance^j got their “Establishments” firstly. In 1812 “The general establishment

of the ministries” was widespread to the Military Ministry^k. In 1817 “The general establishment of the ministries” was widespread to the Integrated Ministry of Ecclesiastical Affairs and National Education^l. In 1820 – it was widespread to the Headquarters of communication lines^m. In 1826 – to the integrated Ministry of the Imperial Court and appanagesⁿ. In 1827 – to the Ministry of Navy^o. In 1832 – to the Ministry of Foreign Affairs^p. In 1835, when the Russian Empire Code containing the “Formations” of the Ministry of Foreign Affairs, Headquarters of the State Accounts Audit, the Ministry of Justice and “The establishment of the Capitule of the Russian imperial and tsarist awards” became effective, “The General establishment of the ministries” was widespread to those official bodies^q.

Hereby, the ministerial system of governance in Russia in the first third of the XIX-th century had passed in its development through the different stages of legal execution.

If by the moment of the termination of the stage of the ministerial reform implementation the unified legislative fundamentals of the ministerial system of governance stated in “The general establishment of the ministries” June 25, 1811 were created and actually the ministerial system of governance was introduced, the termination of the following stage – the stage of the completion of the legal execution of the ministerial system of governance, completed the spreading of these legislative fundamentals to each element of the ministerial system of governance, having had completed, thereby, the creation of the ministerial system of governance de jure.

The presented historical and legal scientific conception allows to study fully and determine the basic mechanism of the general process of ministerial system of governance in Russia in the 1-st third of the XIX century.

References:

1. Arkhipova T.G., Rumjantseva M.F., Senin A.S. *Istoria gosudarstvennoy sluzhby v Rossii XVIII-XX vekov*. Moscow, 1999.
2. Amburger E. *Geschichte der Behurdenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917*. Leiden, 1966.
3. Dovnar-Zapolskiy M.V. *Zarozhdeniye ministerstv v Rossii*. Moscow, 1906.
4. Emelyanova I.A. *Vysshiyeh organov gosudarstvennoy vlasti i upravleniya v Rossii v doreformennyi period*. Kazan. 1962.
5. Eroshkin N.P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii*. Moscow, 1968.
6. Eroshkin N.P. *Ministerstva Rossii pervoi poloviny XIX veka – fondoobrazovatelye tsentralnykh gosudarstvennykh arkhivov SSSR CCCP*. M., 1980.
7. Eroshkin N.P. *Krepostnicheskoye samodержavije i ego politicheskije instituty (pervaya polovina XIX veka)*. M., 1981.
8. Zakharov N.A. *Sistema russkoy gosudarstvennoy vlasti*. Novocheboksak. 1912.
9. Kazantsev S.M. *Reformy vysshikh i tsentralnykh gosudarstvennykh organov Rossijskoy imperii v nachale XIX veka*. Thesis ... of PhD in Law. Leningrad, 1981.
10. Kovalevskiy M.M. *Ocherki po istorii politicheskikh uchrezhdeniy Rossii*. St.-Petersburg., No year.
11. Kodan S.V. *Juridicheskaya politika Rossijskogo gosudarstva v 1800-1850 gg*. P. 2. Ekaterinburg. 2004. P. 84-85, 102.
12. Mikheeva I.V. *Rossijskiye ministerstva v XIX veke*. // *The Russian Law Magazine*. 2000. № 4. P. 155-162.
13. Parusov A.I. *Administrativnyye reformy s Rossii v pervoy chetverti XIX veka v svyazi s ekonomicheskoy i sotsialno-politicheskoy obstanovkoi*.

Thesis... of Doctor of History. Leningrad, 1967.

14. Pokrovskiy S.P. *Ministerskaya vlast v Rossii*. Yaroslavl, 1906.
15. *Complete set of laws of the Russian Empire*. 1-st Set. (Further: CSL-1). V. 27, 31, 32, 34, 37. St.-Petersburg, 1830.
16. *Complete set of laws of the Russian Empire*. 2-nd Set. (Further: CSL-2). V. 1-2. St.-Petersburg, 1830.
17. Romanovskiy V.E. *Gosudarstvennyye uchrezhdeniya drevney i novoy Rossii*. Tiflis. 1905.
18. Seton-Watson H. *The Russian empire 1801-1917*. Oxford. 1967.
19. *The Code of Laws of the Russian Empire*. 1-nd Edition. (Further: CL RE). V. 1. P. 1. St.-Petersburg, 1832.
20. Filippov A.N. *Istoricheskiy ocherk obrazovaniya ministerstv v Rossii*.//*The magazine of the Ministry of Justice*. 1902. № 9. P. 39-73, № 10. P. 1-54.
21. Yaney G. *Systematization of Russian Government Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia 1711-1905*. Illinois. 1973.

Notes

- a Filippov A.N. *Istoricheskiy ocherk obrazovaniya ministerstv v Rossii*.//*The magazine of the Ministry of Justice*. 1902. № 9. P. 39-73, № 10. P. 1-54, Romanovskiy V.E. *Gosudarstvennyye uchrezhdeniya drevney i novoy Rossii*. Tiflis. 1905; Dovnar-Zapolskiy M.V. *Zarozhdeniye ministerstv v Rossii*. M., 1906; Pokrovskiy S.M. *Zarozhdeniye ministerstv v Rossii*. Yaroslavl, 1906; Kovalevskiy M.M. *Ocherki po istorii politicheskikh uchrezhdeniy Rossii*. Saint-Petersburg., No year; Zakharov N.A. *Sistema russkoy gosudarstvennoy vlasti*. Novocheboksak. 1912.
- b Emelyanova I.A. *Vysshiyeh organov gosudarstvennoy vlasti i upravleniya v Rossii v doreformennyi period*. Kazan. 1962; Parusov A.I. *Administrativnyye reformy v Rossii v pervoy chetverti XIX veka v svyazi s ekonomicheskoy i sotsialno-politicheskoy obstanovkoy*. Thesis ... of Doctor of History. L., 1967; Eroshkin N.I. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii*. M., 1968; 2) *Ministerstva Rossii pervoy*

poloviny XIX veka – fondoobrazovatelye tsentralnykh arkhivov SSSR. M., 1980; 3) *Krepostnicheskoye samodержavije i ego politicheskije instituty (pervaya polovina XIX veka)*. M., 1981; Kazantsev S.M. *Reformy vysshikh i tsentralnykh gosudarstvennykh organov Rossijskoy Imperii v nachale XIX veka*. Thesis ... of PhD in Law, L., 1981.

c Arkhipova T.G., Rumjantsev M.F., Senin A.S. *Istoriya gosudarstvennoy sluzhby v Rossii XVIII-XX vekov*. M., 1999; Mikheeva I.V. *Rossijskiye ministerstva v XIX vekes*.//*The Russian Law Magazine*. 2000. № 4. P. 155-162.

d Amburger E. *Geschichte der Behurdenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917*. Leiden, 1966; Seton-Watson H. *The Russian empire 1801-1917*. Oxford. 1967; Yaney G. *Systematization of Russian Government Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia 1711-1905*. Illinois. 1973.

e Eroshkin N.P. *Fondoobrazovatelye ... P. 15, Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy ... (4. Auflage)*. M., 1997. P. 151, *Krepostnicheskoye samodержavije ... P. 216*.

f Kazantsev S.M. *The ment. Thesis*. P. 122-126.

g Kodan S.V. *Juridicheskaya politika Rossijskogo gosudarstva v 1800-1850*. P. 1-2. Jekaterinburg. 2004. V. 2. P. 84-85, 102.

h *The Complete Set of Laws of the Russian Empire*. 1-st Set. (Further: CSL-1). V. 27. № 20406. P. 243-248; № 20409. P. 249-250.

i *Ibid*. V. 31. № 24307. P. 278-280; № 24326. P. 322-328; № 24686. P.686-719.

j *Ibid*. № 24687. P.719-788; № 24688. P.728-756.

k *Ibid*. V. 32. № 24971. P. 23-39.

l *Ibid*. V. 34. № 27106. P. 814-834

m *Ibid*. T. 37. № 28291. P. 245-247.

n *The Complete Set of Laws of the Russian Empire*. 2-nd Set. (Further: CSL-2). V. 1. № 541. P. 896-897.

o *Ibid*. V. 2. № 1325. P. 702-725.

p *Ibid*. № 5286. P. 196-197.

q *The Code of Laws of the Russian Empire*. 1-st Edition (Further: CL RE). V.1.P.1. Art. 923-1318; P. 221-328, Art. 1319-1395; P. 328-355; Art.1550-1615; P.404-420; Art.1616-1627. Art.421-426; Art.2026-2198. P.525-574.

UKRAINIAN INTELLECTUALS AND
CLERGY OF TRANS-CARPATIA
AS OBJECTS OF THE MAGARIZATION
POLICY IN THE LATE XIX –
EARLY XX CENTURY

R. Mayor, Post-graduate
Kamyanets-Podolsky National University named
after I. Ogienko, Ukraine

The article represents the process of Magyarization of Ukrainian intelligentsia and clergy of Transcarpathia in the late 19th – early 20th century. Results of its implementation by the Hungarian authorities are reflected. Attention is focused on the negative influence of the assimilation of Ukrainian nation on the development of national movement in the region.

Keywords: intelligentsia, clergy, Ukrainian nation, Ruthenians, Magarization, Transcarpathia.

Conference participant, National championship
in scientific analytics

УКРАИНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
И ДУХОВЕНСТВО ЗАКАРПАТЬЯ
КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИКИ
МАДЬЯРИЗАЦИИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Майор Р.И., аспирант
Каменец-Подольский национальный университет
им. И. Огиенка, Украина

В статье отражен процесс мадьяризации украинской интеллигенции и духовенства Закарпатья во второй половине XIX – начале XX в. Отображены результаты ее осуществления венгерскими властями. Акцентируется внимание на негативном влиянии ассимиляции украинцев для развития национального движения в крае.

Ключевые слова: интеллигенция, духовенство, украинцы, русины, мадьяризация, Закарпатье.

Участник конференции, Национального первенства
по научной аналитике

Во второй половине XIX – начале XX в. венгерские власти осуществляли политику мадьяризации невенгерских национальностей, проживавших на территории Венгрии. Ее суть заключалась в том, чтобы стереть национальные особенности украинцев, словаков, сербов и других народов: их национальную идентичность и самосознание, культуру, язык, религию, историю, и навязать им собственные венгерские национальные элементы. В конечном счете ассимиляции украинцев, как и других национальных меньшинств, мала привести к формированию единой венгерской политической нации и способствовать укреплению национально-политической мощи мадьяр в Габсбургской монархии.

Поднятая автором проблема еще не была предметом отдельного исследования в украинской и зарубежной историографии. Только небольшая часть ученых изучала ее отдельные аспекты в контексте исследования более обширных исторических процессов: И. Жегуц [29], М. Майер [26], Н. Макаренко [12], С. Пап [14], А. Пекарь [15, с. 96-112], Р.У. Сетон-Уотсон (псевдоним Scotus Viator) [28], П. Смиян [19], Г. Стрипский [20], Р. Фатула [22], В. Шандор [23] и др. Указанные авторы в своих работах лишь в общих чертах отразили отдельные аспекты мадьяризации украинского духовенства и интеллигенции. Учитывая это, а также важность выяснения сущности поднятой автором

проблемы, как составной части более широкой проблемы – политики мадьяризации в Закарпатье, и возникает необходимость её комплексного изучения.

Цель этого исследования заключается в том, чтобы выяснить влияние политики мадьяризации на украинскую интеллигенцию и духовенство, определить комплекс причин, степень и масштабы их ассимиляции с венграми, раскрыть последствия их денационализации для развития украинского национального движения в крае.

Ассимиляция национальных меньшинств была лейтмотивом деятельности венгерского правительства в области национальной (внутренней) политики [12, с. 176]. Основными сферами осуществления политики мадьяризации были образовательная, церковно-религиозная, языковая, культурная и др. В конце концов осуществления данной политики в указанных областях должно было привести к максимальной ассимиляции украинцев – основного объекта мадьяризации. При этом отметим, что процесс денационализации украинского населения неодинаково отразился на разных социальных группах: он больше коснулся духовенства и интеллигенции, а меньше всего – крестьян. По нашему мнению, это было обусловлено следующими факторами: во-первых, в отличие от крестьян, духовенство и интеллигенция могла получить от ассимиляции с титульной нацией, без учета ее фиктивности или искренности,

конкретные материальные или иные выгоды; во-вторых, светская и духовная интеллигенция была гораздо ближе к венгерской социокультурной среде, чем крестьянство, в результате чего она произвольно или намеренно принимала и усваивала венгерские атрибуты и ценности – язык, религию, культуру, национальную идентичность и др.; в-третьих, существенное влияние на ускорение денационализации клира и людей занятых умственным трудом были такие социально-психологические факторы как психологическая потребность человека быть аффилированным (принятым в сообщество и признанным им) с венгерским социумом и комплекс неполноценности, характерный для интеллигенции и духовенства, который, однако, и сам во многом был следствием политики мадьяризации, что, в свою очередь, говорит о взаимообусловленности и взаимовлияния указанных процессов. Учитывая перечисленные и некоторые другие факторы большая часть духовенства и интеллигенции, как правило, разговаривала на венгерском языке, на нем же велась частная и официальная переписка, читала почти в основном венгерские газеты и книги, а украинский язык употребляла только во время разговора с крестьянами. Народный разговорный язык они считали некультурным, стеснялись как его, так и родного народа [13, 18, 10, 2, 8, 7, 4, 9, с. 4-6, 3, с. 276, 1, с. 54]. По разным причинам отрекались не только родного языка, но и

родной национальной идентичности, признавали себя представителями венгерской нации [6, с. 536, 21, с. 102, 14, с. 436]. Отступничество и беспринципность части духовенства отчетливо иллюстрирует позиция священника с. Лаборцы, который заявлял: «Я Русин только в церкви, а выйдя из церкви – Мадыр» [11].

В начале 1860-х гг. А. Духнович с сожалением отмечал что украинскому чиновничеству «руская (украинская – автор) народность невозможна. Ему русское слово гадкое, он стесняется русского. Сущий между мадырами, он уже мондокает, ища тем склонности в чужих... Так истинно есть мое слово: русин (венгерский) чем-либо будет только не русином» [6, с. 259]. По словам В. Охримовича, на середину 1890-х гг. закарпатская интеллигенция уже была «полностью мадыризована и отчуждена от простого народа» [13]. В то же время ведущие галицкие деятели: И. Франко, М. Павлик, Ю. Романчук и др. во время празднования венграми тысячелетия своего государства 1896 г., опубликовали протест в форме брошюры под названием «И мы в Европе», где была дана острая критическая оценка закарпатской светской интеллигенции, особенно сельских учителей: «С очень малыми выемками эта интеллигенция, – отмечалось в «Протесте», – насквозь мадыризована, стесняется русского языка, отказывается родного народа. Мадыризация делает их не только оборотнями и врагами собственного народа, но в то же время деградировала их морально, сделала их сибаритами, подлыми, прислужниками господскими, погасила в их душах всякое идеальное соревнование, всякое нравственное чувство» [9, с. 5]. На тотальную мадыризацию закарпатской интеллигенции на страницах львовского журнала «Жизнь и слово» указывал и В. Гнатюк. Ученый, кроме того, отмечал, что такая степень мадыризации характерна для интеллигенции несмотря на то, что она еще «имеет какое-то смутное чувство рускости» [1, с. 61]. В свою очередь известный закарпатский деятель, ученый, член Научного общества имени Шевченка Г. Стрипский в начале XX в. с иронией подчеркивал, что «за

руснацкую интеллигенцию не надо бояться. Она на сегодняшний день настолько венгерская, что из нее уже никогда не будет, если бы она того и хотела – ни руснацкая, ни москальская» [20, с. 272]. Политика мадыризации и беспринципность интеллигенции привели к тому, что накануне Первой мировой войны «число явных интеллигентных русинов, – как отмечал А. Штефан, – приближалось к нулю» [24, с. 26].

Об успехах мадыризации постоянно свидетельствовали данные официальной статистики, по которой в шести украинских комитетах в 1910 г. с 508 греко-католических священников русинами себя называли только 72, а с 831 учителей народных школ – всего 97. Однако здесь существует ряд «но». По мнению В. Шандора, в данном случае формальное признание венгерской национальной идентичности позволяло им сохранить свои должности и иметь средства к существованию [23, с. 97]. А историк П. Смиян подчеркивал, что только отказ от своей народности и «патриотическая» деятельность, как правило, давали возможность получить образование, занимать высокие должности и продвигаться по службе [19, с. 67]. В связи с этим не всегда следует делать выводы на основе таких статистических данных, потому что они, во-первых, не всегда отражали реальную позицию опрошенных, которые часто самостоятельно и сознательно говорили то, что хотела услышать власть; а, во-вторых, часто статистика служила политике мадыризации и была, как правило, далека от объективной социологии.

Фактически политика мадыризации нанесла основной удар по наиболее образованному слою населения – духовенству и интеллигенции, то есть той социальной группе, которая в XIX – начале XX в. выполняла в Закарпатье роль украинской элиты. А уничтожая ее, власть лишала украинский народ национальных лидеров, тех, благодаря которым происходил национальный прогресс, тех, которые должны были выполнять роль национального политического представителя украинцев. Это имело крайне негативные последствия для развития

украинского национального движения и вело к деформации социальной структуры украинского общества. Более того, отрехшись от родного языка, национальности и полностью мадыризовавшись, духовенство и интеллигенция в руках венгерской власти становились удобным инструментом ассимиляции наиболее многочисленного слоя населения – крестьян. Трагедия заключалась еще и в том, что для мадыризации крестьян они часто прилагали больше усилий чем сами венгры, чем пытались выслужиться перед последними и показать им тем самым свою преданность.

Такое отношение денационализованной части духовенства и интеллигенции (относительно них употреблялся термин «мадыроны») к родному народу остро критиковали А. Духнович [5, с. 369], М. Драгоманов [3, с. 278-279] и другие общественные деятели. А. Духнович, в частности, в своем дневнике показывал их равнодушие к собственному национальному бытию, обличал ренегатство, продажность и беспринципность тогдашней интеллигенции, прежде всего священников, которых не раз называл «лупезниками». С горечью и сарказмом, а заодно с отвращением, отмечал, как в решающий исторический момент мукачевские и ужгородские русины в условиях огромного ассимиляционного давления провозглашали, что с мадырами они, мол, создают один неделимый народ, со своими угнетателями они «жить и умереть хотят», и не желают для себя никакой «народной автономии» [6, с. 536]. Описывая борьбу словаков против венгерского гнета, будитель подчеркивал пассивность украинцев в отстаивании своих национальных прав: «А русины молчат и сильно мадыризируются!» [5, с. 365]. Но это было только полбеды. По словам А. Духновича, «...Наступила борьба русинов против русинов! Мадыризованные русины подобно дьяволом адским становятся против русинов, их уничтожить желают, т.е. мадыризовать, и стереть в Венгрии русское племя...» [5, с. 369]. Продажность и беспринципность части духовенства отчетливо иллюстрирует позиция

епископа С. Панковича, который во время частной беседы с писателем прославского направления И. Сильваем заявил следующее: «Если мы (русины Закарпатья – автор) живем теперь под властью венгров, то мы должны стать мадярами; если станут господствовать немцы, то будем немцами...» [21, с. 102]. Ужгородская газета «Листок», характеризую эту проблему, в 1894 г. писала: «Смешно, как стараются (закарпатцы – автор) скрыть свое русское происхождение и хотят себя указать действительными мадярами... а мадяры от рождения их высмеивают...» [14, с. 436]. Такая интеллигенция не занималась распространением образования среди населения народным разговорным языком, пропагандой украинской национальной идеи, идеи единства украинской нации и украинских земель и др. Она не формировала те основы своей идеологии и практической деятельности, на которых стояло народное движение в Галиции и Буковине, украинское национальное движение на территории Великої України.

Но несмотря на то, что большая часть духовенства и интеллигенции была мадяризирована, это ни в коем случае не означало сплошную ассимиляцию украинского общества с венгерским. Ведь проведение политики тотальной мадяризации вызвало протест со стороны украинского населения, главным образом крестьян и небольшой части интеллигенции и духовенства. Закарпатские будители в основном литературно-просветительскими средствами пытались противодействовать венгерской национальной и языковой экспансии, сохранить идентичность и самодостаточность местного населения [12, с. 182]. В частности А. Духнович, как подчеркнул историк С. Пап, писал стихи для того, чтобы поэзией «вливать в душу народа чувство патриотизма» [14, с. 315]. Его стихотворение «Я русин был, есть и буду» – яркий пример такой патриотической поэзии: в нем звучит протест против мадяризации, призыв к пробуждению национального сознания. Это стихотворение стало гимном для украинцев Закарпаття. Его знало наизусть почти все население: дети, молодежь, старшее поколение. На Пряшевщине еще в

1918-1939 гг. во многих селах после литургии в воскресенье и праздники пели гимн: «Я русин был, есть и буду!» [14, с. 318].

На политической арене права украинцев отстаивал А. Добрянский. Он разработал немало политических проектов [16, 27], целью которых было обеспечение национально-культурной и политической автономии для украинских земель в Габсбургской монархии, защищал права закарпатцев в венгерском парламенте [25 с. 3; 17, с. 11-12]. Однако его деятельность на этом поприще, к сожалению, довольно редко давала желаемые результаты. Такой ход событий был лишним подтверждением того, что насколько бы талантливым или гениальным не была та или иная личность, политический деятель, национальный лидер, самостоятельно преодолеть государственный режим, основанный на шовинизме, невозможно.

Но вопреки стремлениям венгров создать единую политическую мадярскую нацию, ассимилировав все национальные меньшинства в Венгрии, эта идея в целом провалилась, хотя и имела отдельные, фрагментарные успехи. Несмотря на жесткую мадяризацию, большинство украинцев сохранило свою национальную, религиозную, языковую идентичность, свой национальный характер. Результат политики ассимиляции украинцев больше всего сказался на духовенстве и интеллигенции. Ведь, в отличие от крестьян, которые представляли самый большой по численности социальную группу, практически вся украинская интеллигенция Закарпаття в начале XX в. была мадяризирована. Уничтожая элиту украинского общества венгерские власти лишали закарпатцев национальных лидеров, лидеров национального движения, которые из пассивных объектов мадяризации становились ее активными субъектами и иногда прилагали больше усилия для мадяризации украинцев, чем сами венгры.

References:

1. Гнатюк В. Угроруська мізерія // Житє і слово. – Львів. – 1897. – Т. 6. Кн. 1. – С. 46-62.

2. Дещо з угорської Русі // Буковина. – Чернівці. – 1897. – Ч. 30.

3. Драгоманов М. Австро-руські спомини (1867-1877 рр.) // Літературно-публіцистичні праці. – Том 2. – Київ: Наукова думка, 1970. – С. 151-288.

4. Духнович О. Лист до Я. Головацького. Пряшов, 25 травня (6 червня) 1853 р. // Кореспонденція Якова Головацького в літах 1850-1862. Видав Др. Кирило Студинський. – Львів: Наукове Товариство ім. Шевченка, 1905. – С. 74-75.

5. Записка Александра Духновича 1858 // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. – 1998. – № 21. – С. 313-394.

6. Записка Александра Духновича. Огь года 1861 // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. – 1995. – № 20. – С. 528-642.

7. Изъ записокъ русскаго туриста // Слово. – Львовъ. – 1885. – Ч. 119.

8. Изъ Угорской Руси // Слово. – Львовъ. – 1865. – Ч. 63.

9. І ми в Європі. Протест галицьких Русинів проти мадярського тисячоліття. Львів. 1896 // Житє і слово. – Львів. – 1896. – Т. 5. Кн. 1. – С. 2-9.

10. І. С. З угорської України // Вістник Союзу визволення України. – Відень. – 1915. – Ч. 59-60.

11. К. Изъ Угорской Руси // Слово. – Львовъ. – 1862. – Ч. 3.

12. Макаренко Н. Закарпаття під тиском мадяризації: 1867-1914 рр. / Н. Макаренко // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. – К., 2008. – Вип. 37. – С. 176-187.

13. Охримович В. Вржнія з Угорської Русі // Народ. – Львів. – 1895. – №6.

14. Пап С. Історія Закарпаття / О. Степан Пап: Том III. – Івано-Франківськ: Нова Зоря, 2003. – 648 с.

15. Пекар А. Нариси історії церкви Закарпаття. Том I. Єрархічне оформлення / Атанасій В. Пекар. – Рим: О.О. Василіяни, 1967. – 241 с.

16. Проект политической программы для Руси австрийской. – Львовъ, Ставропигійській институт, 1871. – 44 с.

17. Промова Адольфа Добжанського (Добрянського) під час загального обговорення проекту закону про

національності. 25 листопада 1868 р. // До історії національних меншин Австро-Угорщини (XIX – поч. XX ст.) / Упорядкування Кобаля Й.В.; передм. Худанича В.І. – Ужгород: Карпати-Гражда, 2001. – С. 11-12.

18. Пропащі Русини угорські. II. // Буковина. – Чернівці. – 1895. – Ч. 39.

19. Сміян П.К. Революційний та національно-визвольний рух на Закарпатті кінця XIX – початку XX ст. / П.К.Сміян. – Л.: Вид-во Львівського університету, 1968. – 208 с.

20. Стрипський Г. Москвофілізм, українізм і вітчизняні руснаки / Гіядор Стрипський // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія / Ужгород. націон. ун-т. – Випуск 20. – Ужгород: Вид-во УжНУ «Говерла»,

2008. – С. 264-273.

21. Уріиль Метеоръ (И. А. Сильвай). Автобіографія. – Ужгород: Школьная Помощь, 1938. – 131 с.

22. Фатула Р. С. Мадьяризація освіти на Закарпатті в кінці XIX – на початку XX століть / Р.С. Фатула // Грані. – Д.: Дніпропетровський нац. ун-т, Центр соц.-політ. досліджень, 2011, №4. – С. 162-164.

23. Шандор В. Закарпаття. Історично-правовий нарис від IX ст. до 1920 / Вікентій Шандор. – Нью-Йорк: Карпатський Союз, 1992. – 292 с.

24. Штефан А. За правду і волю: Спомини і дещо з історії Карпатської України від давніх давен до 1927 / Августин Штефан. – Кн. 2. – Торонто: Пробоєм, 1981. – 384 с.

25. Dobrzanszky Adolf. Képvisele

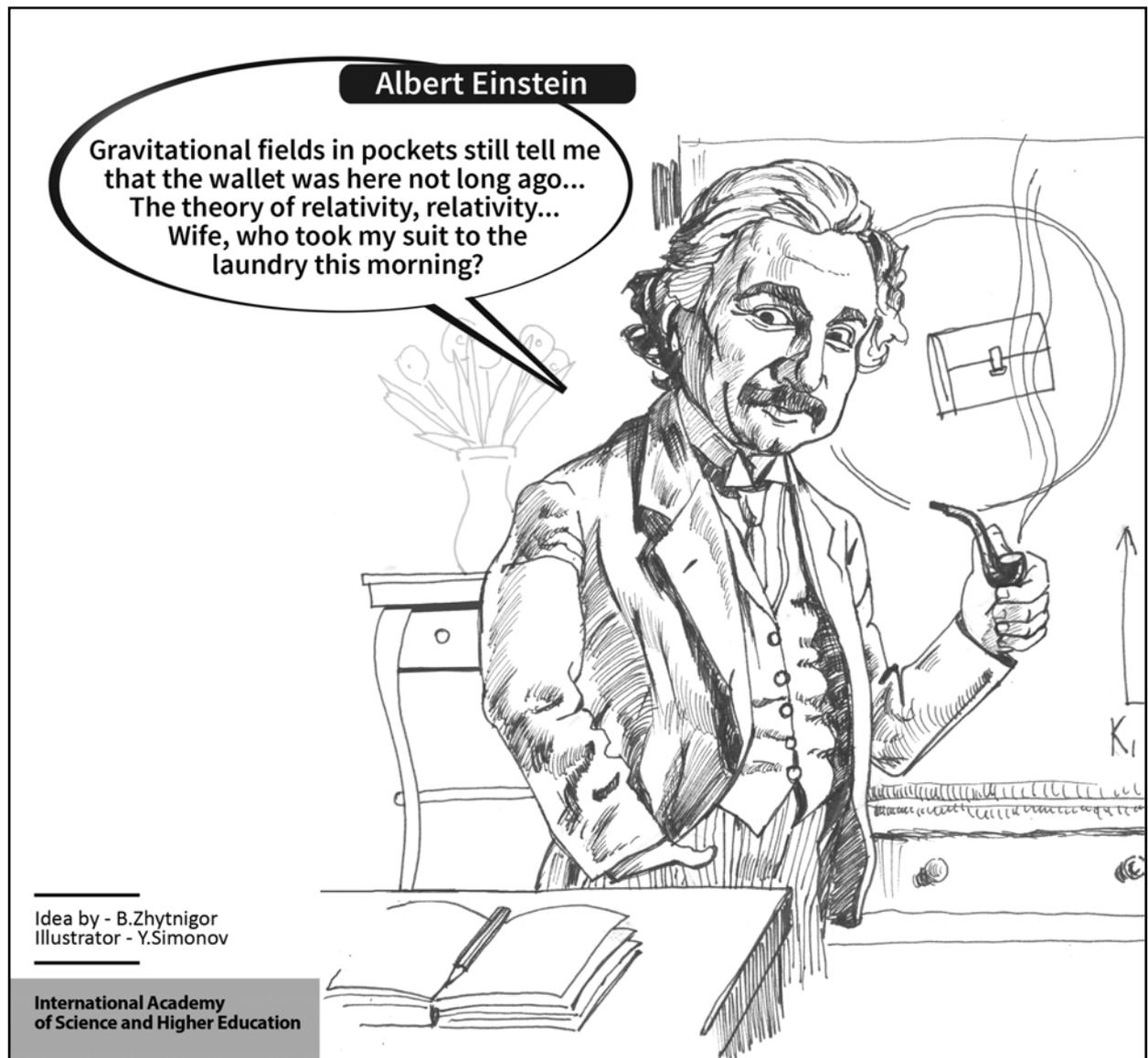
urnak az alsóház 1868-diki october ho 19-kén tartott I. Beszéde. Pest, Nyomatott Kunosy es Rethynel. 1868. – 7 oldal.

26. Mayer M. Kárpátukrán (ruszin) politikai és társadalmi törekvések: 1860-1910 / Mária Mayer. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977. – 255 p.

27. Programm zur Durchführung der nationalen Autonomie in Österreich (Fon einem Slaven). – Wien, Verlag des «Parlamentär», 1885. – 167 s.

28. Scotus Viator. Racial problems in Hungary / Scotus Viator [R. W. Seton-Watson]. – London: Archibald Constable & Co. Ltd, 1908. – 546 p.

29. Žeguc I. Die nationalpolitischen Bestrebungen der Karpato-Ruthenen 1848-1914 / Žeguc Ivan. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1965. – 145 S.

**FOREIGN CAPITALS IN THE
GOLD-MINING INDUSTRY:
SUCCESSION OF THE STATE
POLICY IN RUSSIAN
EMPIRE – USSR**

E. Kochegarova, Candidate of History, Associate Professor
Moscow Academy of Entrepreneurship under Government
of Moscow, Blagoveshensk Branch, Russia

The article describes main directions of the state policy in attraction of foreign capital to the domestic economy and peculiarities of its realization in the gold-mining industry. Special attention is paid to legal documents defining conditions of activities of foreign investors. The role of foreign capital in homeland gold-mining is considered in connection with international events and inner political problems.

Keywords: government policy; gold-mining industry; foreign investment; concession; legal regulation.

Conference participant, National championship
in scientific analytics, Open European and Asian
research analytics championship

**ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ
В ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ – СССР**

Кочегарова Е.Д., канд. ист. наук, доцент
Московская академия предпринимательства
при Правительстве Москвы, Благовещенский филиал, Россия

В статье отражены основные направления государственной политики по привлечению иностранных капиталов в отечественную экономику и особенности ее реализации в золотодобывающей промышленности. Особое внимание уделено характеристике правовых документов, определяющих условия деятельности иностранных инвесторов. Роль иностранного капитала в отечественной золотодобыче рассмотрена в неразрывной связи с международными событиями и внутриполитическими проблемами.

Ключевые слова: государственная политика; золотодобывающая промышленность; иностранные инвестиции; концессии; правовое регулирование.

Участник конференции, Национального первенства
по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского
первенства по научной аналитике

Проблема привлечения иностранных инвестиций для развития отечественной экономики не теряет актуальности и остается предметом дискуссий в научной и публицистической литературе. Исследователи рассматривают правовое регулирование, формы и способы использования, национальную принадлежность иностранного капитала, политические и экономические условия деятельности инвесторов. В конечном же итоге, как сторонники, так и противники идеи экспорта зарубежных капиталовложений в российскую экономику пытаются решить вопрос роли иностранного капитала в развитии экономики страны/региона, характера его воздействия и степени его эффективности в решении внешних и внутренних проблем.

По данной теме опубликованы многочисленные работы историков, экономистов, правоведов, социологов, анализ которых заслуживает отдельного исследования. Однако использование иностранных инвестиций в отечественной золотодобывающей промышленности рассматривалось лишь в рамках более широкой проблематики – индустриального развития регионов, государственной экономической политики, истории предпри-

нимательства (работы А.В. Алепо, О.В. Баева, В.А. Ламина, О.Н. Разумова, Л.В. Сапоговской, В.М. Ступникова, С.Ф. Хроленка). Отдельные аспекты правового регулирования иностранных инвестиций в Российской империи отражены в трудах Л.Е. Шепелева [6; 7], И.В. Поткиной [2; 3]. Советская концессионная политика представлена в исследованиях А.Г. Донгарова [1], С.С. Хромова [5].

Цель настоящей работы заключается в анализе основных направлений отечественной государственной политики по привлечению иностранных инвестиций в золотодобывающую промышленность, в установлении взаимосвязи и преемственности ее осуществления в Российской империи – СССР. Для решения проблемы были использованы законодательные акты Российской империи, декреты и постановления высших законодательных и исполнительных органов СССР, решения высших партийных органов, архивные документы.

Законодательное регулирование российской золотодобывающей промышленности ведет отсчет с начала XVII в. и связано с указами Петра I, которыми была введена «горная свобода», разрешавшая поиски и добычу золота вне зависимости от «чина и до-

стоинства». В этот период иностранцы получили право свободного въезда в Россию, но в предпринимательской деятельности были существенно ограничены.

В начале XIX в. торгово-промышленные права иностранных подданных были расширены: им разрешалось в случае устройства в России фабрик и заводов в течение первых 10 лет записываться в купцы 2 и 3 гильдии без вступления в русское подданство. По окончании этого срока они должны были либо стать подданными России, либо продать свои заведения [7, с. 41]. Но направить капиталы в развитие золотого промысла в этот период не представлялось возможным – право на поиски золотосодержащих россыпей давалось в виде особых привилегий, в каждом отдельном случае требовалось Высочайшее разрешение [4, с. 46].

Положение о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири, утвержденное 30 апреля 1838 г., устанавливало правила поиска и добычи золота частными лицами, к которым были отнесены личные и потомственные дворяне, почетные потомственные граждане, купцы 1 и 2 гильдий, за исключением лиц этих сословий, вышедших в отставку, или

осужденных. Об иностранных подданных в документе нет упоминания, к тому же при имевшихся правовых ограничениях вкладывать капиталы в развитие золотого промысла было неэффективно. Так, значительные территории (Забайкальский край, Алтайский горный округ) оставались в исключительном ведении государства [12, с. 390]. На разработку месторождений требовалось в каждом случае разрешение Министра финансов. Кроме того, отвод площадей к приискам давал только право на добычу золота, с прекращением разработки участок возвращался во владение казны. Поэтому без дополнительного разрешения предприниматели не могли организовать другие предприятия [12, с. 395].

В июне 1860 г. были расширены права иностранных подданных – они получили право вступать во все купеческие гильдии и наравне с российскими подданными приобретать «всякого рода движимые и недвижимые имущества», за исключением тех, которыми могут владеть российские потомственные дворяне [7, с. 51]. В законодательстве был провозглашен принцип равенства всех субъектов хозяйственной деятельности, за исключением иностранцев-евреев, не имевших права свободного въезда в Россию. Горный устав 1870 г., отменив все сословные ограничения на право разработки золота, допускал участие в золотодобывающей промышленности иностранных граждан, исключая пограничные территории. В период 1863-1878 гг. были подписаны первые конвенции с несколькими странами, в которых за иностранными акционерными обществами в России признавалась правоспособность в качестве юридических лиц, но для их деятельности было необходимо получить разрешение российского правительства. Фактически деятельность иностранных компаний регулировалась на основе сепаратного законодательства [6, с. 125].

В конце XIX в. завершилась консолидация целого ряда разделов горного законодательства, и был издан Устав горный (1893 г.), детально регламентирующий самый широкий круг горных отношений. Согласно ст. 263,

горный промысел на свободных казенных землях дозволялся лицам всех состояний, обладавшим гражданской правоспособностью, как русских подданных, так и иностранцев. Устанавливались ограничения для лиц, занимавших определенные должности и чины, их женам и неотделенным детям. По-прежнему запрещалось вести золотодобычу лицам, не имевшим русского подданства, в Приморском округе, на Сахалине, в ряде пограничных горных округов Сибири. В каждом случае требовалось разрешение императора, получаемое через Совет Министров [13, с. 43].

Приток иностранных капиталов в экономику России в конце XIX в. был затруднен законоположениями, ограничивавшими торгово-промышленную деятельность иностранцев в России. По мнению И. В. Поткиной, иностранные подданные во взаимоотношениях с учреждениями, организациями и частными лицами не выделялись как особая юридическая категория и подчинялись общим законам империи [3, с. 196]. Сложности были обусловлены несовершенством горного законодательства. К ним относилось отсутствие нормы о праве на владение недрами: отдельно существовали право на владение или пользование золотыми месторождениями и право частных лиц на занятие горной промышленностью. Прииски на казенных и кабинетских землях предоставлялись частным предпринимателям не в собственность, а во временное пользование. Кроме того, право на владение землей не совпадало с правом на владение недрами [2, с. 23].

Эффективность и выгоду иностранных капиталов последовательно отстаивал С.Ю. Витте, видя в них не только средство к поднятию общего потенциала промышленности страны, но и стимул для развития отечественных предприятий. Доля иностранных инвестиций в золотодобывающей промышленности России в 1913 г. составила около 50%, но накануне первой мировой войны стала заметна тенденция снижения удельного веса иностранного капитала и вытеснение его отечественным капиталом. По мнению А.Г. Донгарова, во многом это было связано с запрещением деятельности

иностранцев в наиболее богатых и перспективных районах Сибири (юг Забайкалья, Иркутская и Енисейская губернии, Алтайский горный округ) [1, с. 28].

Революционные события 1917 г. и гражданская война явились своеобразным рубежом, за которым последовали коренные изменения во всех сферах государственной и общественной жизни и, в том числе, в отношениях с иностранными государствами. Советская Россия нуждалась в иностранных инвестициях для восстановления и развития промышленности, западным странам были необходимы российские сырьевые ресурсы. С отменой в январе 1920 г. экономической блокады стало возможным вернуться к решению проблемы. Декрет «Об общих экономических и юридических условиях концессий (от 23.11.1920 г.)» допускал участие «иностранцев государственных и коммунальных учреждений, частных предприятий, акционерных обществ, кооперативов и рабочих организаций других государств к делу добывания и переработки природных богатств России» [10, с. 186]. «Основные принципы концессионных договоров» были утверждены СНК 29 марта 1921 г.

Общие условия сотрудничества с иностранными предпринимателями предусматривали: 1) предоставление концессионеру вознаграждения долей произведенного им продукта с правом вывоза за границу; 2) льготы и привилегии концессиям, использовавшим технические усовершенствования; 3) гарантии имущества, вложенного в предприятие, от национализации, конфискации или реквизиции; 4) регулирование продолжительности срока деятельности предприятия в зависимости от характера и условий концессии; 5) предоставление права найма советских рабочих и служащих; 6) недопустимость одностороннего изменения правительством концессионного договора [10, с. 186].

Наиболее удобной и гибкой формой привлечения иностранного капитала был определен концессионный договор, по которому «государство, в изъятие из действующих норм гражданского права», переуступало часть своих имущественных прав част-

ноправовой организации [9, с. 76]. Право сдачи концессии принадлежало исключительно государству, право приобретения могли получить отечественные или иностранные организации различных форм (казенные, переведенные на хозяйственный расчет, смешанные – с участием казны и частного капитала, общественные и частные).

Правительство гарантировало, что вложенное в предприятие имущество концессионера не будет подвергаться ни национализации, ни конфискации, ни реквизиции. Концессионер был обязан в определенный краткий срок организовать предприятие и приступить к производству, выполняя ежегодно установленную производственную программу-минимум, которая могла быть пересмотрена по обоюдному соглашению. Как правило, правительство не брало на себя никаких обязательств, но оставляло за собой право в любое время предоставлять однородную концессию другим лицам. По истечении установленного срока правительство имело право выкупить все предприятие концессии [11, с. 7].

В 1927 г., заслушав отчетный доклад Главного концессионного комитета, Совнарком СССР был вынужден признать малую успешность концессионной практики. Среди основных причин были названы: 1) отсутствие плановости в осуществлении концессионной политики; 2) недостаточная активность сторон; 3) недоброжелательное отношение советских хозяйственных органов, боязнь конкуренции; 3) несоразмерность требований концессионных договоров с возможностями предприятий, как следствие – убыточность концессий; 4) медлительность в переговорах и при решении спорных вопросов [5, с. 201].

К этому времени стали очевидны недостатки в стратегии использования иностранных инвестиций для восстановления и развития производства. В резолюции Совета Съездов государственной промышленности и торговли СССР 6 августа 1927 г. констатировалось, что фактическое вложение иностранного капитала в концессионные предприятия не соответствует имеющимся в СССР возможностям и, не-

смотря на трудности увязки двух социально-экономических систем, концессионная политика могла бы дать более значительные результаты [8, с. 5]. Основными дефектами существовавшей концессионной практики Съезд признал недостаточное урегулирование отдельных экономических и правовых моментов, а также отсутствие достаточной гибкости при проведении в жизнь той или иной стороной договорных условий [8, с. 6].

Одним из итоговых документов стали «Основные положения, определяющие порядок осуществления концессионного дела в целом», утвержденные СНК СССР 16 августа 1928 г., согласно которых в концессионную деятельность вводилось плановое начало: география и производственная деятельность концессий должны были быть тесно связанными с перспективными планами развития народного хозяйства СССР. Иностранному капиталу отводилась роль стимулирующего фактора, усиливавшего конкуренцию советских и заграничных предприятий. Включение концессионных предприятий в сферу государственного регулирования предопределило их ликвидацию и постепенное свертывание концессионной политики.

Рассматривая масштаб концессионной деятельности в золотодобывающей промышленности СССР, стоит отметить, что территориальный вектор иностранного капитала был направлен, прежде всего, в Сибирь и на Дальний Восток. Но если практическая результативность иностранных инвестиций в золотодобычу Дальнего Востока не превышала 1,1-1,3%, то вклад английской концессии «Лена Голдфилд Лимитед» в общесоюзной золотодобыче составлял около 30 %.

Возвращение к идее использования иностранных инвестиций было связано с созданием на территории СССР совместных предприятий, деятельность которых регулировалась Постановлениями Совета Министров СССР от 13 января 1987 г. Доля участия иностранного капитала вначале не могла превышать 49%, затем это ограничение было снято. Указ Президента СССР от 26 октября 1990 г. «Об иностранных инвестициях в СССР» предусматривал создание не только

совместных предприятий, но и организаций со 100-процентным участием иностранного капитала. В правовом акте отсутствовало детальное регулирование, обозначались лишь основные направления государственной политики. Тем не менее, была внесена норма о создании иностранным инвестициям не менее благоприятного режима, чем для инвестиций отечественных предпринимателей. Принятые позже Основы законодательства об иностранных инвестициях в СССР дублировали основные положения указа.

Российское законодательство развивалось параллельно союзному и содержало значительное число заимствований. Так, законом РСФСР №1488-1 от 26 июня 1991 г. «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» были определены основные положения, призванные обеспечить защиту прав, интересов и имущества субъектов инвестиционной деятельности вне зависимости от форм собственности. Такими субъектами могли выступать физические и юридические лица, в том числе и иностранные, а также государства и международные организации.

В это же время был принят закон «Об иностранных инвестициях в РСФСР» №1545-1 от 4 июля 1991 г., который определил правовые и экономические основы осуществления иностранных инвестиций на территории РСФСР, на тот момент входившей еще в состав Советского Союза. Как и в 1920-е гг., основное внимание было нацелено на привлечение иностранных материальных и финансовых ресурсов, передовой зарубежной техники и технологии, управленческого опыта. Закон определял понятие иностранных инвестиций (ст. 2), под которыми подразумевались все виды имущественных и интеллектуальных ценностей, вкладываемые иностранными инвесторами в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях получения прибыли. Были установлены субъекты, объекты, пути осуществления и государственные гарантии защиты иностранных инвестиций. Право пользования землей и природными ресурсами регулировалось Земельным кодексом РСФСР и другими действующими

законодательными актами. Право на разработку и освоение природных ресурсов должно было осуществляться на основании концессионного договора. Процесс активного вовлечения России в сферу международного регулирования миграций иностранного капитала, притягательность российского рынка для зарубежных капиталовложений определяют дальнейшее развитие и совершенствование нормативно-правовой базы.

Рассмотренный опыт использования иностранных инвестиций в отечественной золотодобывающей промышленности позволяет определить взаимосвязь и преемственность государственной политики в Российской империи и СССР:

– иностранные капиталы допускались, как правило, с целью восстановления либо активизации развития отрасли, что подразумевало применение передовых технологий, техническое усовершенствование предприятий, использование опыта иностранных специалистов;

– нормативно-правовое регулирование деятельности иностранных компаний осуществлялось как общим, так и сепаратным законодательством, при этом вводимые ограничения были направлены на защиту российских государственных интересов;

– привлечение иностранных инвестиций находилось в тесной взаимосвязи с развитием событий и расстановкой сил на международной арене, а также с внутренними пробле-

мами в государстве;

– политические интересы преобладали над экономической эффективностью на протяжении всего рассматриваемого периода.

Стоит подчеркнуть решающую роль государства в урегулировании организационных и правовых проблем иностранных предпринимателей: 1) необходимость особых разрешений и ограничительные меры для иностранных компаний во второй половине XIX – начале XX вв.; 2) государственный контроль и попытки «встроить» концессионные предприятия в плановую социалистическую экономику 1920-х гг.; 3) создание условий для деятельности иностранных инвесторов и гарантий защиты их прав в конце 1980 – начале 1990-х гг. В настоящее время повышается активность зарубежных золотодобывающих компаний на российском рынке золота. По данным Союза золотопромышленников России, если в 2004 г. они контролировали 15-18% добычи золота, то в 2011 г. – 25%. В России по-прежнему с привлечением иностранных капиталов связываются определенные надежды в решении экономических и политических проблем.

References:

1. Донгаров А.Г. Иностраный капитал в России и СССР. – М.: Международные отношения, 1990. – 158 с.
2. Поткина И.В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности иностранцев в России.

1861-1916 гг. // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. – М.: РОССПЭН, 1997. – 328 с.

3. Поткина И.В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России, XIX – первая четверть XX века. – М.: Норма, 2009. – 304 с.

4. Расселли Ф.И. Сведения о частном золотом промысле в России. – СПб, 1863. – 244 с.

5. Хромов С.С. Иностранные концессии в СССР. Исторический очерк. Ч.1. – М.: ИРИ РАН, 2006. – 386 с.

6. Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. – Л.: Наука, 1973. – 344 с.

7. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. – Л.: Наука, 1981. – 276 с.

Sources:

8. Государственный архив Новосибирской области. Ф.Р-47. Оп.5. Д.482.

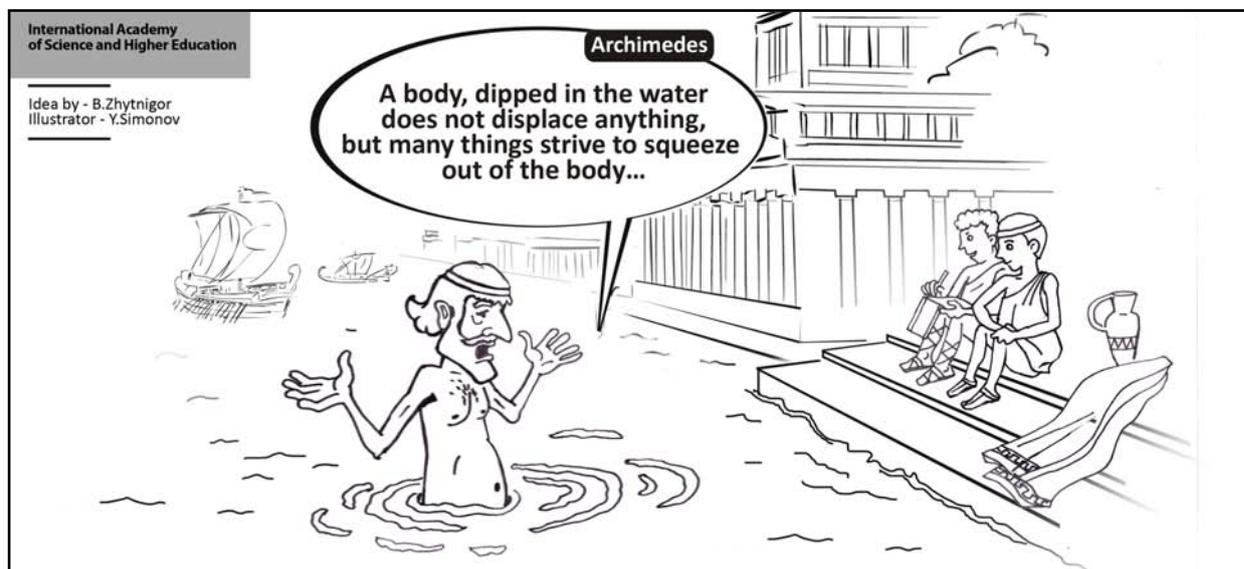
9. Государственный архив Хабаровского края. Ф. 937. Оп.1. Д.8.

10. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т.1. – М.: Госполитиздат, 1957. – 879 с.

11. Российский государственный архив экономики. Ф.413. Оп.11. Д.129.

12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб, 1856. Т.13. №1188.

13. Свод законов Российской Империи. Кн.2. Т.VII. – СПб. 1912.

**THE FREEDOM AND DISCIPLINE
PROBLEM IN EDUCATIONAL SYSTEM
OF THE USSR AND THE THIRD REICH
(1933-1941)**

R. Masalimov, Candidate of History, Associate Professor
R. Khamidullin, Candidate of History, Associate Professor
Birk Branch of the Bashkir State University, Russia

Authors are looking into the problem of freedom and discipline in educational systems of Stalinist Soviet Union and Hitlerite Germany where children and youth were inveigled into the policy.

Keywords: extreme anthropology, education, school systems, school discipline, freedom, the Leninist Komsomol, Hitlerjugend.

Conference participants, National championship
in scientific analytics, Open European and Asian
research analytics championship

**ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ И ДИСЦИПЛИНЫ
В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СССР
И ТРЕТЬЕГО РЕЙХА
(1933-1941 гг.)**

Масалимов Р.Н., канд. ист. наук, доцент
Хамидуллин Р.Р., канд. ист. наук, доцент
Бирский филиал Башкирского
государственного университета, Россия

Авторы статьи исследуют проблему соотношения свободы и дисциплины в системах воспитания в СССР и нацистской Германии, где впервые в истории человечества дети, подростки и молодёжь были вовлечены в политику.

Ключевые слова: экстремальная антропология, воспитание, обучение, свобода, дисциплина, Ленинский комсомол, Гитлерюгенд.

Участник конференции, Национального первенства
по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского
первенства по научной аналитике

Большевики в России и нацисты в Германии пришли к власти под лозунгами свободы – первые за свободу «всех угнетённых и трудящихся, изнывающих под игом капитала», вторые за свободу «всех немцев, поработённых мировым еврейским капиталом». Первоначально, и в советской России, и в нацистской Германии существовала своя особая концепция воспитания и образования подрастающего поколения. Несмотря на то, что и там и тут, в целом, придерживались модернистских принципов экономической и социальной практики, в области воспитания и образования, вообще в сфере духовной культуры доминировали иррационализм, мифотворчество, вера в прекрасное будущее, в возможность перевоспитания, более того, создания «нового человека». Конечно, и в религиях присутствуют подобные элементы, кроме возможности строительства «рая на земле», но коммунистическая мечта и нацистская идея «тысячелетнего Рейха», в отличие от них, обещали «рай на земле», но реализовались они путём пропаганды, принуждения, насилия, а то и всем комплексом «экстремальной антропологии».

Понимание экстремальной антропологии как перверсии, закреплённое в научном дискурсе, кажется нам устаревшим. На современном этапе развития гуманитарного знания имеет смысл говорить о ней, как о конструкте, относящемся к смысловому полю науки о человеке – философской антропологии. Именно такое понимание

позволит расширить круг методологических подходов к теме и даст возможность продолжить исследование нечеловеческих проявлений антропологии, руководствуясь новыми данными.

Прежде всего, речь идёт о том, как можно оценить практически поголовное подчинение абсолютного большинства народов в России и в Германии воле одного человека и беспрецедентное его обожествление. Конечно, в древней истории подобное имело место, и это вполне научно объяснимо. Но в XX веке речь идёт об одном из проявлений экстремальной антропологии – о мазохизме в массовом масштабе. По нашему мнению, мазохизм – это экстремальное состояние с присущей ему определённой структурой, динамикой формирования, и методологией развёртывания, в которое человек попадает под воздействием сверхпороговых жестокости и унижения.

Впервые это состояние было чётко описано австрийском писателем Леопольдом фон Захер-Мазохом в его многочисленных произведениях, самым ярким из которых считается «Венера в мехах» (1869 г.). Это произведение позволило вычленил мазохизм как общечеловеческое явление, средствами литературы описать его настолько клинически достоверно, что известный психиатр Рихард фон Крафт-Эбинг счёл возможным перенести симптоматику отдельно взятого писательского эго на целый пласт

“перверсий”. История, описанная Л. фон Захер-Мазохом, пересекла границы литературы и литературоведения, и стала для мазохизма «целостной концепцией человека». Через сто лет французским философом-постмодернистом Жилем Делёзом была предпринята попытка философского осмысления феномена мазохизма в работе «Представление Захер-Мазоха (холодное и жестокое)» (1967 г.). В этой книге была предпринята попытка разделения ошибочного единства садизма и мазохизма, а также были очерчены границы (или, “кромки”, по Делёзу) мазохистского конструкта, исследована его структура и динамика формирования.

Ж. Делёз писал: «Мазохизм – есть некая история, рассказывающая о том, как и кем было разрушено сверх-Я, и что из этого вышло» [1]. Мы в своей работе попытаемся на основе круга источников расширить и конкретизировать этот посыл Ж. Делёза.

Мазохизм изучается широким кругом наук (философия, психология, медицина и др.), а также является неотделимой частью человеческой жизни (напр., мазохизм в семье, в религии и т.д.). Каждый из подходов даёт собственную, специфическую “картографию” мазохизма, рассматривает его с собственного угла зрения. Простое суммирование этих данных не позволяет сформировать общий план мышления. Поэтому мы вновь обращаемся к новой философии, вернее, одной из её ветвей – экстремаль-

ной антропологии, под руководством которой, надеясь создать адекватную модель мазохистского фантазма, с максимальной конкретностью отразить её суть и к разработкам Ж. Делёза добавить собственные мнения о его исходах.

Итак, идеологи Советской страны и нацистской Германии особое внимание уделяли к иррациональным корням поведения детей и подростков, к своеобразной «диалектике» свободы и дисциплины. При этом и коммунисты, и нацисты склонялись к кантианскому пониманию дисциплины и свободы личности. «Два человеческих изобретения можно считать самыми трудными: искусство управлять и искусство воспитывать», – повторяли слова великого Иммануила Канта его ученики в XX в. – «Человек может стать человеком только через воспитание. Он – то, что делает из него воспитание» [2, с. 16].

Один из высших идеологов нацизма считал кантианскую версию соотношения свободы и дисциплины продолжением, развитием «истинно немецкого мистика». Он высокопарно писал: «Этот мистик стремится все больше и больше освободиться от конфликтов материального мира. Он признает инстинктивные моменты нашего человеческого существования, наслаждение, силу, но также и так называемые добрые дела несущественными для души; но чем больше он преодолевает земные трудности, тем величественнее, богаче божественнее чувствует себя он внутренне. Он открывает чисто духовную силу и чувствует, что это его душа представляет собой центр силы, с которым, безусловно, сравнить нечего. Эта свобода и беззаботность души по отношению ко всему, в том числе к Богу, и сопротивление всякому принуждению, в том числе со стороны Бога, показывает самую большую глубину, до которой мы можем проследить нордическое понятие чести и свободы. Он является “крепостью души”, той “искоркой”, о которой мастер Эккехарт говорит с новым удивительным восхищением. Он представляет самую глубокую, самую нежную и тем не менее самую сильную сущность нашей расы и культуры. Эккехарт не на-

зывает эту глубину по имени, так как чистый субъект познания и желания не должен иметь имени, не должен иметь качеств, а должен быть отделен от всех форм времени и пространства. Но сегодня мы можем отважиться эту “искорку”, которая проявила себя как пожирающее пламя, назвать метафизическим подобием идей чести и свободы. Потому что честь и свобода – это в конечном итоге не внешние свойства, а сущности, не имеющие пространства и времени, которые образуют ту “крепость”, из которой вылазку в “мир” предпринимают истинная воля и истинный разум. Для того, чтобы его победить или использовать как временную меру для реализации души» [3, с. 115].

Нацистский идеолог восторгается “предтечей» (Vorlufer) Канта: «Теперь следует себе представить, что значило для доминиканского приора в начале XIV века перед лицом управляющей миром нетерпимой Церкви предпринять переоценку действующих высших ценностей и даже отважиться на попытку представить скромным верующим положительную новую высшую ценность. Это не могло произойти в открытом выступлении против Рима, а только при помощи образного представления духовного опыта. Из этого опыта вытекает проповедь Эккехарта об “отрешенности души”, может быть, самое лучшее вероучение сознания германской личности» [4, с. 123].

Идеологи тоталитарных систем были уверены в том, что родители и правители портят детей. Первые думают, мол, лишь о том, чтоб их отпрыски хорошо устроились в жизни, вторым нужны орудия государства. И те, и другие воспитывают, исходя из существующего порядка вещей. Но истинное воспитание должно готовить людей к будущему, лучшему состоянию всего общества. Тогда они вызовут к жизни это состояние. Они более чем уверены также, что человека можно либо дрессировать, либо просвещать. Главная цель воспитания – вырастить преданных системе граждан, борцов за великие идеи партии и вождя (фюрера). Сознательно человек должен пройти четыре ступени воспитания: обрести дисциплину, полу-

чить навыки труда, научиться вести себя и стать моральным. Прежде и превыше всего – дисциплина, его отсутствие превращает человека в дикаря; можно обучить любым навыкам, но искоренить дикость, возместить отсутствие дисциплины невозможно. Самая трудная ступень – последняя. Стать моральным (конечно, в строгом соответствии со своим «моральным кодексом» строителя нового общества) для коммуниста и нациста – это великая цель. Вот почему дисциплина становится в тоталитарных системах самоцелью.

Как мы видим, нацистская воспитательная доктрина исходила из того, что человеку присуще, прежде всего, эмоциональная, а не интеллектуальная сущность. Из такой антропологической позиции сформировались некоторые воспитательные задачи, которые основывались на том, что центральный пункт человеческого существа – тело, затем характер (воля) и только затем дух. Менее образованный, но физически здоровый человек с хорошим, твёрдым характером, преисполненный силой воли, ценнее для общества, «чем остроумный слабак». И тут надо вспомнить великого философа Канта, который настойчиво рекомендовал физические упражнения, что было в своё время педагогическим новшеством. Бег, прыжки, поднятие и перенесение тяжестей, плавание, метание в цель и пр. полезны детям. Полезны игры на свежем воздухе.

Ребёнок, по мнению И. Канта, должен уметь играть. Но игру не следует смешивать с работой. Кёнигсбергский философ не приемлет устремлений педагогов учить детей шутя и играя. Обязательные занятия в школе – работа, её выполняют ради определённой цели. Игра содержит цель в себе самой, здесь главное – сам процесс, а не внешний результат. Умение различать труд и игру важно и для взрослых, последние не скажут на палочках, но у каждого есть свой конёк. Крайне вредно приучать ребёнка смотреть на всё как на игру. Школа – это принудительная культура, хотя своей целью она должна иметь воспитание свободного и дисциплинированного человека.

Итак, большевики и национал-социалисты взяли из исторического багажа педагогики и философии именно то, что обеспечивало в их системе воспитания и образования безраздельное доминирование строгой дисциплины при иллюзии полной свободы. Они провозглашали целью своей молодёжной политики «воспитание активного члена общества», создание нового поколения граждан, безгранично преданных идее вождей. Поэтому молодёжь подвергалась беспрецедентной идеологической обработке под прикрытием «культурной революции» (в СССР) и «унификации» (в Германии), находилась под постоянным воздействием централизованной пропаганды.

Хотя в начале войны произошёл определённый поворот, ибо «в фазе непосредственной военной подготовки национал-социалистской Германии не могла больше позволить себе, как высокоиндустриальное государство, временное вытеснение школьного «образования» внешкольным «воспитанием» [5, с. 186]. Но преимущество политики перед педагогикой было, всё же, неоспоримо. Этому соответствовало также особенное значение, которое приписывали педагоги Третьего Рейха функциональному воспитанию. Функциональное воспитание и планомерное воспитание стояли также на службе всеобщего «приспособления». Однако вопреки многочисленным указам и организационным мероприятиям унифицированная школьная политика оказывалась не простой, ибо, с одной стороны, компетенция между функционерами Рейха не была чётко ограничена, с другой – имелись различные представления о будущей воспитательной системе, что привело к сильным конфликтам [6, с. 176-177, 179].

В отличие от сугубо авторитарной молодёжной политики в сталинистском Советском Союзе, в Третьем Рейхе на первый взгляд существовала иллюзия некоторой свободы в деятельности союза немецкой молодёжи – Гитлерюгенда. Дискуссия между школой и ГЮ, организационные перестройки предполагали возможность особенной школьной воспитатель-

ной системы, в которой должна была возвращаться «свободные», «дисциплинированные» кадры для Рейха и НСДАП. Никакого особого занятия (в СССР для молодёжи обязательно было «политзанятие», по крайней мере, школьные «политинформации») нацистские функционеры не устраивали. Но политические элементы и «новые» образовательные цели присутствовали почти во всех распоряжениях и директивах, в частности, и для таких предметов, как физическая культура, география, история, биология. Следует особо отметить, что в директивах рейхсминистерства науки, воспитания и народного образования 1938 г. для отдельных школ исключительное внимание уделялось истории. Так, занятия по истории имели задачу доступно вводить «от всегда эффективных и нерушимых непрерывных расовых основ немецкого народа» к уверенности большого национального бытия, охватывая прошлое и будущее. При этом они не должны были насаждать односторонние критические способности, так как пониманию исторического прошлого скорее свойственны воля и чувства, а уж потом разум.

В народной школе в Рейхе также политическое воспитание проходило в первую очередь на уроках по истории, центральным пунктом которого явилось отношение «молодёжь-народ-руководитель». Исходя из актуальных политических ситуаций, занятия должны были формировать понимание политических задач немецкого народа, и воспитывать молодёжь «радостной, свободной, самоотверженной готовности за народ, за отечество». Наряду с новой формулировкой и котировкой учебных программ, а также новой организации воспитательной системы возникло несколько иное понимание отношений ученик-учитель. Понятия воспитателя и воспитанника заменялись на «руководитель и последователи» [7, с. 24]. Естественно, педагогические методы опускались в пользу «формирования свободной и дисциплинированной личности».

Таким образом, этот краткий обзор идеологических и педагогических основ системы воспитания в тотали-

тарных государствах показывает интересный, но, возможно, негативный, опыт вовлечения молодого поколения в социальную и политическую практику. Первоначально, партии и вожди использовали энтузиазм, свободолюбие, анархизм подростков и молодёжи для их мобилизации и самоорганизации, создания самостоятельных союзов молодёжи как субъектов политической жизни. Вообще-то коллективные воспитательные мероприятия всегда имеют своей целью гомогенизацию отношений, что история тоталитарного строя и в СССР, и в Германии и явила миру. Нельзя нам перескочить через эти практики и опыт. Это было время, когда государство, ведомое вождём и, в соответствии с его философией и педагогикой, физически и морально воспитывало человека, пригодного для решения реальных задач и сверхзадач. «Диалектическое» сочетание таких высших ценностей, как «свобода» и «дисциплина», оказывается, может дать исключительные результаты. Из них надо уметь извлечь уроки.

References:

1. Захер-Мазох Л. фон. Венера в мехах; Делёз Ж. Представление Захера-Мазоха (холодное и жестокое); Фрейд З. Работы о мазохизме. – М.: РИК «Культура», 1992. – 380 с.
2. Валеев И.И., Уланова И.А. Воспитание: дисциплина и свобода. – Уфа: УГАЭС, 2011. – 201 с.
3. Розенберг А. Миф XX века: Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. Третье изд. – Кн. первая. – Часть III. – Гл. 1.
4. Там же. – Гл. 3.
5. Lingelbach K.C. Erziehung und Erziehungstheorien im nationalsozialistischen Deutschland. – Weinheim, Berlin, Basel: Beltz Verlag, 1970. – 157 S.
6. Хамидуллин Руслан. Эволюция отношений германского офицерского корпуса и НСДАП в 1933-1939 гг. – Саарбрюккен: LAP, 2012. – 209 с.
7. Gamm H.-J. Führung und Verführung: Pädagogik des Nationalsozialismus. – München: List Verlag, 1964. – 497 S.

SACRED MATHEMATICS OF ANCIENT SYMBOLS: ON THE EXAMPLE OF THE CHINESE MONAD GEOMETRY AND ARITHMETICAL GEOMETRY OF THE FERMAT'S LAST THEOREM

Yu. Ivliev, Doctor of Science, Professor, Academician
International Informatization Academy, Russia

In the report the idea of effectiveness of ancient sacred symbols in interaction of man and nature is conducted. With the help of different manipulations with symbols some ancient people (let's call them the initiated ones) could actually affect the surroundings basing themselves upon deep intrinsic regularities designated in a sacred symbol by one or another way. From the modern point of view these regularities can be described, conditionally speaking, by sacred mathematics defining the verity of any process or thing. The way such latent mathematics (which we can scarcely appreciate) works, is shown by the Fermat's Last Theorem, being as a matter of fact the principle of action for the great East symbol known in the West as Chinese monad.

Keywords: sacred mathematics, ancient symbols, Chinese monad, Fermat's Last Theorem

Conference participants, National championship
in scientific analytics, Open European and Asian
research analytics championship

Сакральные древние символы, дошедшие до нас из глубины веков, являются по сути интеллектуальными артефактами древних культур, изображающими собой важнейшие принципы бытия и одновременно ментальные руководства по взаимодействию с этими символами. Глубинные значения многих символов были со временем забыты последующими поколениями и сохранились только в виде орнаментов или отдельных украшений на множестве других материальных артефактов. Но были и такие, особо значимые символы, которые передавались из поколения в поколение вместе с богатой смысловой нагрузкой, фиксируемой в мифах, преданиях и иных свидетельствах старины. К новейшему времени большинство этих сказаний были обобщены, проанализированы и детально изучены специалистами различных направлений. Однако некоторые из особо значимых, сакральных символов продолжали оставаться загадочными и несущими в себе какое-то внутреннее могущество, недоступное для профанного мышления.

К таким символам относится несомненно китайская монада, как называют на Западе великий символ Востока, известный также под названиями Тай Чи (Схема Великого Предела – Китай), Тэ Гук (Корея), Томоё

(Япония). Несмотря на богатую философскую и культурологическую литературу, посвященную этому символу, его собственное внутреннее содержание не было исследовано с чисто математической точки зрения до тех пор, пока оно не проявило себя в арифметической геометрии Великой теоремы Ферма [1]. В докладе автора на данной конференции «Судьбоносное научное открытие XVII века: Великая теорема Ферма» было рассказано о математической реконструкции оригинального доказательства указанной теоремы, которая включала в себя методы арифметической геометрии древних математиков. Эти методы можно было бы назвать элементарными по сравнению с продвинутыми разделами современных математических наук, но, с другой стороны, они явно указывали на глубокие основополагающие принципы, коренящиеся в очевидных обобщениях древних геометрических теорем. Эти обобщения легко можно было представить на Схеме Великого Предела, что давало совершенно новый ракурс построения числовых пространств в диапазоне чисел от нуля до бесконечности. Именно выбор подходящего числового пространства и позволил буквально в несколько шагов доказать теорему Ферма [2].

Но это ещё не всё. Самый удиви-

САКРАЛЬНАЯ МАТЕМАТИКА ДРЕВНИХ СИМВОЛОВ: НА ПРИМЕРЕ ГЕОМЕТРИИ КИТАЙСКОЙ МОНАДЫ И АРИФМЕТИЧЕСКОЙ ГЕОМЕТРИИ ВЕЛИКОЙ ТЕОРЕМЫ ФЕРМА

Ивлиев Ю.А., д-р наук, проф., академик
Международная Академия Информатизации, Россия

В докладе проводится идея действительности древних сакральных символов во взаимоотношении человека и природы. С помощью различных манипуляций с символами отдельные древние люди (назовем их посвященными) могли активно влиять на окружающую среду, опираясь на глубокие внутренние закономерности, обозначенные тем или иным способом в сакральном символе. С современной точки зрения эти закономерности могут быть описаны, условно говоря, сакральной математикой, представляющей собой истинность любого процесса или вещи. Как работает такая скрытая математика, о которой мы пока мало что знаем, показывает Великая теорема Ферма, являющаяся по сути принципом действия великого символа Востока, известного на Западе как китайская монада.

Ключевые слова: сакральная математика, древние символы, китайская монада, Великая теорема Ферма.

Участник конференции, Национального первенства
по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского
первенства по научной аналитике

тельный вывод, который можно было сделать из рассмотрения геометрии китайской монады и доказательства теоремы Ферма, заключается в переходе к новым (скрытым) измерениям первоначально плоского пространства, изображенного в виде фрактальной геометрической схемы. Другими словами, выяснилось, что геометрия нашего мира многомерна в смысле недавно доказанной гипотезы Пуанкаре [3], и нашему восприятию открываются дополнительные измерения в процессе исследования и применения дуального устройства китайской монады (см. рис. 1).

На рис. 1 концы диаметров двух малых кругов, вращающихся вокруг их общего центра, движутся с переменными скоростями по взаимно перпендикулярным прямым Φ_1 и Φ_2 , тогда как сами малые окружности катятся без скольжения по внутренней стороне большого круга. Длины отрезков, обозначенных на рисунке, изменяются в соответствии с синхронными цепочками уравнений, связанных между собой теоремой Пифагора:

$$\frac{z}{x_0} = \frac{x_0}{k} = \frac{k}{k_1} = \dots = \frac{k_{n-3}}{k_{n-2}}$$

$$\frac{z}{y_0} = \frac{y_0}{l} = \frac{l}{l_1} = \dots = \frac{l_{n-3}}{l_{n-2}}$$

$$z^2 = x_0^2 + y_0^2.$$

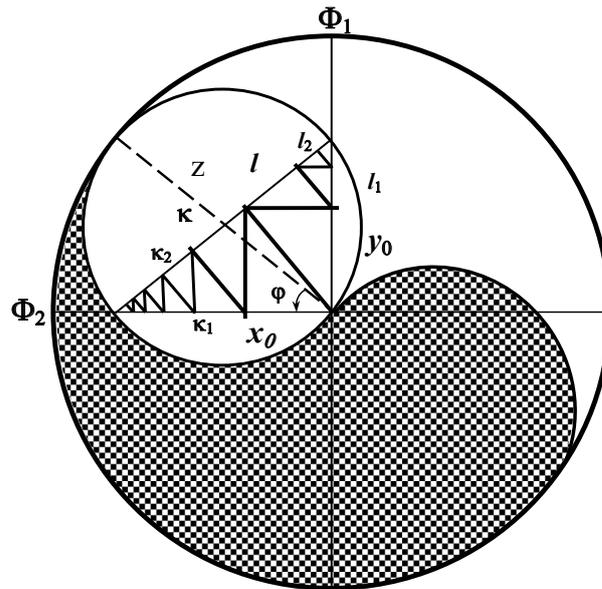

Рис. 1

Таким образом, на плоскости рисунка постоянно совершается инверсия малых кругов, приводящая к «квантовому скачку» какой-либо измеряемой или воспринимаемой физической величины из состояния $|\Phi_1\rangle$ в состояние $|\Phi_2\rangle$ или наоборот. Поскольку квантовый скачок происходит мгновенно, то он представлен темпомом – квантом настоящего времени (промежутком между двумя событиями), жестко синхронизованном с движением двух малых кругов в сакральном пространстве большого круга. По сути время фактически и является движителем всего устройства монады. При этом энергетические или квазиэнергетические процессы в ней характеризуются нелинейными волнами – инстантонами 4-х видов [4]. Выявленные геометрические особенности монады позволяют утверждать, что происходящие в ней с математической точностью естественные изменения имеют универсальный характер и могут описывать любые процессы объективного мира с учетом нового взгляда на основополагающие научные принципы (что есть время и что есть движение), философские споры о которых тянутся из глубины веков и не прекращаются до сих пор. В связи с вышеизложенным геометрическую структуру рис. 1 можно было бы назвать также универсальным информационным квантом Вселенной [5], описываемом в квантовой информатике

на языке кубитов – единиц квантовой информации [6].

Изучение универсального информационного кванта, конечно, только начинается и говорить о сакральной математике древних символов, наверное, было бы преждевременно, если бы не открытие Ферма в XVII веке самой существенной черты нелинейных процессов: полностью когерентными нелинейные процессы могут быть только для парных взаимодействий (описываемых теоремой Пифагора в геометрической теории вероятностей), а в многочастичных взаимодействиях когерентность нарушается по той же причине, по которой невозможно записать уравнение Ферма в целых числах [5]. Этот вывод непосредственно ведет нас к пересмотру основных законов природы, добытых человечеством на протяжении последних столетий и даже тысячелетий. Это, в основном, касается линейных законов в физике и других естественных науках. Переход на квантовый уровень описания закономерностей предполагает учет принципиальной нелинейности рассматриваемых процессов, а это одновременно означает и более глубокий уровень их постижения.

Таким образом, современная наука, представленная своими нелинейными дисциплинами (нелинейной механикой, нелинейной акустикой, нелинейной оптикой и т.д.), соприскасается в своих основах с древней

наукой (если можно так выразиться), использующей когнитивные механизмы человеческого восприятия (которое, по-видимому, непрерывно, хотя и медленно, эволюционирует) для проникновения в суть вещей. На современном этапе развития человечества вершиной постижения законов природы являются математические знания, добытые в недрах самой природы и отраженные, в частности, в древних сакральных образах. Вопрос сегодня заключается лишь в том, чтобы уделить максимум внимания сакральной математике, пока еще совсем мало изученной и потенциально присутствующей во взаимодействии субъективного и объективного начал в мировых процессах. Древним людям, наверное, были известны явления непосредственного воздействия человеческой мысли на грубую материю с помощью янтр (ментальных устройств в виде диаграмм и рисунков) и мантр (звуковых вибраций, несущих смысловую нагрузку). Очень много подобных примеров можно найти в традиционной индийской философии при рассмотрении дуальной концепции «Нама-Рупа» (Имя-Форма). Во всяком случае нужно уже сегодня переходить на новые формы развития фундаментальных наук и фундаментального образования для решения накопившихся глобальных проблем, на которые старая наука ответить уже не может [7].

References:

1. Ю.А. Ивлиев Разгадка феномена Великой теоремы Ферма – Современные наукоемкие технологии 2010 № 4 с. 38-45.

2. URL. <http://www.yuri-andreevich-ivliev.narod.ru/>

3. Ю.А. Ивлиев Две знаменитые теоремы о реальной геометрии нашего мира – Международный журнал эк-

спериментального образования 2011 № 7 с. 47-48.

4. Y.A. Ivliev On Instanton Anatomy – Superconductivity: Research and Development 1996 № 7-8 pp.23-29.

5. Юрий Ивлиев У порога новой науки или что стоит за феноменом Великой теоремы Ферма [in Russian and partly in English], Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publishing, 2012, 177 с.

6. Ю.А. Ивлиев Великая теорема Ферма как квантовая теорема для квантовой информатики – Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований 2010 № 2 с. 17-20.

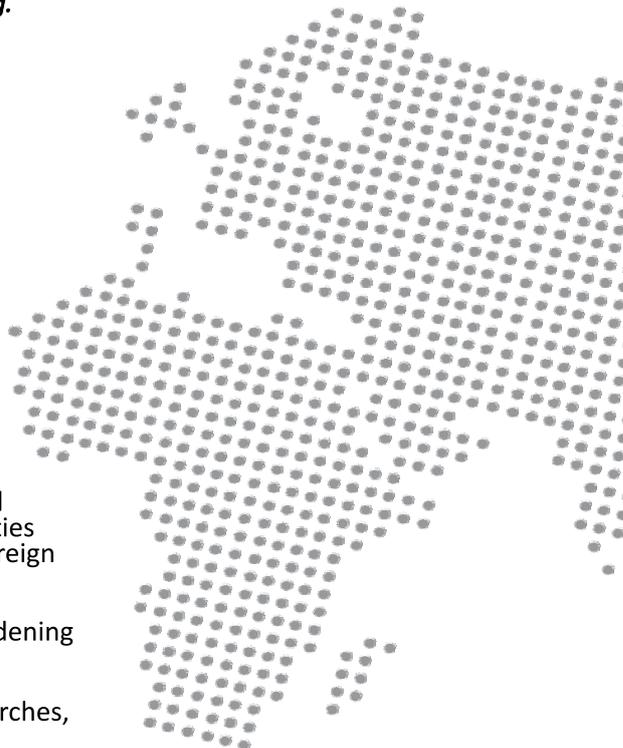
7. Ю.А. Ивлиев Проект «Глобальная Научная Инициатива – Наука III Тысячелетия» (обоснование) – Международный журнал экспериментального образования 2011 № 5 с. 71-73.

INTERNATIONAL UNION OF COMMERCE AND INDUSTRY

Union of commercial enterprises, businessmen, scientists, public figures and politicians from different countries. The union combines the social and commercial elements of functioning.

- Promotion of international consolidation and cooperation of business structures
- Promotion of development of commercial businesses of various kinds
- Assistance in settlement of relations and businessmen with each other and with social partners in business environment
- Assistance in development of optimal industrial, financial, commercial and scientific policies in different countries
- Promotion of favorable conditions for business in various countries
- Assistance in every kind of development of all types of commercial, scientific and technical ties of businessmen of different countries with foreign colleagues
- Promotion of international trade turnover widening
- Initiation and development of scientific researches, which support the effective development of businesses and satisfy the economic needs of the society
- Expert evaluation of activities in the field of settlement of commercial disputes, establishment of quality standards and defining of factual qualitative parameters of goods and services
- Legal and consulting promotion of business
- Establishment and development of activities of the international commercial arbitration
- Exhibition activities
- Holding of business and economic forums

www.iuci.eu

TYPOLOGY OF THINKING IN THE SYSTEMATIC MODEL OF REPRESENTATION

V. Chernyak, Candidate of Technical Science,
Associate Professor
National Mining University, Ukraine

According to the author's concept of systemic approach developed in the article, the "systematicity" is considered not as "a universal quality of the world around", but only as the subject's ability to bring observable and conceivable objects and phenomena to a certain order. In this article the classification of types of thinking of living organisms, based on their phylogenetic and ontogenetic features is investigated. The role and place of "systemic thinking" in this classification is estimated.

Keywords: impulse thinking, logical thinking, systemic thinking, process thinking, holistic thinking.

Conference participant, National championship
in scientific analytics, Open European and Asian
research analytics championship

ТИПОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ В СИСТЕМНОЙ МОДЕЛИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Черняк В.И., канд. техн. наук, доцент
Национальный горный университет, Украина

Согласно развиваемой авторской концепции системного подхода, «системность» рассматривается не как «всеобщее свойство окружающего мира», а лишь как способность субъекта определенным образом «приводить в порядок» наблюдаемые и мыслимые им предметы и явления. В данной работе рассматривается классификация типов мышления живых организмов на основе филогенетических и онтогенетических их особенностей, определяется роль и место в ней «системного мышления».

Ключевые слова: импульсное мышление, логическое мышление, системное мышление, процессное мышление, холистическое мышление.

Участник конференции, Национального первенства
по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского
первенства по научной аналитике

*Ничто нельзя произнести столь точно,
чтобы оно не было ложно истолковано.*

Б. Спиноза

Даже простое перечисление имен известных мыслителей прошлого и настоящего с указанием наиболее знаковых их работ, рассматривающих те или иные аспекты «мышления», может занять весь «полезный объем» данной публикации. Поэтому, для формализации выбранной проблематики, попытаемся ограничиться лишь констатацией «видимых фактов» настоящего времени.

В отличие от научной мысли прошлого, современная классическая наука, на фоне тенденций к всеобщей толерантности, как то «пригасила накал противостояния» между материалистическими и идеалистическими концепциями мироздания. И смутно алогичными начинают выглядеть, например, заявления Ватикана о том, что эволюционная теория Дарвина совсем даже не противоречит Библии, или телеизображения «падающих ниц» у алтарей храмов – вчерашних «воинствующих материалистов». Уже никого особо не возмущают «пересечения» интересов Государства и Церкви, или возведенные в собственных помещениях «государевых мужей» – «персональные храмы». При этом ни в одном государственном либо корпоративном документе не упоминается, например, о «душе гражданина» или «душевном

состоянии сотрудника корпорации».

Собственно же научная мысль, как бы застыла на перепутье, в ожидании подтверждения либо опровержения наличия или отсутствия Души учеными нейробиологами, генетиками, программистами и исследователями Большого андронного коллайдера.

Концентрация центра внимания современных научных разработок на онтогенезе процесса познания и мышления, как такового, в отрыве от их филогенетической составляющей привело к порождению значительного количества их классификаций и типологий. Но, вводя все новые и новые названия «видов (типов) мышления» и ссылаясь при этом на использование «системного подхода», как аргумента, обеспечивающего методологическую достоверность исследования, авторы зачастую забывают о необходимости сохранения, соблюдения «целостности» предлагаемых классификаций (систематизаций).

Как показательный пример можно привести классификацию типов мышления, предложенную гарвардским профессором психологии Говардом Гарднером. Он рассматривает пять типов мышления: 1. Дисциплинарный тип мышления – предполагает, что человек освоил хотя бы одно ремесло

или профессию. 2. Синтезирующий тип – способность интегрировать идеи из разных областей знания в единое целое. 3. Креативный – способность придумывать новое. 4. Уважительный – умение ладить с людьми вне зависимости от их расовой, национальной и профессиональной принадлежности. 5. Этический – нести ответственность за собственные действия [1]. Их сумма, по мнению Гарднера, является показателем «множественного интеллекта».

Но опираясь на тот же, упомянутый принцип «системной целостности», по умозаключениям Гарднера мы можем сформулировать следующее условное выражение:

$$\text{Мышление (как целое)} = \\ = \text{«Множественный интеллект»} + X, (1)$$

где X – это некая компонента, обеспечивающая условие (превышения Целого над простой суммой его составных частей) на которой упомянутый автор внимание не акцентирует.

Такая ситуация в современной науке вполне объяснима с позиции ее стремления, прежде всего, к достижению неких прикладных результатов. Но, в свою очередь, это приводит к снижению ее фундаментальности, расшатыванию ее философских осно-

ваний, а при проявлении негативных результатов – и к отрицанию возможностей рассмотрения «научной картины мира» как основы общечеловеческого мировоззрения.

Сформированные в предыдущих публикациях автора выводы и положения [см., например работы 2-5], позволяют сформировать следующую концептуальную схему, которая может быть положена в основу классификации типов мышления (рис. 1).

Фактически, данная схема является попыткой отобразить филогенез «мышления» в процессе эволюционного раскрытия потенциала Сознания (рис. 2 – более детальные пояснения к этому рисунку можно найти в публикации автора [2]). Там же, а также в работе [2] представлены принципы «совмещения» фило- и онтогенетических типов мышления, а также рассмотрены механизмы их проявления.

Согласно приведенной на рис. 1 схемы, высшим уровнем мышления как такового, мышления «в целом», является так называемое холистическое мышление.

Примечание. Холизм (от др.-греч. ὅλος, «целый, цельный») — в широком смысле — позиция в философии и науке по проблеме соотношения части и целого, исходящая из качественного своеобразия и приоритета целого по отношению к его частям [6].

В точке «Биологического взрыва» Сознание обладая 0-мерностью «пространства мер и значений» начинает раскрытие «потенции» того, что представлено как «холистическое мышление».

И первой фазой реализации его потенциала является формирование «импульсного мышления». Языком физиологии его можно было бы описать через «комплекс условных и безусловных» рефлексов организма, но действительность намного многограннее. На уровне механизмов импульсного мышления заключена угроза тех действий, которые мы называем «манипулированием сознанием». Импульсное мышление логически одномерно. Для него существует только «Истина». Именно здесь содержатся «установки» на траекторию дальнейшего развития мышления каждого

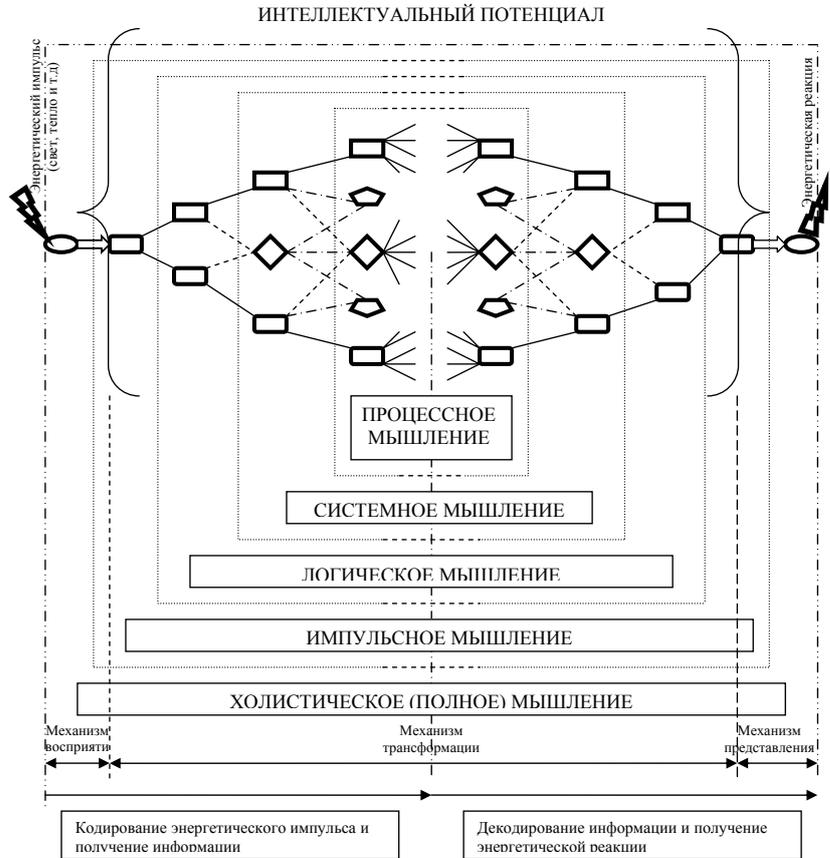

Рис. 1. Концептуальная схема системного представления типологии мышления

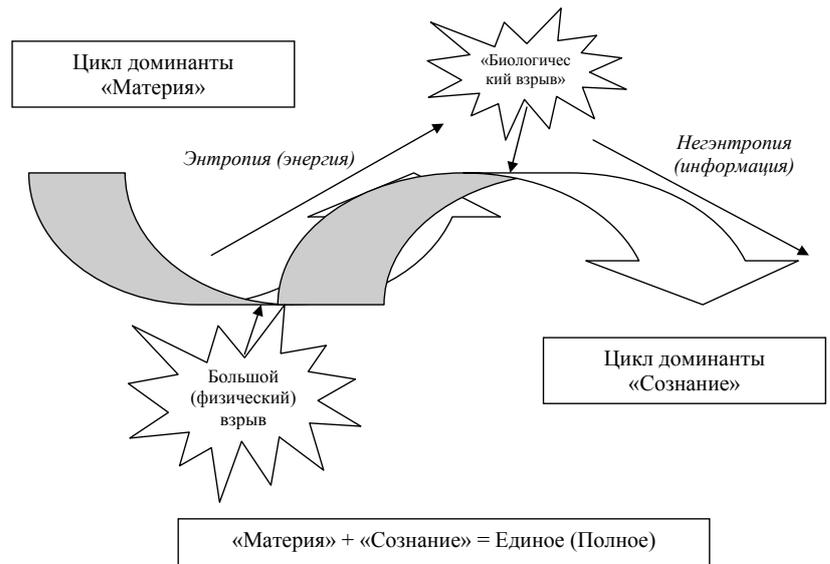

Рис. 2. Концептуальная схема эволюционного процесса «Материи+Сознания»

индивидуума. Принцип действия таких установок можно наглядно отобразить на примере человека, погруженного в гипнотическое состояние. Смена базовой установки механизма восприятия «холодное» на «горячее» приводит к тому, что при прикосновении к реально холодному предмету у такого человека могут появиться ожоги на пальцах.

Следующей филогенетической фазой является формирование у организма «логического мышления». «Пространство мер и значений» которым оперирует «логическое мышление» является плоским, 2-х мерным и достаточно полно отображается алгоритмом «логического квадрата» [см., например 7].

Сущность «системного мышления» более детально раскрыта в уже упомянутых авторских публикациях. Следует только отметить, что именно системное мышление зачастую сегодня становится «виновником» обмана, распространения и «внедрения» в сознание людей ложных представлений об окружающих вещах и происходящих событиях. Ведь даже если на уровне «логического мышления» индивидуум может понимать, что та или иная информация является «ложью», системное мышление «всегда поможет» справиться с этой коллизией, придавая весомость, значимость для индивидуума тех или иных «факторов лжи».

Процессное мышление на сегодня самый глубокий слой, доступный для понимания и объяснения в силу своей много (5-ти) – мерности. По своей сути – это «спинозовское мышление», определенное им «как способ действия мыслящего тела» [8]. Более наглядно процессное мышление выглядит в трактовке представлений Спинозы советским философом Э.В. Ильенковым [9]: «Между телом и мышлением существует не отношение причины-следствия, а отношение органа (т.е. пространственно-организованного тела) со способом его собственного действия. Мыслящее тело не может вызывать изменений

в мышлении, не может воздействовать на мышление, ибо его существование в качестве «мыслящего» и есть мышление. Если мыслящее тело бездействует, то оно уже не мыслящее тело, а просто тело. Если же оно действует, то никак не на мышление, ибо самое его действие представляет собой мышление. <...> Мышление не продукт действия, а самое действие, рассматриваемое в момент его совершения, как, например, ходьба есть способ действия ног, «продуктом» которого оказывается пройденное пространство».

Дальнейшее повышение мерности «пространства мер и значений» человека является эволюционной перспективой развития его мышления. Именно там, в «глубинных уровнях» мыслительных способностей человека «лежат» ключи к пониманию тех вещей и явлений, которые недоступны нашему познанию сегодня.

Но углубляющийся разрыв между истинной природой человека (выходящей далеко за рамки превалирующих на сегодня моделей «потребительских» ценностей импульсного мышления) и функционализмом процессного мышления, ведет сегодня человечество, в целом, и отдельных его индивидуумов, к самообманыванию, а также целенаправленному обману себя и других. И понимание, а также объяснение происходящего с доведением этого до уровня понимания самого простого обывателя, является одной из актуальнейших проблем сегодняшней фундаментальной науки.

References:

1. Гарднер Г. Искусство и наука влияния на взгляды людей. — М.: Вильямс, 2008.
2. Черняк В.И. Причины и механизмы возникновения «системных» проблем [Электронный ресурс] // Материалы XXXV международной научно-практической конференции «Глобальный кризис современности в сфере соотношения мировоззрения, социальных ценностей и политичес-

ких интересов», 02 – 12 ноября 2012, Лондон. – Режим доступа: <http://gisap.eu/ru/node/16070>

3. Черняк В.И. «Система» и «синтагма» как универсальные категории научного познания [Электронный ресурс] // Материалы XXVI международной научно-практической конференции «Нравственно-эстетический вектор развития современной культуры», 11 – 15 июня 2012, Лондон. – Режим доступа: <http://gisap.eu/ru/node/8905>

4. Черняк В.И. Системы и механизмы естественных и социально обусловленных процессов развития [Электронный ресурс] // Материалы XXXI международной научно-практической конференции «Пути преодоления кризисных явлений в педагогике психологии и языкознании», 31 августа – 06 сентября 2012, Лондон. – Режим доступа: <http://gisap.eu/ru/node/12544>

5. Черняк В.И. Формирование пространства состояний для исследования доминант индивидуального поведения [Электронный ресурс] // Материалы XXV международной научно-практической конференции «Проблема современной филологии, педагогики и психологии», 16 – 21 мая 2012, Лондон. – Режим доступа: <http://www.icp-ua.com/ru/node/7535>

6. Никифоров А.Л. Холизм // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2001.

7. Васильев Н.А., О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого, Каз., 1910; Bochenski J.M., *Formale Logik*, Freiburg – Münch., 1956.

8. Спиноза Б. Этика Краткий трактат о Боге человеке и его счастье / перевод с голландского под ред. А.И.Рубина // Бенедикт Спиноза. Избранные произведения в 2 томах. Т.1 М.: Издательство политической литературы 1957 г.

9. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерк 8. Материалистическое понимание мышления. – М., 1974.

PHYLOGENESIS AND ONTOGENESIS OF SYSTEMIC THINKING

V. Chernyak, Candidate of Technical Science,
Associate Professor
National Mining University, Ukraine

According to the author's concept of systemic approach developed in the article, the «systematicity» is not considered as «universal quality of the world around», but only as the subject's ability to bring to a certain order the observable and conceivable objects and phenomena. Continuing previous publications, the issues of phylogenesis and ontogenesis of systemic thinking are detailed.

Keywords: impulse thinking, logical thinking, systemic thinking, process thinking, holistic thinking, phylogenesis, ontogenesis.

Conference participant, National championship
in scientific analytics, Open European and Asian
research analytics championship

ФИЛО- И ОНТОГЕНЕЗ СИСТЕМНОГО МЫШЛЕНИЯ

Черняк В.И., канд. техн. наук, доцент
Национальный горный университет, Украина

Согласно развиваемой авторской концепции системного подхода, «системность» рассматривается не как «всеобщее свойство окружающего мира», а лишь как способность субъекта определенным образом «приводить в порядок» наблюдаемые и мыслимые им предметы и явления. В продолжение предыдущих публикаций, детализируются вопросы филогенеза и онтогенеза «системного мышления».

Ключевые слова: импульсное мышление, логическое мышление, системное мышление, процессное мышление, холистическое мышление, филогенез, онтогенез.

Участник конференции, Национального первенства
по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского
первенства по научной аналитике

Почему человек, зачастую достаточно легко, может изменить свою, казалось бы, незыблемую, логично обоснованную точку зрения по отношению к тому или иному объекту внимания? При этом, находя не менее весомое и логичное основание, как для новой точки зрения, так и для самого процесса ее изменения.

Основная причина этого явления кроется в особенностях нашего «системного мышления», основным операндом которого являются «пространства мер и значений», в которых формируются смысловые конструкции («синтагмы»).

В предыдущих работах [см., например 1-3] были рассмотрены общие и частные вопросы системного подхода в авторской интерпретации. В частности было показано, что «система» имеет лишь опосредованное отношение к рассматриваемому (исследуемому) «как система» объекту окружающего мира. «Система» субъективна и отображает методологические, инструментальные свойства мышления.

Системность (систему) неразрывно связывают с целостностью (целым). Но это лишь односторонний фрагмент восприятия системности. С другой стороны – «система» неразрывно связана с «единым». Такой вывод может быть сделан на основе рассмотрения филогенеза системного мышления в рамках разрабатываемой автором теории управления гармоничным развитием систем.

Одним из основных принципов

вышеупомянутой теории является «принцип гармоничности», сущность которого сводится к следующему.

Для того, что бы в длительной перспективе исследовать изменения чего-либо или кого-либо, необходимо иметь (выработать) некий динамический шаблон (линейку), который на протяжении исследуемого периода сам не претерпевал каких-либо изменений. Наиболее идеализированным таким шаблоном для нашего (человеческого) мышления является стандартный числовой ряд, используя который мы можем определять количественные характеристики наблюдаемых изменений кого-либо или чего-либо. Например, с помощью температурной шкалы мы можем отобразить процесс перехода воды из твердого состояния, в жидкое, и далее в газообразное. И соответственно, можем прогнозировать – какое более выгодное (энергетически) состояние вода займет при тех или иных параметрах (температуре) окружающей среды. Но вокруг нас существует множество предметов и явлений, которым мы затрудняемся присвоить какие-либо количественные характеристики и, в лучшем случае, можем описывать их (и соответствующие им изменения), только посредством каких-либо качественных характеристик. В особой мере это касается сфер человеческой жизнедеятельности, где объектами нашего внимания становятся такие явления (понятия) как: мораль, этика, справедливость, добро, знание и т.д.

Рассмотрим, к примеру, процесс познания человеком окружающего мира, сопровождаемый наращиванием объемов информации. Выгодными для человека являются сегодняшние темпы познавательных процессов или нет? Однозначного ответа мы дать не сможем. С одной стороны, процесс сопровождается появлением новых технологий и средств жизнеобеспечения. С другой – усложнение комплекса наук, согласно теореме Геделя о неполноте, ведет к наращиванию неопределенности в имеющихся знаниях и, как следствие, к тому, что знания одного научного направления полностью противоречат знаниям другого. Добавим к этому «болезни нового века», связанные с информационными перегрузками и уже вопрос о благе познавательного процесса выглядит не столь однозначным.

Наличие такого рода объектов нашего внимания, тем не менее, не является тупиковой ситуацией для нашего мышления. В своем индивидуальном или общественном «оценочном пространстве» мы находим показатели, для того, что бы их формализовать. Мы говорим своему ребенку: «Ты сегодня вел себя хуже, чем вчера, поэтому конфету не получишь». Мы заявляем: «У вас страна недостаточно демократична, поэтому мы идем к вам»...

Наше индивидуальное или общественное сознание, основываясь на собственном опыте трактовки «выгодных состояний», имеет способ-

ность к формированию субъективных «оценочных пространств», которые будем называть «пространствами мер и значений». «Помещая» объект нашего внимания в такое пространство, мы присваиваем этому объекту определенный «смысл» и описываем его посредством определенных смысловых конструкций – «синтагм».

При этом, как индивидуальные так и общественные «пространства», могут иметь не произвольный «набор мер и значений» и переход из одного «пространства» в другое может осуществляться не в произвольном порядке, а подобно воде, имеют фиксированное количество состояний и «алгоритмы» перехода из одного состояния в другое. И подобно тому, как «нормой» для жидкого состояния воды является диапазон температур от

0 до 100 градусов по шкале Цельсия, так и для «состояний пространств мер и значений» существуют свои «нормативные диапазоны», которые, согласно рассматриваемой автором гипотезы, можно отобразить (формализовать) посредством шкалы гармонического числового ряда Фибоначчи (рис. 1). Пределом сходимости такого ряда является число «золотой пропорции» равное 0,618..., связываемое многими авторами с понятием «гармонии» в восприятии человеком тех или иных объектов внимания.

На основе такой трансформации формируется «пространство состояний» (рис. 2). Соответственно, когда объектом нашего внимания становится «пространство мер и значений», к нему так же применим приведенный диапазон состояний.

Человечество выработало множество понятий, посредством которых осуществляются попытки количественно-качественного описания происходящих в окружающем мире процессов и явлений. И результирующая картина во многом определяется тем, что «взято за исходную точку» ее построения. В различных научных и не научных концепциях, в качестве таких отправных точек используются понятия «Большой взрыв», «точка сингулярности», «нуль-материя», «Бог», «Великая пустота», «Абсолют» и т.д.

Для описания «картины познавательного процесса», с точки зрения автора, достаточно удобно воспользоваться категорией неоплатоников и их последователей – «единое – многое», на основе рассмотрения которой, с использованием алгоритмических осо-

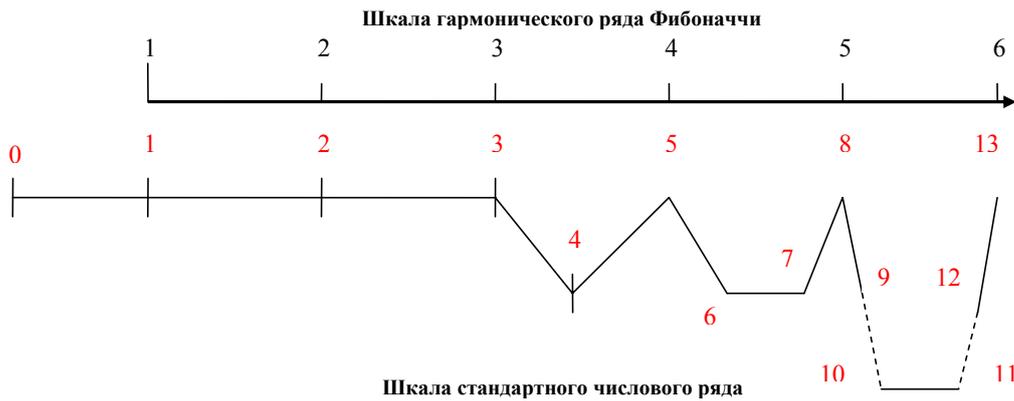

Рис. 1. Трансформация шкалы стандартного числового ряда в шкалу гармонического числового ряда Фибоначчи

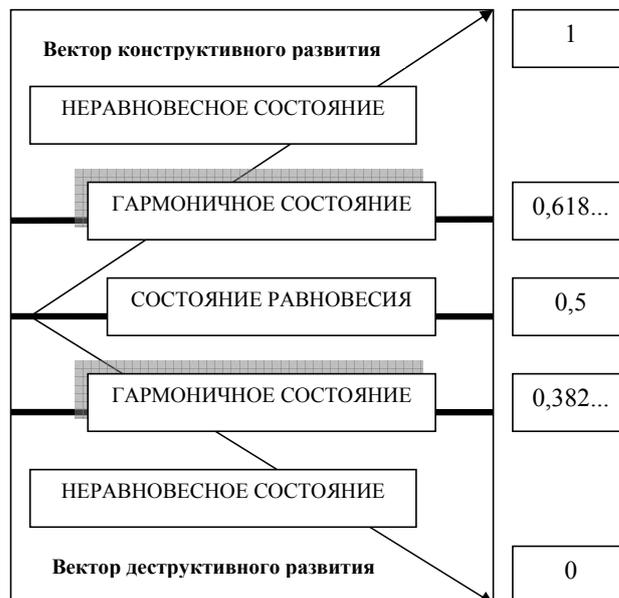

Рис. 2. Потенциальные состояния объекта внимания

бенностей числового ряда Фибоначчи, получена схема «мыслительно-познавательной» деятельности человека (рис. 3). Она отображает тот факт, что в зависимости от того, в какой «ипостаси» (единого, целого, единичного, частного и т.п.) рассматривается (исследуется) тот или иной объект внимания – задействуются те или иные типы мышления и соответствующие им механизмы. Так, в частности, когда мы начинаем мыслить категориями качества, то доминанта активности смещается в область холистического (чистая интуиция) и процессного (то, что мы зачастую называем «чутьем», «накопленным опытом») типов мышления. Количественные же операции мышления осуществляются путем активизации логического и системного типов и механизмов. Приведенная схема отображает, например, тот факт что получить полную, всеобъемлющую картину мира только путем логического аппарата (т.е. посредством установления причинно-следственных взаимосвязей) – невозможно. Необходим «выход» за пределы логики, который возможен только путем активизации механизмов системного

мышления, имеющим непосредственную взаимосвязь с холистическим мышлением.

Механизм системного мышления предполагает возможность (и необходимость) одновременного оперирования тремя «пространствами мер и значений» (надсистемный (СМС), системный (СГС) и подсистемный (СИС) уровни). Соответственно, каждый индивидуум по отношению к любому объекту внимания потенциально способен формировать 3-и вида систем (рис. 4): системами индивидуального сознания (СИС), группового сознания (СГС) и массового сознания (СМС). В «пространствах мер и значений» каждого уровня формируются «свои» смысловые конструкции (синтагмы), совпадение или несовпадение которых в общей взаимосвязи и определяет эффективность мыслительно-познавательной деятельности. Не в лучшем варианте, это можно условно отобразить фразой «иметь на душе одно – говорить другое – делать третье».

Проецирую полученную структуру на общественную мыслительно-познавательную деятельность, мы

можем, рассматриваемые множества факторов окружающего мира, которые мы «укладываем» в понятия различных сфер жизнедеятельности, группировать и исследовать в рамках каждого из системных уровней. Например, в сфере «экономики и менеджмента»:

- на уровне СИС – исследуемым объектом может быть единичный «менеджер» или любой хозяйствующий субъект;

- на уровне СГС решаются задачи исследующие взаимодействия в рамках групп, соответствующей функциональной (или иной) специфики, типа «исследование системы управления предприятием», «определение эффективности работы предприятия X» и т.п.;

- на уровне СМС рассматриваются проблемные ситуации типа «глобализация экономики», «мировое правительство» и т.п.

Используя приведенную выше концептуальную базу мы, в первую очередь, можем исследовать и определить фактические соотношения между множествами факторов жизнедеятельности общества, которыми мы оперируем.

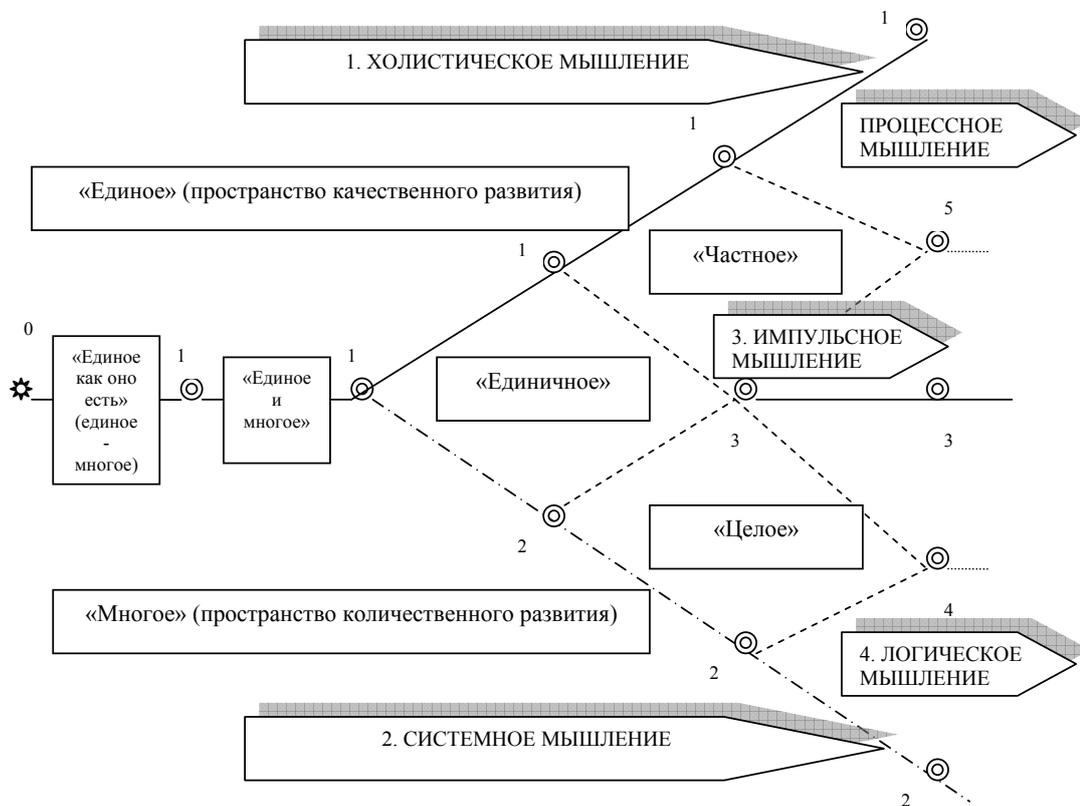

Рис. 3. Формализация процессов «мыслительно-познавательной» деятельности человека (системное мышление в филогенезе)

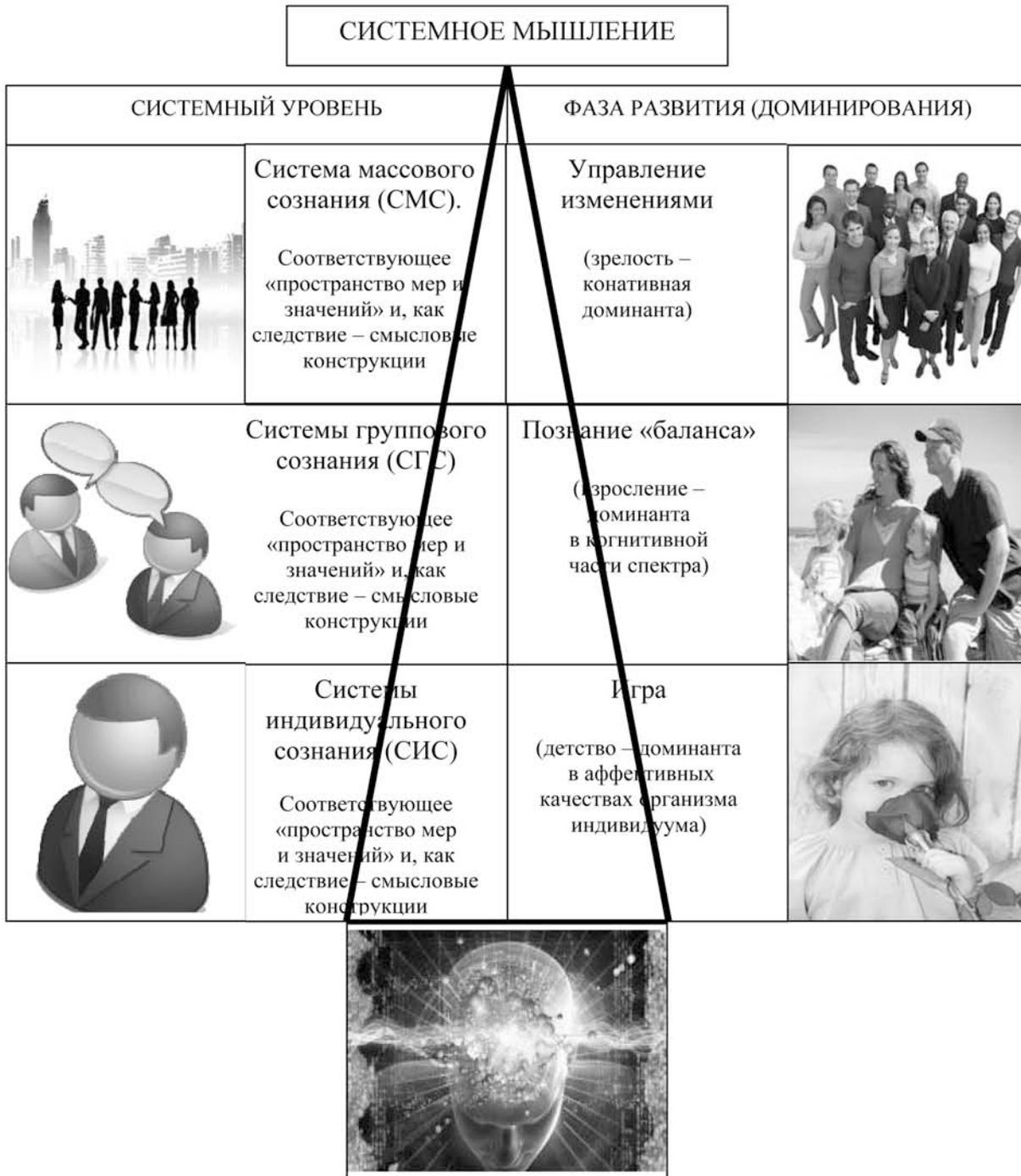

Рис. 4. Системное мышление в онтогенезе

References:

1. Черняк В.И. Типология мышления в системной модели представления [Электронный ресурс] // Материалы XLIII Международной научно-практической конференции “Правда, затерянная в веках: историко-философские проблемы человечества”, 18 – 22 февраля 2013, Лондон. – Режим доступа: [http://gisap.eu/ru/](http://gisap.eu/ru/node/20964)

node/20964

2. Черняк В.И. Причины и механизмы возникновения «системных» проблем [Электронный ресурс] // Материалы XXXV международной научно-практической конференции «Глобальный кризис современности в сфере соотношения мировоззрения, социальных ценностей и политических интересов», 02 – 12 ноября 2012, Лондон. – Режим доступа: [http://gisap.](http://gisap.eu/ru/node/16070)

eu/ru/node/16070

3. Черняк В.И. «Система» и «синтагма» как универсальные категории научного познания [Электронный ресурс] // Материалы XXVI международной научно-практической конференции «Нравственно-эстетический вектор развития современной культуры», 11 – 15 июня 2012, Лондон. – Режим доступа: <http://gisap.eu/ru/node/8905>

BIORHYTHMS OF THE BODY AND THEIR PRESENTATION THROUGH SYMBOLS OF ANCIENT CULTURES

M. Treschalin, Doctor of Technical Science, Professor
Moscow Institute of State and Corporal Management, Russia

In the article the analysis of the body biorhythmical activity graph from the position of symbols and images of ancient cultures is presented.

Keywords: biorhythm, geometric figure, body, religion, period.

Conference participant, National championship
in scientific analytics, Open European and Asian
research analytics championship

С понятием «ритм» связано представление о гармонии, организованности процессов в биосфере. Гармония ритмов – необходимое условие свободной жизни организма. Канон древнекитайской медицины «Нэй – цзин» утверждает, что: «...Любое проявление жизни есть Ритм. Если человек следует Ритму, ему становятся неведомы болезни и страдания. Все, что делает человек, должно быть согласовано с временем дня и ночи, года, лунного месяца».

Биологическая ритмичность – универсальный феномен живой природы, общий принцип организации различных процессов, фундаментальное свойство, присущее всем формам жизни, проявляющееся на всех ее уровнях: клеточном, тканевом, органном и организменном. Биоритмы регулируют жизнь человека на уровне подсознания.

В настоящее время установлено, что биологические ритмы, обнаруженные на всех уровнях организации живой природы – от одноклеточных организмов до биосферы, являются важнейшим механизмом регулирования функций организма обеспечивающих процессы адаптации биологических систем и обусловлены как существованием автоколебаний в живом организме (эндогенные), так и проявлениями циклических изменений внешней среды (экзогенные).

В первой половине прошлого столетия была необычайно популярна «теория трех ритмов». Согласно этой теории периоды физического, эмоционального и интеллектуального циклов жестко заданы со дня рождения и постоянны на протяжении всей жизни

человека. Многочисленные исследования, проведенные в разных странах мира, подтвердили закономерности изменения состояния организма в зависимости от его биоритмов [1-3]. Учитывая, что почти все биологические ритмы – автоколебательные процессы [4] для математического моделирования изменения состояния человека можно применить периодическую функцию, изменяющую свой знак при пересечении координатной оси, по которой производится отсчет времени (например, оси абсцисс), в виде:

$$X(t) = \sin [(2 \cdot \pi \cdot t/p + \delta_0)],$$

где: p – период биоритма; t – длительность собственных колебаний системы.

Для качественной оценки биоритмической деятельности за интересующий промежуток времени, целесообразно использовать значения физического, интеллектуального и эмоционального биоритмов, вычисленных по следующим формулам:

$$\begin{aligned} F(t) &= \sin[(2 \cdot \pi \cdot t/pF)], \\ I(t) &= \sin[(2 \cdot \pi \cdot t/pI)], \\ \varepsilon(t) &= \sin[(2 \cdot \pi \cdot t/p\varepsilon)], \\ IN(t) &= \sin[(2 \cdot \pi \cdot t/pIN)], \end{aligned}$$

где: $F(t)$, $pF(t)$, $I(t)$, $pI(t)$, $\varepsilon(t)$, $p\varepsilon(t)$, $IN(t)$, $pIN(t)$ – функции и периоды физического, интеллектуального, эмоционального и интуитивного биоритмов соответственно.

Общее состояние организма, в соответствии с физической сущностью рассматриваемых процессов, а также правилами построения результирующей при наложении колебаний, определяется алгебраической суммой значений эмоционального, физичес-

БИОРИТМЫ ОРГАНИЗМА И ИХ ОТОБРАЖЕНИЕ В СИМВОЛИКЕ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР

Трещалин М.Ю., д-р техн. наук, проф.
Московский институт государственного
и корпоративного управления, Россия

В статье проводится анализ графика биоритмической деятельности организма с позиции символики и графических изображений древних культур.

Ключевые слова: биоритм, геометрическая фигура, организм, религия, период.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

кого и интеллектуального биоритмов в конкретный момент времени:

$$OS(t) = [F(t) + I(t) + \varepsilon(t)]/3. \quad (1)$$

Анализ периодичности наступления наиболее важных изменений в жизни, выполнен с точки зрения биологии и медицины, а также с позиции историко-религиозных учений.

Монгольские и китайские астрологи считали, что самые рискованные даты в жизни людей, когда возможны самые разнообразные неприятности, приходится на 10, 19, 28, 37, 46, 55, 64, 73, 82 и 91 год. Наиболее трудным для любого человека является возраст 36 (37) лет, так как, помимо четырехкратного повторения девятилетнего цикла, в нем трижды повторяется двенадцатилетний цикл. Буддийская религия устанавливает закономерность достижения наивысшего расцвета индивидуума (год акмэ) с периодичностью в 3 года. У мужчин акмэ проявляется в: 18, 21, 24, 27 лет и т.д., а у женщин – на год раньше, по отношению к мужчинам. Кроме того, по мнению древневосточных ученых, когда человек рождается, ему уже исполняется год, фактически состоящий не из 365.25, а из 285 дней. Через четыре с половиной месяца после зачатия (135 дней) эмбрион оживает, начинает шевелиться, а спустя девять месяцев (285 дней) появляется на свет. Дальнейшее его развитие подчинено такому же ритму: на девятом месяце младенец начинает вставать, в десять месяцев – ходить [5, 6]. Таким образом, если при определении возраста учитывать не календарное летоисчисление, а девятимесячные циклы, то предельный возраст человека составит 120 лет, что

совпадает с Библейскими канонами. Сопоставив максимальную продолжительность жизни человека, составляющую примерно 100 лет (считая год 365.25 дней) и 120 лет, исходя из длительности срока нормальной беременности срока 285 дней ($285 \times 120 / 365.25 \approx 94$ г.), получается достаточно близкое совпадение обоих вариантов.

Известное ритуальное сооружение буддистов – ступа, являющаяся по преданию вместилищем мощей Будды и его космического тела, делится на пять геометрических фигур (куб, шар, полушарие, треугольник, сваямбху), последовательно располагающихся друг над другом и символически воспроизводящих один из элементов Вселенной (макрокосма) в том их наборе, который принят в буддизме: куб – земля, шар – вода, треугольник – огонь, полушарие – воздух, сваямбху – эфир. Те же геометрические фигуры, расположенные вертикально в той же последовательности, изображают центры (чакры), человека (микрокосм), в которых с точки зрения практики йоги сконцентрировано управление психикой и физиологией

организма. Изображение человека и Вселенной с помощью одинаковых геометрических фигур было известно и в средневековой европейской культуре, причем имело схожий смысл: в христианстве это объяснялось совершенством Божьего творения, в религиях Востока – мировой гармонией между макрокосмосом и микрокосмосом.

Анализ современных биофизических исследований [7 – 9] показал, что существуют ярко выраженные этапы в жизнедеятельности человека, которые, по наблюдениям различных авторов возникают через каждые 6 – 7 лет, ~ 9 лет и (или) ~ 12 лет. Результаты выполненных расчетов [10] показали, что жизнь человека содержит двенадцать периодов по «девять шагов». Возможно, священное в Тибетской культуре число 108, характеризует оптимальную длительность человеческой жизни. При этом каждый из «шагов» должен быть явно выражен, т.е. кривая функции имеет в узловых точках «шага» нулевое, минимальное или максимальное значение. Полностью все 12 периодов «линии жизни» OS(t) показаны на рис. 1.

Анализируя график биоритмов с исторической, религиозной и естественнонаучной позиций, показательно представление зависимости, отражающей общее состояние организма (рис. 1) в полярных координатах. При этом, различное соотношение функции и аргумента позволяет получить виды кривых (рис. 2–6), которые имеют сходство с некоторыми элементами древней символики.

В частности, изображение на рис. 2 весьма напоминает китайскую монаду, показывающую «путь развития множества вещей и явлений, единство всего, что есть в природе», непрерывность закономерного изменения мира. Монада у древних китайцев изображала закон Ян – Инь – закон единства двух полярных начал: в круге, разделенном волнообразной чертой, находится светлое – Ян и темное Инь, в каждом из которых в зародыше содержится полюс противоположного свойства. Ян (активное, «мужское») – Солнце, День, Свет, Небо, Гора, Верх, Перед, Внешнее и т.п. Инь (пассивное, «женское») – Луна, Ночь, Тьма, Земля, Яма, Низ, Зад, Внутреннее и

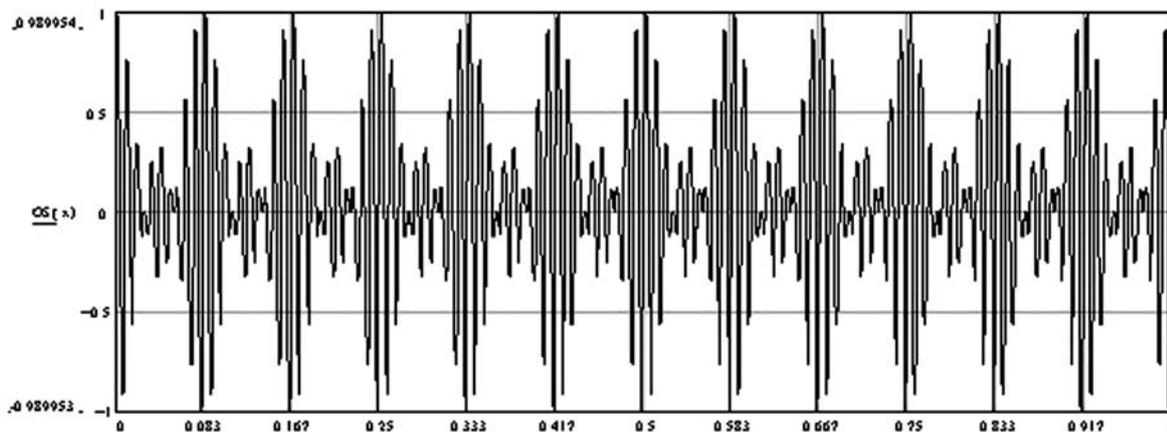

Рис. 1. Периодичность изменения общего состояния организма

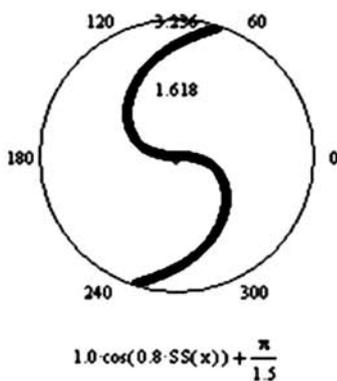

Рис. 2. Монада

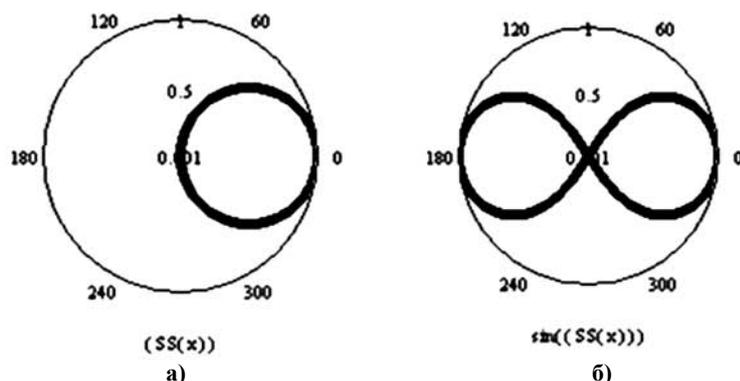

Рис. 3. Способы обозначения бесконечности

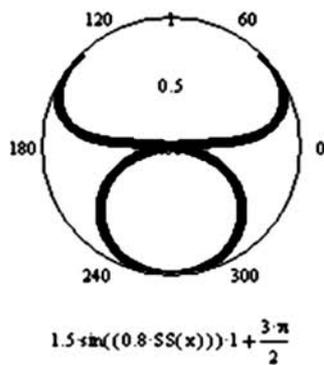

Рис. 4. Знак Тельца

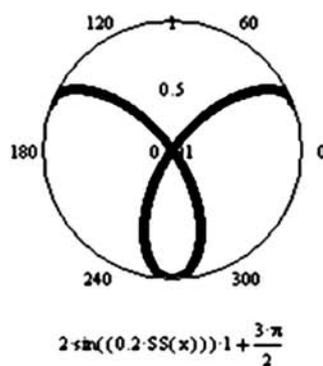

Рис. 5. Знак Овна

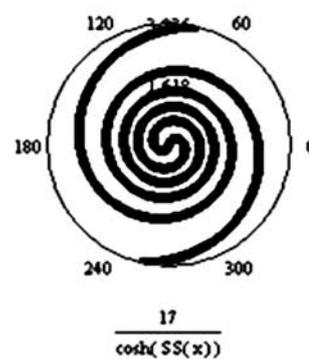

Рис. 6. Фигура «Оперенного Змея»

т.п. Во взаимодействии и взаимоотрицании, борьбе противоположностей, выдающиеся мыслители видели реальную основу всего существующего. Внутренняя борьба (саморазвитие) и есть форма проявления жизненной энергии. В каноне китайской медицины «Нэй – цзин» говорилось: «Закон Ян – Инь – это правило на небесах и на Земле, это сущность миллиона разнообразных вещей, это родители всех процессов, это начало и сущность жизни и смерти». По существу, древние ученые установили, что организм представляет собой колебательную систему. Согласно преданию, знак монады существует семь тысяч лет и наглядно демонстрирует две стороны одного предмета или явления природы. В нем заключены законы Вселенной, жизни, общества, боевых искусств, принципы долголетия и врачевания, суть природной гармонии, все открытые и еще неизвестные тайны мироздания. С давних времен монада использовалась в медитативной практике для постижения сути сложных процессов. Известный физик М. Бор предложил монаду в качестве символа теории относительности.

Другой вид кривых, полученных на основании зависимости (1) приведен на рис. 3 – два способа обозначения бесконечности. Первый способ – окружность (круг), как изображение простейшего одномерного мира (рис. 3а). Второй способ – использование общеупотребительного в математике знака бесконечности ∞ для отображения гармоничного двусоставного мира (рис. 3б). Окружность и ∞ символизируют целостные (единые) миры (пространства), бесконечные в своей реальности. Отличие в их трактовке

заключается в положении геометрического центра (Бога, Творца), что сопряжено с N-мерностью пространства (одно- двух- или многомерного) и всеобщей гармонией.

Символу окружности можно поставить в соответствие такое «творение», центр которого находится вне его самого. Этот мир может называться одиноким, покинутым, беспокойным, тревожным, безбожным, темным, дисгармоничным.

Символ ∞ соответствует мирозданию, центр которого находится в непосредственном соприкосновении с реальностью (содержит «Бога внутри»). Здесь характеристики мира противоположные: гармоничный, полный, достигший, обретший, любимый, спокойный, Божий, уверенный.

Вселенная (Сварожье) также изображалась в виде круга, причем верхняя его часть соответствует не проявленной, небесной Вселенной, а нижняя — проявленной, поднебесной. Великий План Творения находится в мире Непроявленном, где нет ни времени, ни пространства. Из мира Божественного впервые сходит луч всеначальной энергии, космического Огня, который христиане называют Святым Духом. Творец Вселенной Сварог порождает энергию, которая в спиральном движении устремляется вниз, в проявление.

Кривая на рис. 4 адекватна первому, по мнению древних египтян и вавилонян, Зодиакальному символу – Знаку Тельца, в который вступала точка весеннего равноденствия около 4320 г. до н. э. «Небесный Телец» – символ солнценосного могущества Божества, открывал собою год, и во многом поэтому, его связывают с

происхождением и написанием первой буквы алфавита у многих народов западной части Экумены («Алеф» в финикийском и древнееврейском алфавитах, «Альфа» – в греческом).

С переходом точки весеннего равноденствия из знака Тельца в знак Овна (около 2160 г. до н. э.) наступила эпоха «Небесного Овна». Знак Овна (рис. 5) из второго стал знаком первого месяца года, что нашло свое отражение в образной религиозно-космогонической символике народов Древнего Мира [11]. Христиане символически описывают сошествие Святого Духа в виде белой голубицы. Голубь – одно из названий первого знака Зодиака. Само начертание знака Овен напоминает птицу, голубя в полете или рог барана (Агнца). Великая неподвижность исчезла, появился первый энергетический центр, вокруг которого начинает разворачиваться космическая эволюция (космогенезис). Знак Овна соответствует первому этапу творения проявленной Вселенной мужскому космическому началу Явь и стихии Огонь (аналог Ян-Инь). Он связан с переходом от мира Божественного к миру Монадическому. Божественная воля освещает бытие и пробуждает к жизни Божественную любовь.

Переместившись на второе место, знак Тельца стал символизировать следующий этап творения Космоса. Космические Иерархии начинают оформлять проявленную Вселенную. Символически проявленная Вселенная как бы выдувается из не проявленной. Создается Космос, в спиральном движении рождается Галактика. Мир Непроявленный отражается в своем двойнике – мире Проявленном. Телец

– это переход из мира Монадического в мир Нирваны: Божественная Любовь порождает Божественную Мудрость. Телец соответствует женскому космическому началу Навь и стихии Земля. Символ Тельца – голова быка, но это также и ребенок, связанный со своей матерью пуповиной. Это родившаяся сфера, являющаяся символом проявления, рождения Вселенной.

Много общего имеет рис. 6 с фигурой «Оперенного Змея» – «солнечного владыки» Древнего Египта, Центральной и Южной Америки, которому сопутствовал культ Солнца и плодородия, осознание духовной цели и предназначения, а также всплеск научных достижений [12]. Ацтекский «Оперенный Змей» Куэцалкоатль, который символизирует «священную энергию жизни», и его брат-близнец Тецкатлипока, оба они – дети космического змея Коатлика. Любопытно отметить замечание К. Леви-Страуса: «У ацтеков слово «коатль» означает одновременно «змей» и «близнец». Имя Куэцалкоатль, таким образом, можно интерпретировать как «Оперенный Змей» или «Прекрасный близнец».

В процессе изучения религиозной системы индейцев канибо в перуанской Амазонии, антрополог М. Харнер испытал воздействие напитка «аяхуаска», после чего наступили галлюцинации. Впоследствии описывая свое состояние исследователь указывал, что его видения исходили от «гигантских змеевидных существ», покоящихся на самом дне его мозга (комментарий М. Харнера: «Ретроспективно можно было сказать, что они очень напоминали ДНК, хотя в то время, я не знал о ДНК»).

Аналогичные наблюдения изложены Ж. Рейчел-Долматовым [13]: «Между полушариями человеческого мозга лежат переплетенные змеи.... В шаманизме десана эти две змеи символизируют женское и мужское начало, образ отца и матери, воды и земли. ...Они представляют концепцию двоичной оппозиции, которую необходимо преодолеть, чтобы достичь индивидуального сознания и интеграции. Змеи представля-

ются ритмично завивающимися в спираль в колебательном движении из стороны в сторону».

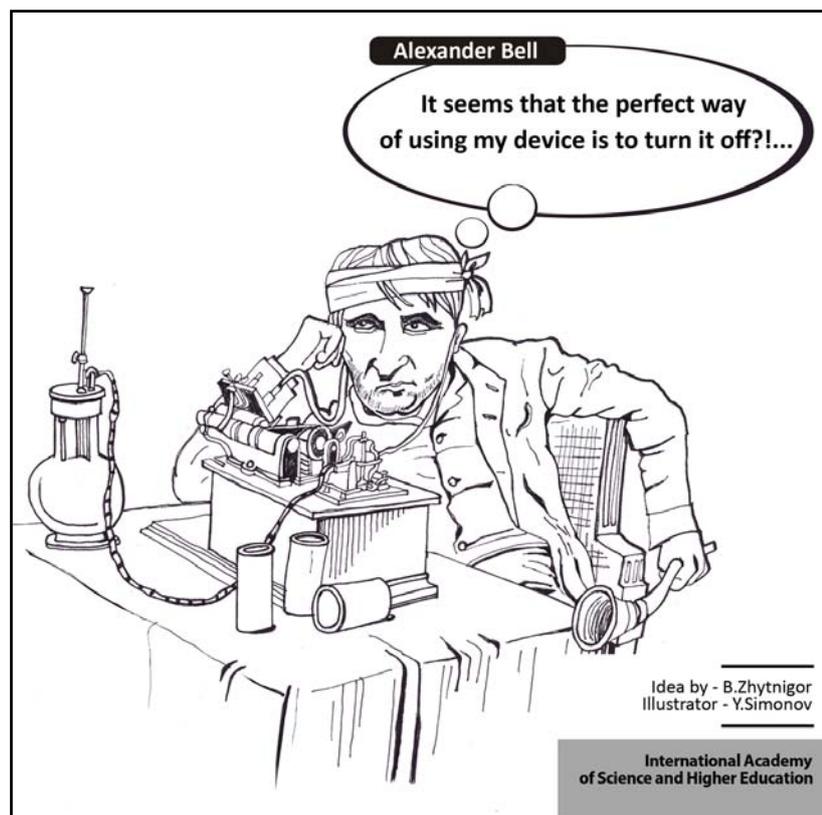
Подводя итог толкованию графиков (рис. 2 – 6), необходимо отметить общую мысль, заключающуюся в том, что каждый из них в различные времена и у разных народов выражал представление о Вселенной, связях Земли и Космоса, происхождения, сущности и основных законах жизни.

References:

1. Ягодинский В.Н. Ритм, ритм, ритм! – М., Издательство «Знание», 1985.– 191 с.
2. Оранский И.Е., Царфис П.Г. Биоритмология и хронотерапия. М: Высшая школа.1989.159 с.
3. Харрисон Дж. и др. Биология человека. М.: Мир, с.418.
4. Современные проблемы изучения и сохранения биосферы. Т. 2. Живые системы под внешним воздействием. Под ред. д-ра физ.-мат. наук Н.В. Красногорской. – С.-Петербург: Гидрометеиздат, 1992. – 440 с.
5. Электромагнитные поля в биосфере. Т. 1. Биологическое действие электромагнитных полей.

Под ред. д-ра физ.-мат. наук Н.В. Красногорской. – М.: Наука, 1984. – 321 с.

6. Алякринский Б.С., Степанова С.И. По закону ритма. – М.: Наука, 1985. – 176 с.
7. Сухонос С.И., Третьяков Н.П. Человек в масштабе Вселенной. – М: Новый центр, 2004. – 227 с.
8. Скородумова Л. Буддийская астрология.
9. Мишин А.Т. Судьба и числа М.: Новый Центр, 2002. – 39 с.
10. Трещалин М.Ю. Энергетическая концепция жизнедеятельности. – М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. – 192 с.
11. Зелинский А.Н. Конструктивные принципы древнерусского календаря. – М.: Подворье Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря в г. Москве, 1996. – 77 с.
12. Котрелл М. Тайны древних цивилизаций. Белые божества инков. – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 240 с.
13. Ж. Рейчел-Долматов. Мозг и разум в шаманизме десана. progstone.narod.ru reciprocity/ancient.html

International Academy of Science and Higher Education

THE ROLE OF CONFUCIANISM AND LEGALISM IN FORMATION OF LEGAL AND SOCIAL STATUS OF MERCHANTRY IN TRADITIONAL CHINA

A. Dan'shin, Candidate of Jurisprudence,
Associate Professor, Head of Chair
Kemerovo Institute (Branch) of the Plekhanov
Russian University of Economics, Russia

The article is devoted to origins of formation of the legal and social status of merchants in traditional China. The author notes that the refusal of Confucianism and Legalism from the orthodox view on merchantry, as a socially dangerous element, played an important role in strengthening the cultural unity and political stability of the Chinese empire.

Keywords: traditional China, Confucianism, Legalism, legal status, merchants'.

Conference participant, National championship
in scientific analytics

РОЛЬ КОНФУЦИАНСТВА И ЛЕГИЗМА В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО И СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА КУПЕЧЕСТВА ТРАДИЦИОННОГО КИТАЯ

Даньшин А.В., канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой
Кемеровский институт (филиал) Российского экономического
университета им. Г.В. Плеханова, Россия

Статья посвящена истокам формирования правового и социального статуса купечества традиционного Китая. Автор отмечает, что отказ конфуцианства и легизма от ортодоксального взгляда на купечество, как социально опасный элемент, сыграл важную роль в укреплении культурного единства и политической стабильности китайской империи.

Ключевые слова: традиционный Китай, конфуцианство, легизм, правовой статус, купечество.

Участник конференции, Национального первенства
по научной аналитике

Правовой и социальный статус купечества формировались в древнем Китае неотрывно от процесса развития идей конфуцианства (*жу-цзя* 儒家) и легизма (*фа-цзя* 法家), ставших фундаментом всех отраслей традиционного китайского права. Ещё с глубокой древности, когда возникла теория «четырёх общественных занятий», считалось, что общество состоит из ученых-чиновников (*ши* 士), делом которых было управление, а также крестьян (*нун* 农), ремесленников (*гун* 工) и торговцев (*шан* 商), которые должны быть управляемыми. Как сообщает один из китайских источников, *ши* это тот, «кто занимается наукой, а также управлением и военным [делом]», *нун* – тот «кто истощает свои силы в земледелии и шелководстве», *гун* – тот «кто имеет успех в изготовлении различных изделий и сбывает их», *шан* – тот «кто успешно продает вино и мясо [8, с.65]. При этом, согласно древнему традиционному представлению о том, что «земледелие – это ствол, а торговля – ветви», первое являлось основным, фундаментальным занятием, а ремесло и торговля – второстепенным, прежде всего потому, что несравнимо большую долю всех собираемых в стране налогов приносило земледелие.

Конфуцианство, помимо этого, считало торговлю второстепенным занятием исходя из своих представлений о «достойном и хорошем человеке», главными качествами которого

должны быть человеколюбие, справедливость, сыновняя почтительность и верность, чего, по их мнению, не могло быть у купцов. Именно торговцы, считали они, представляли собой наибольшую потенциальную опасность для установленного в государстве порядка, так как являлись защитниками материальных отношений, несовместимых с нормами конфуцианства, направленными на морально-этическое совершенствование, а не на приобретение материальных благ. Китайская средневековая художественная литература нередко представляла повседневный быт торговцев в довольно неприглядном виде. Например, известный китайский автор Лю Юй-си (772-842 гг.) так описывает их обычный рабочий день на рынке: «Сердца их возбуждены. Жадные глаза ни на мгновение не закрываются. Притворяясь, что делают благо, они своими лукавыми словами причиняют [многим] неприятности. Точный вес [гирь] испорчен их ловкими руками. Они торгуют, используя в личных целях малейшие различия в весе. Злые сплетни натирают уши. Процвечают клевета и обман. ...Они поднимают ужасный гвалт, а также пыль и грязь, их головные повязки и сандалии отвратительно воняют подобно стаду козлов. Собираясь на рынок, они ругаются и грызутся друг с другом, а когда, возвращаются домой, то снова начинают тоже самое. ...Все поглощены только тем, чтобы действовать по-

добно собакам, питающимся падалью или отвратительным воронам, в восхищении овладевшим небольшими гнилыми остатками» [7, с. 229-230].

Кроме того купечество, в соответствии с теорией «четырёх общественных занятий», показывало населению дурной пример социального продвижения, основанного не на успехах в военной или гражданской службе, а на простом приобретении богатства, что также противоречило конфуцианской идеологии. Чувство зависти, возникающее у тех, кто видел, что купцы «способны за один день заработать столько, что могут жить на это в течение года, в то время как крестьянин, трудясь непрерывно в течение года, все равно не может себя обеспечить» [8, р. 66], вызывало в обществе потенциальную опасность социального взрыва. Однако такая опасность существовала не всегда. Если в древности, когда у людей было только «основное занятие» и путем стихийного натурального обмена «каждый обменивал то, что у него есть на то, чего у него нет», а «торговцы...не обманывали [людей завышенными ценами], ремесленники не прибегали к надувательству», то сейчас, когда многие начали заниматься «второстепенным», «торговцы увеличивают обман..., сердца их не знают стыда» и у людей появляются неумеренные желания и расточительность, что, по мнению конфуцианцев, ведет к еще большей разнице между богатыми и

бедными и порождает в стране голод и недовольство [5, с. 97, 131]. Чтобы этого не происходило, истинный государь всегда должен высоко ценить «основное занятие» и с помощью норм поведения давать отпор «второстепенному». Примером в этом для конфуцианцев был, например, правитель династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) Гао-цзу (206-195 гг. до н.э.) и четыре его преемника, которые, в частности, запретили торговцам, а также их сыновьям и внукам, занимать должности в государственном аппарате и становиться чиновниками [6, p. 151, note 159].

Отношение легистов к «основному» и «второстепенному» занятиям в чём-то совпадало с конфуцианским, а в чём-то отличалось. И те, и другие, в частности, считали, что правитель, поддерживая земледелие и всячески подавляя ремесло и торговлю, должен «заставить простолюдинов сосредоточить усилия на основном [занятии] и не заниматься второстепенным» [5, с. 105]. Однако, методы поощрения «основного» и подавления «второстепенного» у последователей легизма и конфуцианства были принципиально иными. Если для конфуцианцев главной целью было ограничение прибыли, а также ряда личных и политических прав торговцев, то легисты считали необходимым увеличение в отношении купечества налогового бремени и других государственных повинностей, а также существенное сокращение частной торговли путем установления государственных монополий в наиболее прибыльных областях коммерческой деятельности и даже, в идеале, полное огосударствление «второстепенного занятия» и искоренение частных торговцев как отдельной социальной группы [5, с. 107]. То есть, «второстепенное занятие», по мнению легистов, должно было рано или поздно перейти в руки государства и народ, постепенно вытесняемый из сферы торговли, полностью сосредоточился бы на единственно заслуживающем поощрения «основном занятии».

В своей экономической программе известный реформатор древнего Китая, основатель философской школы легистов Гунсунь Ян (390-338 гг. до н.э.),

вошедший в историю под именем Шан Ян, предлагал полностью запретить частную торговлю зерном, чтобы купцы не могли скупать сельхозпродукты в урожайные годы по низким ценам, поскольку в отличие от государства они обязательно будут в голодные времена продавать их втридорога. Причем в этом, по его мнению, можно не сомневаться, так как «подобно тому, как поток воды стремится лишь вниз, а не на четыре стороны, так и люди стремятся лишь к богатству» [2, с. 228]. В приписываемом Шан Яну трактате «*Шан цзюнь шу*» («Книга правителя [области] Шан») говорится: «Если они лишатся крупных барышей, то будут бояться [разорения], а коль скоро торговец боится [разорения] он захочет стать землепашцем» [2, с. 143]. Предлагая значительно увеличить торговые пошлины, установить жесткий государственный контроль над деятельностью купцов и, даже, уменьшить их численность, Шан Ян ясно осознавал необходимость развития торговли для процветания общества, называя торговлю наряду с земледелием и управлением одной из трех основных функций государства. В то же время, торговая деятельность, по его мнению, порождала паразитов в виде пристрастия к красивой одежде и вкусной еде, а также стремления к роскоши, что наносило вред не только самой торговле, но и безопасности государства. Когда земледельцы видят, что «несмотря на свой упорный и тяжкий труд, получают весьма малые доходы и находятся в гораздо худшем положении, нежели купцы» «...они непременно станут уклоняться от земледелия. Если люди станут уклоняться от земледелия, то они будут с легким сердцем оставлять насиженные места. А [если народ] оставляет свои насиженные места не задумываясь, то он ни за что не станет ради правителя оборонять страну и идти в бой» [2, с. 153-154, 225]. Чтобы предотвратить развитие таких событий, которые с неизбежностью должны были привести к гибели государства, Шан Ян предлагал ряд важных мер. В частности, он считал необходимым установить высокие цены на зерно, а также на вино и мясо, закрепив для двух последних видов товара торговый налог в десять

раз превышающий их первоначальную стоимость, существенно увеличив, кроме этого, таможенные и рыночные пошлины и на все остальные товары. Купцы в результате этих мер «будут вынуждены забросить свои дела, и устремятся в поисках прибыли в сельское хозяйство», что коренным образом должно изменить ситуацию при которой «один человек обрабатывает землю, а сотня людей питается [плодами его труда], что гораздо опаснее, нежели нашествие саранчи» [2, с. 152, 226]. Те купцы, что не оставят свое дело, должны будут за свой собственный счет снабжать армию оружием и защитным обмундированием, что может быть приравнено к военной службе, а также привлекаться вместе с работающими у них людьми для общественных работ и выполнения других государственных повинностей [2, с. 147]. В то же время, провозглашенный Шан Яном принцип «равных возможностей» позволял представителям непривилегированных сословий занимать чиновничьи должности путем их официальной покупки, однако уже при династии Хань (206 г. до н.э. - 220 г. н.э.) купцы, а также их сыновья и внуки такой возможности законодательством были лишены [8, p. 68].

Развитие взглядов на место и роль в обществе торговли и купечества можно увидеть в материалах состоявшегося в II-I вв. до н.э. научного спора между «знатоками писания» (т.е. сторонниками конфуцианства) с одной стороны, а также «императорским секретарем» и «сановником» (т.е. сторонниками легизма) с другой. Эти взгляды изложены в форме диалога в трактате крупного чиновника Хуан Куаня «Спор о соли и железе» («*Янь те лунь*»). Обе стороны этого спора сходятся в своих взглядах на земледелие как занятие «основное» и торговлю как «второстепенное», а также во враждебности к купечеству, постоянно стремящемуся, по их мнению, к личной наживе, что ведет к поляризации общества и нищете народа. И те, и другие призывают защитить земледельцев от разорения и не допустить их массового перехода в ряды торговцев и ремесленников, поскольку, как утверждает один из участников спора,

«если не усердствовать в основном [занятии] – земледелии, нечем сделать государство богатым» [5, с. 99]. В то же время, признавая необходимость разделения труда между земледелием, ремеслом и торговлей, последнее для «знатоков писания» являлось вынужденным злом «с помощью чего пускают в обращение скопившиеся и залежавшиеся [товары]» [5, с.134]. Так как, по мнению конфуцианцев, единственный путь к богатству народа – это земледелие, то «второстепенному занятию» необходимо давать отпор, ограничивая прибыли купцов и запрещая им поступать на государственную службу. Легисты же, соглашаясь в этом научном споре с необходимостью существования торговли в качестве важнейшего способа выравнивания материального положения различных социальных групп, продолжали, как и их предшественники, настаивать на огосударствлении торговой деятельности. Введение государственных монополий на производство и продажу соли и железа, стандартизация цен и обложение купцов рядом специальных налогов – все это, по мнению легистов, соответствовало принципам миропорядка.

Идеи легизма и конфуцианства легли в основу государственной политики, которая заключалась в том, чтобы, с одной стороны, не допустить превращения купечества в конкурента официальной политической элиты китайского общества (в лице чиновников и ученых), а с другой, гарантировать постоянное пополнение государственного бюджета за счет торговых и таможенных пошлин. На решение этих задач было направлено множество правовых ограничений, начиная от мелочной регламентации стиля одежды и украшений торговцев, правил организации их свадеб и похорон, оборудования домов и торговых судов и т.д., до установления различных монополий и тотального контроля над их коммерческой деятельностью. При ханьской династии, например, купцам запрещалось носить меха и украшения из золота, серебра и драгоценных камней, а также ездить верхом на лошадях или в паланкине, а при династии Суй (581-618 гг.) они вынуждены были даже ходить в одежде черного

цвета как у мясников, актеров, слуг и представителей других «подлых» профессий [8, р. 67]. Подобные правила, сохранившиеся в Китае вплоть до начала XX века, были, тем не менее, обременительными, пожалуй, только для торгово-ростовщической элиты. Для всего же остального купечества по-настоящему серьезной проблемой являлась политика государства, направленная на постоянное сдерживание их коммерческой инициативы, а также принудительные займы и различные дополнительные налоги, периодически вводимые как центральной, так и региональной властью для решения их финансовых проблем.

В то же время, несмотря на сохраняющееся в целом более чем критическое отношение конфуцианства и легизма к купеческому сословию, среди получивших классическое конфуцианское образование чиновников периода династии Тан (618-907 гг.) получает распространение идея о возможности использования представителей купечества на государственной службе в соответствии с их знаниями и способностями. Например, крупный государственный деятель и признанный корифей золотого века китайской поэзии Бо Цзюй-и (772-846 гг.) становится на сторону тех губернаторов, которые в списки кандидатов на сдачу специальных экзаменов (*кэцзюй* 科舉), открывших дорогу к чиновничьим должностям, считали возможным включать сыновей и внуков купцов. В ответ на сомнения в законности таких решений, он предлагает использовать следующую аргументацию: «Экзаменационная система направлена на отбор исключительно мудрых и добродетельных мужчин. Разве можно отказываться от наиболее опытных кандидатов только на основании их происхождения! Если единственное возражение [в отношении торговцев] состоит в том, что они являются мелкими и низкими, как Вы можете отклонить того, кто может оказаться наилучшим и выдающимся? Если бы Вы нашли кусок золота среди гальки то, конечно же, не отказались бы подобрать его только потому, что это золото смешано с ничем не стоящим материалом?» [8, р. 90]. Снятие с XIV в. запрета на участие купечества

в этих экзаменах сделало возможным самые радикальные изменения в их правовом статусе за всю многовековую историю традиционного Китая. Хотя, на практике, в государственных экзаменах могли принять участие, в основном, лишь представители самых богатых торговых кланов, а успешная их сдача не гарантировала чиновничьих должностей, однако достаточно широкие слои купечества впервые получили реальную возможность войти в ряды привилегированного ученого сословия *шэньши* (紳士) и стать, таким образом, частью культурной и политической элиты китайского общества со всеми вытекающими для них отсюда благоприятными последствиями. Получив даже самую низшую учёную степень *сюцай* (秀才), они освобождались от телесных наказаний, военной службы, трудовых повинностей и некоторых налогов, а также приобретали право на смягчение наказаний за многие уголовные преступления [1, с. 197]. Местные органы власти, которые нередко испытывали дефицит управленческих кадров по организации торговой деятельности, использовали большой профессиональный опыт в этой области купцов, получивших в виде ученой степени своеобразный знак признания государством не только их деловых качеств, но и благонадежности. Как правило, именно выходцы из купеческого сословия отвечали за сбор торговых и транзитных пошлин, организацию ирригационных работ, формирование отрядов самообороны и др. [3, с. 239]. Даже если купцы и не привлекались к государственной или муниципальной службе, им нередко вполне было достаточно той славы и уважения, которые они приобретали среди членов своего клана и односельчан, а также особого отношения к ним со стороны представителей местных властей, от произвола которых *шэньши*, благодаря своему статусу, были защищены. В знаменитом романе известного писателя-сатирика У Цзин-цзы «Неофициальная история конфуцианцев» отмечалось, что обладатель учёной степени «стоит на равной ноге с начальником округа или уезда и может прийти к ним с любой просьбой, а те не вправе отказать» [4, с. 512].

Таким образом, в китайской империи к XVIII в. происходит постепенный переход от ортодоксального отношения к торговле и торговой деятельности, основанного на теории «четырёх общественных занятий», к государственной политике, ориентированной на практические нужды экономического развития страны, что серьёзно изменило правовой и социальный статус купечества. Перед купцами открылись, в связи с этим, большие перспективы успешного развития их частного торгового бизнеса, а власть получала в их лице достаточно широкую социальную базу для укрепления культурного единства и политической стабильности традиционного китайского общества, что необходимо было для успешного развития нарождающейся капиталистической экономики.

дающей капиталистической экономики. Важную роль в возможности этих изменений, безусловно, сыграли идеи конфуцианства и морально облагороженного им легизма.

References:

1. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Вост. лит., 2001. – 488 с.
2. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу). Изд. 2-е, доп. Пер. с кит., вступит. ст., коммент., послесловие Л.С. Переломова. – М.: Ладомир, 1993. – 392 с.
3. Никифоров В.Н. Специфика господствующего класса в старом Китае (сословие *шэньши*) / Роль традиций в истории и культуре Китая. Сб. ст. – М.: Наука, 1972. – С. 237-248.

4. У Цзин-цзы. Неофициальная история конфуцианцев. Пер. с кит. Д. Воскресенского. – М., 1999. – 636 с.

5. Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т.1. Пер. с кит., введ. и коммент. Ю.Л. Кроля. – СПб: Петербургское Востоковедение, 1997. – 416 с.

6. Hulsewe A.F.P. Remnants of Han Law, vol. 1, Introductory Studies and an Annotated Translation of Chapters 22 and 23 of the History of the Former Han Dynasty. Sinica Leidensia. Vol. IX. Leiden: E.J. – Brill, 1955. – 416 p.

7. Twitchett D. The T'ang Market System // Asia Major. Vol. XII. – 1966. – № 2. – P. 202-247.

8. Twitchett D. Merchant, Trade and Government in Late T'ang // Asia Major. Vol. XIV. Part 1. – 1964. – P. 63-95.

International multilingual social network
for scientists and intellectuals.

International intellectual portal «PlatoNick» is a multilingual, open resource intended to facilitate the organization of multifaceted communication of scientists and intellectuals, promulgate their authoritative expert conclusions and consultations. «Platonick» ensures familiarization of wide international public with works of representatives of scientific and pedagogic community. An innovation news line will also be presented on the «Platonick» portal.

Possibility of the informal communication with colleagues from various countries;

Demonstration and recognition of creative potential;

Promulgation and presentation of author's scientific works and artworks of various formats for everyone interested to review.

<http://platonick.com>

ROLE OF THE GENERAL SCIENTIFIC METAPHOR IN COGNITION: METAPHORS AND MYTHS

A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor
Tver State University, Russia

The dynamics of common scientific metaphors is traced in connection with cognition studies. Some examples of myths as consequences of literal understanding of metaphors are discussed.

Keywords: scientific knowledge, common knowledge, “machine metaphor”, “information metaphor”, “computer metaphor”, metaphor of “live knowledge”.

Conference participant, National championship
in scientific analytics

РОЛЬ ОБЩЕНАУЧНОЙ МЕТАФОРЫ В ПОЗНАНИИ: МЕТАФОРЫ И МИФЫ

Залевская А.А., д-р филол. наук, проф.
Тверской государственной университет, Россия

Прослеживается динамика общенаучных метафор, оказавших определённое влияние на исследование человека с позиций разных наук. Обсуждаются примеры устойчивых мифов как следствий буквального прочтения научной метафоры.

Ключевые слова: научное знание, обыденное знание, «машинная» метафора, «информационная» метафора, «компьютерная» метафора, метафора «живое знание».

Участник конференции, Национального первенства
по научной аналитике

Вводные замечания

Каждый из известных периодов развития науки характеризуется наличием некоторой общей идеи, которая сначала может не замечаться или резко критиковаться (вспомним о «лже-науке кибернетике»), но постепенно становится популярной, широко используется и владеет умами исследователей, пока не появится что-то новое, влекущее за собой переход на иную парадигму. Цель предлагаемого доклада – привлечь внимание к тому, что сформировавшаяся в некоторой науке идея при её преломлении в других областях научного знания может становиться метафорой, влекущей за собой образование некоторых весьма живучих мифов; и если первоначально принимаемая метафора могла быть импульсом для нового видения исследуемых объектов, т.е. давала положительный эффект, то со временем порождённый ею миф может стать тормозом, своеобразным предрассудком, не позволяющим выйти за рамки того, что предписывает своеобразно трактуемая (т.е. фактически переосмысленная) исходная метафора (точнее – то, к чему она привела). После выявления динамики общенаучных метафор (от «машинной» до метафоры «живое знание») будут рассмотрены некоторые мифы, сформировавшиеся в лингвистике под воздействием некоторых из этих метафор, и показаны особенности идеи «живого знания» как фундамента для разработки интегративного подхода к человеку как представителю вида, члену социума и личности, адаптирующейся к слож-

ному взаимодействию с естественным и социальным окружением при воздействии комплекса внешних и внутренних факторов на пересечении биосферы, психосферы, социосферы и ноосферы (см. подробнее: [6]).

Динамика общенаучных метафор

Известно, что существовавшая в свое время единая наука философия далее получила развитие через всё более узкую специализацию наук, что в свою очередь привело к осознанию необходимости интеграции наук на новом уровне большей объяснительной силы. Особую роль в разработке подходов интегративного типа сыграли некоторые общенаучные идеи, становившиеся знаменами времени и с готовностью подхватывавшиеся

представителями разных областей знания, видевшими в этом основания или средства для прорыва в будущее. В таблице прослеживается динамика некоторых общенаучных метафор, так или иначе связанных с исследованием познавательной деятельности человека.

Роль метафор в обыденном и научном познании раскрыта Л.А. Микшиной: «глобальные» метафоры способствуют созданию универсального образа мира, предпосылок и основы «для понимания и формирования обыденных и научных представлений о мире в целом, о процессах природы и общества» [8: 50–51]. Приведённые в таблице общенаучные метафоры отвечают этому определению и отоб-

Таблица 1

Основания для интеграции наук	Динамика научных подходов	Ведущие метафоры
	ЕДИНАЯ НАУКА (философия)	
	ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ (специализация наук)	
	Промежуточный этап	<i>Машинная метафора</i>
Общая теория связи Общая теория систем Теория вероятностей	РЕИНТЕГРАЦИЯ – 1 (кибернетический этап)	<i>Информационная метафора</i>
Вычислительный подход Формальное моделирование Менталистская проблематика	РЕИНТЕГРАЦИЯ – 2 (когнитивизм)	<i>Компьютерная метафора</i>
Когнитивная нейронаука; сетевая парадигма; теории хаоса, синергетики, динамических самоорганизующихся систем	РЕИНТЕГРАЦИЯ – 3 (когнитивная наука)	<i>Мозговая метафора</i>
Развитие идей толерантности; внелогическое предпочтение теорий; переход на иной метаязык и новую систему координат	Подлинная ИНТЕГРАЦИЯ (взаимосвязь природы, индивида и общества)	<i>Метафора «живое знание»</i>

ражают переход от одного генерального принципа построения образа мира к другому. Обратим внимание на то, что каждый из них важен, их совокупность обеспечивает разностороннее видение объекта, однако гипостазирование любого из них как «самого-самого» важного (или даже единственного, имеющего особую объяснительную силу) ведёт к формированию «шор», не позволяющих видеть объект в иных ракурсах. Более того, своеобразная «пандемия» схватывания новой глобальной идеи может приводить к расширенной трактовке областей приложения того или иного принципа. В качестве примера не могу не вспомнить, как в угаре всеобщего «информационного помешательства» я выполнила экспериментальное исследование с целью вычисления «информационной нагрузки» нового слова иностранного языка [4], однако вскоре опомнилась и перешла к обсуждению проблемы возможностей и границ применения популярных в то время исследовательских приёмов для решения задач гуманитарных наук (т.е. поставила вопрос: «бит» или «не бит» в ситуации анализа языковых явлений?). К сожалению, некоторые возникающие в связи с научными метафорами мифы оказываются весьма «живучими» и продолжают так или иначе проявляться в современных научных теориях, ставящих задачи объяснения познавательных процессов человека, хранения и функционирования языка.

Метафоры и мифы

Отголоском машинной метафоры можно считать до сих пор diskutированный вопрос: является ли язык отдельным, самостоятельным «органом», «модулем» и т.п., т.е. можно ли трактовать язык как «колёсико» в слаженном механизме, где каждый «модуль» специфичен и строго отграничен от других. Наиболее эксплицитно проистекающий отсюда миф отдельного «языкового органа» обосновывается в книгах С. Пинкера (см., например, [16]).

Аналогичным образом рассматривается и лексикон человека, моделируемый как самостоятельный «блок» (модуль), в свою очередь состоящий из отдельных «блоков» (отсеков?), в

которых отдельно хранятся звуковые образы слов, графические образы, грамматические «правила» и т.д. В качестве примера приведу модель лексикона, представленную на рисунке, где разграничены языковые знания и «нелексическое познание» (к последнему почему-то отнесены значения слов и их грамматические характеристики), хотя и в научном поиске, и в обыденном познании эти виды знания постоянно взаимодействуют. Влияние информационной метафоры чувствуется в обозначении «входов» в изображённые на рисунке «блоки» и «выходов» из них (проявляется принцип «чёрного ящика»).

Информационная метафора «жива» в утверждениях, что язык представляет собой специфический «код»; в устойчивых мифах, согласно которым язык «содержит» и «передает» информацию, а слово «означает» само по себе, благодаря «содержащимся в нём» компонентам значения. Компьютерная метафора проявляется через исчисление предикатов, переносимое из практики разработки компьютерных языков на функционирование естественного языка. Попытки перехода на «мозговую» метафору привели к пандемии исследований «концептов», под которыми в большинстве случаев понимается либо понятие, либо описываемая в словарях семантическая структура слова, а пе-

реход на новую («концептуальную») терминологию только прикрывает миф, согласно которому языковые явления продолжают трактоваться как существующие в голове отдельно от других видов знания.

Развенчивание мифов с позиций новых подходов к познанию

На рубеже тысячелетий многое меняется в научных представлениях о мире и человеке. В центре внимания оказывается «человек познающий» со всеми вытекающими отсюда следствиями (см.: [8]); для решения связанных с этим задач оказывается необходимым «междисциплинарное мышление» – интегративный подход, способный построить теорию большой объяснительной силы за счёт эффекта эмерджентности (возникновения нового знания не как простой суммы результатов, полученных в разных областях науки о человеке, а как перехода на более высокий уровень видения объекта). Ведущей, «глобальной» метафорой, направляющей поиск в этом направлении, по моему убеждению, становится метафора «живое знание», не случайно фигурировавшая ещё в работах Л.С. Выготского и Г.Г. Шпета [1; 10; 11]). Метафоры «живое знание», «живое слово» изначально ориентируют на динамику, жизнеспособность, включённость в определённые «контексты» и взаимодействия. Подробное рассмотрение

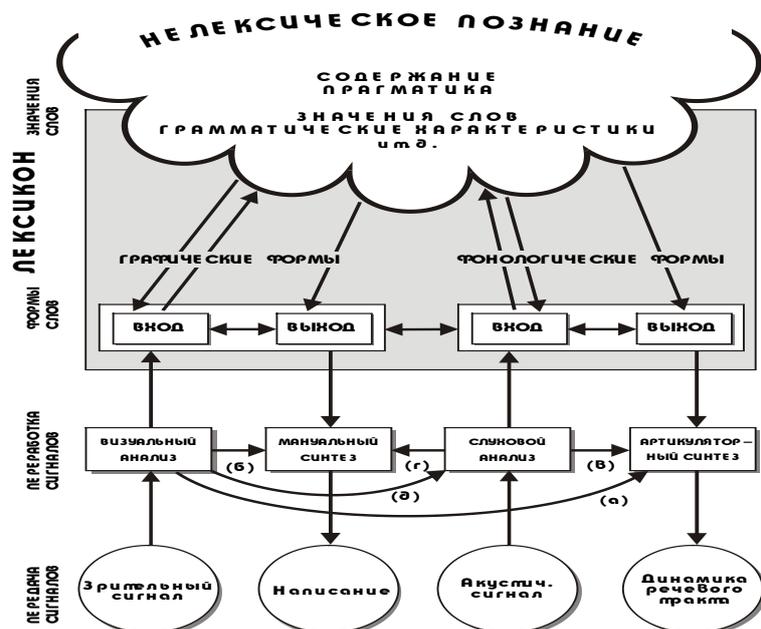

Рис. 1. Контур отношений внутри лексикона и за его пределами (по: [14])

специфики живого знания со ссылками на высказывания многих учёных (философов, лингвистов, психологов, физиологов, неврологов) содержится в книге [5], здесь приходится ограничиться лишь перечислением некоторых его свойств.

В «живом знании» только условно (в чисто научных целях) можно пытаться разграничить: языковое знание; знание о мире; знание / переживание понятности воспринимаемого; отношение к знанию (как социально принятое, так и обусловленное личностным опытом); актуально сознаваемое знание; выводное знание разных уровней развертывания и осознаваемости; различные уровни обобщения и дифференцирования знания и т.д. В реальной жизнедеятельности человека все названные и другие характеристики знания функционируют в едином ансамбле, слаженная работа которого на разных уровнях осознаваемости обеспечивает результат, связанный с мотивацией, ориентированный на условия места и времени и т.д.

«Живое слово» представляет собой: а) достояние пользующегося языком человека; б) продукт своеобразной переработки индивидом многообразного (вербального и невербального) опыта познания и общения; в) средство доступа к образу мира личности; г) специфическое орудие разнообразной (в том числе – коммуникативной) индивидуальной и социальной деятельности людей; д) познавательную единицу с двойственной онтологией, обращённую одной своей ипостасью к индивиду, а другой – к социуму/культуре. Оно: е) обладает изначальной предметностью; ж) возбуждает представление о вещи со всеми её признаками; з) позволяет думать о действительности (опосредствует мысль, помогает формировать мысль при её формулировании); и) обеспечивается взаимодействием сенсорики, интеллекта и эмоционально-оценочных переживаний; к) отличается от слова, представлено в словарях.

Особую роль в функционировании живого знания играет образ мира, который начинает формироваться у ребёнка до овладения языком и далее самоорганизуется параллельно с формированием и совершенствованием

языкового знания как средства / инструмента познания и социализации через общение. Знание «мертво», если оно не находит опоры в голограмме образа мира, в элементах и признаках уже пережитого опыта разных модальностей (т.е. зрительного, слухового, тактильного и др.) или в воображаемых на этой основе возможных объектах, действиях или ситуациях.

Изложенные соображения в значительной мере согласуются с новейшими подходами к исследованию человека в разных ракурсах. Так, миф об автономном существовании языка у человека развенчивает авторитетный невролог Э. Голдберг [2]; на пересмотр представлений об особенностях работы мозга человека и функционирования языка указывает также Т.В. Черниговская [9]. Переход на новые представления о принципах функционирования знания у познающего мир и общающегося индивида прослеживается во многих публикациях последних лет (см., например, [7; 12; 13; 14; 17–19]). Так, ставятся задачи отказа от таких проистекающих из ошибочного понимания природы языкового значения традиционных догм в языкознании, философии языка и когнитивной науке, как: «(1) догма об автономности языкового значения, (2) догма о композиционности языкового значения» [17: 140]; имеет место отказ от самой идеи существования ментального лексикона [18: 9, 192–227]. Обосновываются идеи распределённости знания по двум линиям: (1) между телом и разумом человека, (2) между индивидом / личностью и социумом/культурой [7; 12; 15; 19] и т.д.

Заключение

Поставив во главу угла «человека познающего», формирующего живое знание, мы должны к формуле Рене Декарта “*Cogito, ergo sum*” («Я мыслю, следовательно, существую») добавить базовое положение Джона Локка: “*Nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu*” («В разуме нет ничего такого, что не содержалось бы раньше в чувстве») или обратиться к мнению психолога Н.И. Жинкина [3], определявшего сенсорнику и интеллект как совместно работающие (комплементарные) механизмы. Тем самым воп-

лощается в жизнь принцип единства чувственного и рационального, к которому добавляются также воображение и эмоционально-оценочные переживания человека, его изначальная включённость в естественное и социальное окружение (см. подробнее доклад: [6]).

Глобальная метафора «живое знание» важна не только для разностороннего исследования ЧЕЛОВЕКА ПОЗНАЮЩЕГО, в том числе – учёного, которому свойственно всё, характерное для живого человека (*Homo sum: humani nihil a me alienum puto*). Огромную роль ориентация на живое знание должна играть в совершенствовании всей системы образования – от дошкольного до повышения квалификации кадров; не случайно в своё время Л.С. Выготский резко выступал против распространённого в образовании заучивания вербальных формулировок, которые остаются пустым, «мёртвым» знанием (см.: [1]).

Полагаю, что именно прогнозируемый мною переход научного сообщества на «глобальную» метафору ЖИВОЕ ЗНАНИЕ как закономерный продукт динамики общенаучных метафор будет способствовать мощному прорыву в разносторонних научных изысканиях, имеющих как теоретическую, так и практическую значимость. То, что такой переход фактически уже реализуется, находит отражение в мировой науке о человеке, языке, знании, в попытках увязать человека, природу и общество в целях решения актуальных проблем, с которыми ныне столкнулись обитатели планеты ЗЕМЛЯ.

References:

1. Выготский Л.С. К вопросу о развитии научных понятий в школьном возрасте // Шиф Ж.И. Развитие научных понятий у школьников. – М., 1935. – С. 3–17.
2. Голдберг Э. Управляющий мозг: Лобные доли, лидерство и цивилизация. – М., 2003.
3. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982.
4. Залевская А.А. О восприятии новой иноязычной лексики с различной информационной нагрузкой // Вопросы психологии. – 1967. – № 1.

– С.127–134.

5. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. – Тверь, 2011.

6. Залевская А.А. Абстракция, эмпирия, воображение и эмоция в научном исследовании и в обыденном знании // Проблемы и парадоксы исторической науки в контексте развития философской мысли, 2013 / URL: <http://gisap.eu/ru/node/23507>.

7. Коули С.Д., Кравченко А.В. Динамика когнитивных процессов и науки о языке (заметки с конференции) // Вопросы языкознания. – 2006. – № 6.

8. Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. – М., 2009.

9. Черниговская Т.В. Мозг и язык: полтора века исследований // Теоретические проблемы языкознания. – СПб., 2004. – С.16–34.

10. Шпет Г.Г. Философские этюды. – М., 1994.

11. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: этюды и вариации на темы Гумбольдта. – М., 2009.

12. Barsalou, L.W. The human conceptual system // The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. Cambridge, 2012. – Pp. 239–258.

13. Cowley, S.J. The cognitive dynamics of distributed language: Editorial // Language Sciences. 2007 / URL: www.elsevier.com/locate/langsci

14. Garman, M. Psycholinguistics. Cambridge: Cambridge University

Press, 1990.

15. Gonzalez-Marquez, M. Language, thought, and ... brain? // The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. Cambridge, 2012. – Pp. 675–692.

16. Pinker, S. How the mind works. New York: Norton, 1997.

17. Studia linguistica cognitiva. Вып. 1. Язык и познание. Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006.

18. Studia linguistica cognitiva. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009.

19. The Cambridge Handbook of Psycholinguistics / Ed. By M.J. Spivey, K. McRae, M.F. Joannis. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

INTERNATIONAL ACADEMY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION

International Academy of Science and Higher Education (IASHE, London, UK) is a scientific and educational organization that combines sectoral public activities with the implementation of commercial programs designed to promote the development of science and education as well as to create and implement innovations in various spheres of public life.

Activity of the Academy is concentrated on promoting of the scientific creativity and increasing the significance of the global science through consolidation of the international scientific society, implementation of massive innovative scientific-educational projects.

While carrying out its core activities the Academy also implements effective programs in other areas of social life, directly related to the dynamics of development of civilized international scientific and educational processes in Europe and in global community.

Issues of the IASHE are distributed across Europe and America, widely presented in catalogues of biggest scientific and public libraries of the United Kingdom.

Scientific digests of the GISAP project are available for acquaintance and purchase via such world famous book-trading resources as amazon.com and bookdepository.co.uk.

www: <http://iashe.eu/> e-mail: office@iashe.eu phone: +44 (20) 328999494

INTEGRAL DISCOURSE OF AL-FARABI: EXPERIENCE OF HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL INTERPRETATION

G. Kurmangaliyeva, Doctor of Philosophy, Associate Professor
N. Seytakhmetova, Doctor of Philosophy, Professor
Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies,
Kazakhstan

The need for historical and philosophical understanding of the past, present, and future – is a topic of timeliness and philosophical discourse of modernity. Authors reveal the problem of perspective significance of creativity of the medieval philosopher Al-Farabi for the Kazakh and international community, because his historical and philosophical heritage includes the idea of the integrated dialogue between the East and the West, the idea of an integrated-interpretive thinking.

Keywords: integral philosophy, understanding, dialogue, historical and philosophical discourse, Al-Farabi, Islamic Middle Ages, Kazakh philosophy.

Conference participants, National championship
in scientific analytics, Open European and Asian
research analytics championship

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС АЛЬ-ФАРАБИ: ОПЫТ ИСТОРИКО- ФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Курмангалиева Г.К., д-р филос. наук, доцент
Сейтахметова Н.Л., д-р филос. наук, проф.
Институт философии, политологии и религиоведения,
Казakhstan

Необходимость историко-философского осмысления прошлого, настоящего и будущего – это тема своевременности и современности философского дискурса. Авторы раскрывают проблему перспективного значения творчества средневекового мыслителя аль-Фараби для казахстанского и мирового сообщества, поскольку в его историко-философском наследии заключена идея интегрального диалога Востока и Запада, идея интегрально-интерпретативного мышления.

Ключевые слова: интегральная философия, понимание, диалог, историко-философский дискурс, аль-Фараби, исламское средневековье, казахская философия.

Участники конференции, Национального первенства
по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского
первенства по научной аналитике

Как известно, Гадамер в свою философскую заслугу ставил то, что пониманию он придал характер вечной событийности. Понимание есть событие для каждого, кто войдет в историко-философскую интерпретацию мира Платоном, Сократом, Гегелем, Киркегором и самим Гадамером. Обладает ли историко-философское осмысление качеством понимания того, что мы пытаемся осмыслить? Ведь не философский секрет, что почти все истории философии являлись продуктами личностно-субъективных способностей знаменитых авторов-философов. Гениальность гегелевской истории философии и философии истории заключалась в его уникальном всеохватывающем проекте понять историю мира как конкретное целое. Фрагментарное бытие мира, скрепленное логической необходимостью, обретает у Гегеля конкретно-целостный дискурс, в котором творится философия истории человека и его история философии. В эпоху глобальных изменений гегелевский дискурс обретает еще большее значение, чем в прошлые эпохи, поскольку разрозненный мир вынужден интегрироваться. Интегрироваться необходимо, о необходимости интегрального мышления и интегральной философии говорят, пишут, философствуют.

Историко-философское осмысление сегодня – это, скорее, переосмыс-

ление (то, что предлагает нам постмодернизм). Историко-философское осмысление духовного опыта прошлого нам необходимо не в целях наслаждения и упоения и не в целях ресентимента, когда в своем историческом онтологическом прошлом мы виним Другого, называя его Чужим, имевшим влияние на историко-философский процесс нашего прошлого, считая это влияние Вторжением, деконструирующим нашу философскую традицию, оно необходимо для обретения в этом прошлом понимания самих себя, понимания как событийности собственного открытия – понимания в ней той истины, которую искали философы прошлого. Того самого понимания, о котором говорит Гадамер.

Должна ли сегодня измениться историко-философская интерпретация или она по-прежнему должна быть тотализирующим дискурсом, основанном на логической и исторической презумпции, строго последовательной, согласно историческим, социально-экономическим формациям, формирующим типы историко-философского сознания? Историко-философская интерпретация сегодня в полифилософском мире дискурсов Востока и Запада должна осуществляться, скорее, в презумпции толерантности.

Можно, конечно, поспорить на тему «Толерантность в истории философии» – уж не выдумка ли это пос-

тмодернистов? и не «разное» ли мы смыслы философских традиций своих и других? Но ведь духовные истины невозможно понять, не встав на позиции философской толерантности и не убив в себе «философскую ресентиментальность».

Эпоха постмодерна или эпоха «ситуации распыления истории» (Рикер) навязывает (это уже интолерантно, но необходимо) толерантный дискурс историко-философских интерпретаций. Это очень позитивно, поскольку в таких условиях происходит реконструкция маргинальных дискурсов, которые в свое время считались слишком уж свободными и «выбивающимися» из рациональных классических, образцовых моделей философствования. К таким философским дискурсам относили тюркско-исламское философствование Абу Насра аль-Фараби, Ясави и Югнеки.

Для чего современному человеку необходима история философии, онтологическая ли это необходимость, в чем ее своевременность – несвоевременность (о чем предупреждал Хайдеггер)? История философии всегда своевременна, поскольку она – выражение нашей современной философии в историческом контексте. Реконструируя историко-философскую традицию, мы постоянно возвращаемся к своим философским истокам, и мы еще (все еще) должны

и способны извлечь из философского прошлого онтологические проблемы, поднятые там, и привести в них сегодняшнее проблематизирование, ибо в этой проблематизации и лежит исходный смысл понимания самих себя. Значимость истории философии выявляется из универсального значения философии для современного развития. Если не внедрить в нашу социальную жизнь эту многомерную историю становления человеческого мышления, то образ мысли современного человека неизбежно будет плоским и поверхностным, не говоря уже о том, что современные философские исследования также не принесут всемирно значимых результатов в области социогуманитарных наук.

История философии – это Встреча Человека и Мира, в которой человек обретает уверенность и целесообразность своего бытия, которое также является событийным, хотя бы для того, чтобы прояснить смысл заданных, «потаянных» вещей в философских учениях прошлого, чтобы не стать поколением «потерянной философии». Философские учения прошлого, их содержание открывается нам потому, что тоску по философским истинам мы обнаруживаем в самих себе. И когда мы обращаемся к первому историко-философскому дискурсу, принадлежащему Аристотелю, и к историко-философским трактатам «Чжуан-цзы», «Сарва-даршана-самграха», и к Гегелю, Рейнгольду, Бруккеру, Расселу, Мадкуру, мы не просто хотим их процитировать и узнать, что они говорили по той или иной проблеме, по тем или иным философским эпистемам, для нас более важным является знать, почему они так мыслили, каковы были их мировоззренческие позиции, и тогда мы обретаем главное – мы учимся философствовать, а значит и понимать.

Историко-философский процесс сегодня – интегральный, поскольку завершилась та история, когда человек осваивал неведомое ему пространство природного мира, создавая и расширяя мир культуры, выражающий его творческие способности и силу в освоении природного мира. Теперь расширение границ освоенного человеком мира завершилось, и он весь стал ру-

котворным результатом деятельности человека. Мир быстро и кардинально меняется. Уходят в прошлое устойчивость, закономерность и постоянство, значительным образом возрастает роль случайности, непредсказуемости и неопределенности. В философии все более настоятельно звучат призывы к Востоку и Западу – повернуться лицом друг к другу и быть открытыми друг другу. В философских концепциях современности обнаруживается стремление объединить идеи, высказанные на основе встречи культурных миров, представить диалектическую связь прошлого, настоящего и будущего. Прежде утверждаемые в качестве антагонистов вера и знание, наука и религия оказываются взаимосвязанными между собой и взаимодополняют друг друга. Новация и традиция не исключают одна другую, а обнаруживают бессмысленность абсолютного противопоставления, делая связь между ними более глубокой, тонкой и проницаемой.

Казахстан, обретший независимость на рубеже тысячелетий, активно созидает новую казахстанскую философию, в которой соединяются философская традиция казахского народа с современными трендами мирового философского дискурса. Глобализация обостряет проблему философской самоидентификации, сохранения уникальности и самобытности культуры Казахстана, национального способа философствования Казахстана, который никогда не будет полнокровно функционирующим без ее духовно консолидирующего основания – культурного наследия. Хорошо известно, что без духовного опыта прошлых поколений, без освоения их культурного наследия невозможно полноценное развитие общества ни в один исторический период, так как потеря этого бесценного опыта порождает явление глобального манкуртизма в обществе, тем более правомерным оно является по отношению к периодам становления молодой государственности, укрепления ее независимости.

В настоящее время обращение к духовно-интеллектуальному наследию Абу Насра аль-Фараби, ставшим олицетворением богатой культуры наших предшественников и символом

глубокого уважения к культурному наследию прошлого, является своевременным гуманитарным проектом для осознания самих себя и в самих себе своего истока. Впитав в себя духовно-нравственную культуру родных мест, аль-Фараби сумел доказать – талантом ученого-энциклопедиста, глубиной философских прозрений мыслителя и жизнью добродетельного человека – способность ответить на вызовы времени и ответственно решать смысловые проблемы и задачи. Мы можем с уверенностью констатировать, что и современное поколение казахстанцев обращается к идеям аль-Фараби, возрождая их к новой жизни и осмысливая их общечеловеческое и гуманистическое содержание.

Парадигмой современного мирового развития становится постоянное изменение, движение к обновлению, не приемлющее стагнацию и одновременно катастрофические перемены. Все более проявляет себя тенденция эволюционного, а не революционного развития, порождающего кровопролития, антагонизм и разрушение устойчивых оснований бытия. Известное философско-мировоззренческое противостояние Гераклита и Парменида, на протяжении длительной истории показывавшее перевес последнего, в современную эпоху отмечено перевесом гераклитовского «становления». Тожество, постоянство и единство как прочное мировоззренческое основание пошатнулись под давлением относительного, субъективного, плюрального и множественного.

Что означает «интегральная философия»? Каково ее содержание? Каковы ее основные черты и характеристика? В принципе, это интегральное мировоззрение, положенное в основу современного философствования. Категориальная определенность в данном вопросе необходима, так как существуют различные терминологические определения феномена мировоззрения новой мировой эпохи и обозначения того, что те или иные авторы пытаются включить в понятие «интегральная философия». В разбросе взглядов, позиций, точек зрения группируются и, проясняясь, оформляются следующие установки на понимание интегрального миро-

воззрения. Одни исследователи рассматривают в качестве интегрального мировоззрения мировоззрение, в котором осуществляется соединение идей Востока и Запада, их синтез. Другие исследователи понимают под ним мировоззрение, интегрирующее в себе разные формы духовной культуры общества и человека, как-то: науку, философию, религию, искусство и т. д. Третьи же исследователи подразумевают под ним универсально-всеобщее, общечеловеческое мировоззрение, в котором осуществляется диалог человека с природой, диалог естественнонаучной и гуманитарной культур.

Историческое богатство, которое позволяет обнаружить мировой историко-философский процесс, показывает нам разные подходы к пониманию того, что есть единство, чем оно отличается от эклектики, каким образом достигается единство многообразного, какие существуют исторические типы интеграции и объединения.

Уже в древнегреческой философии осознается, что мир – целостен. Греческие философы поставили вопросы целого и части, единого и многого. Целое в их философских построениях схватывалось в непосредственном созерцании и имело самодовлеющий характер, что наиболее выразительно проявилось в философских взглядах Платона. Древнегреческие мыслители исходили из целого, из его абсолютной власти над частями, которые не имели самостоятельного характера, из превалирования целого по отношению к частям.

Последующее развитие философии вращалось вокруг тех идей, которые были высказаны философией Платона и Аристотеля, в особенности в отношении того, как возможно единство многообразного? В немецкой классической философии – у Фихте и Шеллинга, но прежде всего в философии Гегеля, концепция единства многообразного достигла своего логического апогея. Конкретное, всеобщее единство, согласно основоположениям гегелевской философии, достигается лишь в сфере мышления, так как только оно призвано и способно переходя от одного определения к другому, связывать их в «одно».

Поэтому истина предстает как конкретный результат развернутого целого, как единое целое, снимающее в своем движении-становлении абстрактность своих частей и достигающее результата, в котором результат предстает в единстве процесса своего становления, своей истории, и конкретно завершенной формы.

Под влиянием идей немецкой классической философии, в особенности Шеллинга, идея конкретного единства понимаемого как всеединства, становится центральной во взглядах представителей русской религиозной философии – Соловьева, Трубецких, Лосского, Франка и др. В философских системах украинских мыслителей Прокоповича, Сквороды, Юркевича звучала идея о нравственном смысле философствования и триединстве, составляющем универсальность человека, – Разум, Сердце, Моральный Долг.

Творчество аль-Фараби – это духовный мост, связующий античную, исламскую средневековую и христианскую философию с современными философскими дискурсами Востока и Запада, и в этом смысле оно – транснационально, у него нет границ, только границы понимания, о которых говорил и сам ученый. Оно созвучно казахстанской модели миропонимания и «философии казахстанской сущности». Оно в современных философских интерпретациях предстает в качестве исторического образа интегрального мировоззрения, в котором была реализована идея диалога культур, совершен синтез философских идей и в котором это мировоззрение предстало в качестве открытого для иных культурных миров, способов и форм философской коммуникации.

Философия аль-Фараби – это вопрошание о смыслах нашего бытия, о том, что есть человек и какова его роль в философском осмыслении добра, истины и красоты, она задает этический и одновременно экзистенциальный горизонт целостному бытию человека, а возвращение к божественному истоку делает ее свободной в своих изысканиях и «хранительницей своего философского бытия».

Каждая культура обладает претензией и стремлением к абсолютной

всеобщности. Без этого она не культура. Но и человек без стремления к своей всеобщности не может общаться с другим человеком. Культура лишь тогда культура, когда она персонализирована как личность, когда общение культур актуализируется в общении личностей. Но если так подходить к диалогу культур, то будет ясно, что оно отражает и выражает общение уникально-всеобщих личностей. Именно таким представляется диалог аль-Фараби со своими предшественниками и «учителями» в философии – Платоном и Аристотелем, прежде всего, и другими представителями античной и средневековой исламской философии.

Основной проблемой древнегреческой философии стала проблема поисков истины на путях формирования всеобщего понятия о предмете, откуда и берет начало проблема поисков ответов на поставленные проблемы в истории мышления, в предшествующей философской традиции. Проблема поисков всеобщего понятия, начатая Сократом, и продолженная в диалогах Платона нашла завершение в аристотелевском понимании истины как совпадения различных точек зрения об одном и том же. Дух многозначной культуры, ее изначальная неоднозначность, осознается в философии через диалог разнообразных точек зрения и позиций. Всеобщность знания осознается в греческой философии как совокупность разнообразного.

В лице аль-Фараби современное познание имеет образец осознания философией, с позиции субъективности, того, что сложилось в ее истории, – способ понимания философией своего предмета через свои различные формы, но не просто через фиксацию этих разных, порою даже противоречащих друг другу, форм, а через их тождество. Диалог – исходный феномен философствования в исламской средневековой культуре, отраженный в полемическом духе культуры, в ее многочисленных дискуссиях по проблемам понимания Корана и коранической истины. Его значение определяется не только тем, что понятие «осмысленность» глубоко связано с такими понятиями, как «вопрос» и «ответ». Диалог – это не только отве-

ты на вопросы, но и текст в лицах, что великолепно понимал еще Платон. Но даже, если отвлечься от диалогической формы изложения, то можно отметить, что он присутствует в скрытом виде в философском тексте, поскольку тот, кто ясно обозначил, что произносит слова другого, уже отличает себя от другого, вступает в разговор с ним. Poleмика и обращение к авторитету – две необходимые особенности философских трудов – есть не что иное, как модификация диалога.

Тенденция движения мысли к тотальности в философии аль-Фараби получила гипертрофированную интерпретацию как диалога-идентификации, растворения собственных взглядов и мыслей в тексте другого. Так понимая философию аль-Фараби, ее рассматривали лишь только как комментаторскую, как пересказучений своих предшественников, что нашло отражение в понимании философии на средневековом исламском Востоке как симулякр греческого феномена, следовательно, феномена, абсолютно чуждого исламу.

Философия аль-Фараби, прожившая начало философской традиции на исламском Востоке, осознала в форме «комментирования» способ существования философского знания как постоянного межкультурного и межличностного диалога. Философия поэтому вырабатывала универсальный и всеобщий язык такого диалога, инструментарий и способ его бытия, становясь в этом смысле надэтническим, надконфессиональным феноменом культуры.

Продолжая свою жизнь в новом духовно-культурном контексте ислама, философия Платона и Аристотеля вдохнула в творчество средневековых исламских философов энергетический импульс исследовательской деятельности в новых горизонтах пространства мысли, ранее неизвестных исламскому миру. Воспроизведение, казалось бы, известных мыслей классиков древнегреческой философии в новом духовном запросе поднимало их на новый уровень, когда они были востребованы культурой, пытающейся понять божественной предназначение человека, смысл его бытия и обосновать, опираясь на разум, истинность

поисков человека.

Полное определение, согласно аль-Фараби, «достигается путем доказательства и объединения», а «ближайший и надежнейший путь для достижения определения есть поиск всего характерного и общего в сущности и субстанции данного предмета» [1]. Установкой поиска надежного пути достижения истины как поиска общего он подтвердил приверженность умозрительному способу Аристотеля, который коренился в мире, как говорил Платон, умозрительных сущностей, в сфере чистого мышления.

В мире умозрительных сущностей поиски истины достигаются путем соотнесения, сопоставления различных суждений об одном и том же предмете и поиска соответствия между ними. Как подчеркивает сам аль-Фараби: «Суждение и убеждение только тогда истинны, когда они соответствует другому существующему /суждению и убеждению/...» [1, с.42]. «Ведь достоверно известно, – продолжает он, – что нет веских, полезных и сильных доводов, чем свидетельства различных знаний об одной и той же вещи и объединение многих мнений в одном, ибо интеллект у всех служит для доказательства. И поскольку даже человеку, обладающему интеллектом, одна вещь после другой вещи кажется совершенно противоположной тому, какова она на деле ..., то он нуждается в единодушии многих умов, и как бы ни были они различны, все же нет более веского довода, ни знания, достовернее, чем это» [1, с.44-45].

Таким образом, анализируя данные высказывания и суждения аль-Фараби по вопросу поиска истины, можно утверждать, что мерилom и инструментом такого поиска является разум. Именно разум служит для доказательства истинности или ложности тех или иных суждений. Разум обладает способностью синтезировать, соединять, обобщать и, следовательно, создавать всеобщие суждения и понятия, которые в силу их всеобщности необходимо принимать за истинные. «Знай, – убеждает мыслитель, – что суждение об общем, покоящееся на индукции частных, находит столь прочное подтверждение в природе вещей, что от него нельзя отказаться,

нельзя удержаться или избавиться ни в одном вопросе, будь то в знаниях, мнениях и убеждениях, религиозных законах и праве или в гражданском общежитии и в вопросах жизни» [1, с.46]. Другого, как говорит аль-Фараби, более достоверного и «веского довода» познание не выработало. Истину, следовательно, следует искать в сфере умозрительных рассуждений, в мире умозрительных сущностей, где она представлена как соответствие между разными суждениями об одном и том же.

В такой принципиальной установке аль-Фараби содержится и указание на эмпирический материал интеллектуальной деятельности, где мышление исключительно работает с мыслью, а не с миром вещей. Мысль замещает собою вещь, которую она выражает. Поэтому то, что очень часто в литературе по средневековой исламской философии взгляды аль-Фараби обозначают как «компиляцию» или «комментирование» [2, с.79]. На самом деле она выступает как особенная форма умозрительного способа философствования, где мышление делает предметом своего исследования саму мысль. Как утверждает аль-Фараби: «Когда же различные умы сойдутся после размышления, самопроверки, споров, прений, дебатов, рассмотрения с противоположных сторон, то тогда не будет ничего вернее того убеждения, к которому они придут, доказав его и единодушно согласившись с ним» [1, с.46].

В философском взгляде аль-Фараби на мир, место в нем человека в силу парадигмальной установки всей исламской философии и ее основополагающего принципа развертывания – таухид была реализована в своих многообразных отношениях идея единства – единства человека и мира, микрокосмоса и макрокосмоса, общества и индивида, истины, добра и красоты, теоретических и практических наук.

Опыт развития философии на средневековом исламском Востоке может сыграть позитивную роль в более глубоком осознании современной ситуации, в произошедшем сдвиге в отношениях между философией и религией, знанием и верой. Примени-

тельно к Казахстану этот опыт имеет особенное значение, так как исламское мировоззрение исторически нашло почву в общественном сознании досоветского Казахстана, а в настоящее время все еще переживает новый этап возрождения теперь уже в демократическом казахстанском обществе. В настоящее время в казахстанской философии все более утверждается противоположная прежним императивам убежденность в том, что философия аль-Фараби выразила высочайший духовный запрос ислама, впитав в себя его гуманистическое содержание. При этом следует подчеркнуть, что изучение ислама как явления духовного и интеллектуального, с постановкой и решением метафизических проблем, фундаментальных проблем мироотношения человека, по-прежнему остается в тени комплекса научных работ по исламу, где он преобладающим образом рассматривается как явление политической истории [3, с.135]. Между тем именно этот аспект исследования наиболее важен для историко-философского осмысления, а уж тем более для изучения философских систем исламских мыслителей. Но он в целом по-прежнему остается в состоянии недостаточной изученности, характеризуется при заявленной нацеленности на фундаментальность и целостность темы рассмотрением перечня имен и фактов, их разорванностью, нередко нечетким пониманием позиций и т.д.

История философии – такой феномен культуры, который тонкими нитями связан с конкретно-исторической эпохой, в условиях которой он рождается и функционирует, с ее мировоззренческим основанием и формой мышления. В то же время, являясь феноменом универсальным, она несет в себе всеобщее-конкретное содержание, становясь феноменом, стоящим над эпохой, в пределах которой произошло рождение конкретной формы философии, ее становление и развитие. Поэтому в конкретно-исторической форме философии, сформировавшейся под воздействием определенной эпохи и культуры, содержится существенный аспект ее тождества ними. Но, с другой стороны, в этой конкретно-исторической форме философии в силу универсальности и всеобщности

содержится и значимый аспект несоответствия и различия ее с конкретно-историческим содержанием эпохи и культуры.

Философия аль-Фараби – это философия, рожденная в недрах тюркской культуры, но развернувшая свое онтологическое содержание в контексте ценностной исламской парадигмы. Спектр всей совокупности духовных связей философии как культурно-исторического феномена с религиозной атмосферой средневекового общества достаточно обширен и сложен. Наряду с определенными и отраженными в философии явлениями и процессами в этой совокупности связей и их взаимодействии в то же время прослеживаются трудно поддающиеся философскому обоснованию и объяснению явления и процессы. Далеко не всегда их можно объяснить на языке логики и философской аргументации, но они, тем не менее, входят в проблемное поле философских изысканий, если не непосредственным образом, то косвенным и опосредованным. В известной степени они улавливаются иррациональными способами (такими, например, как суфийские прозрения) и принимаются вероятностным образом, описываются посредством образов и выражаются символически или же вызывают скептическое отношение к ним и отрицание.

Но в сложном духовно-интеллектуальном пространстве мысли, комплексе идей философия пытается найти собственные уникальные подходы и способы интерпретации. Философия аль-Фараби – не исключение. Она также пыталась понять и осмыслить фундаментальное отношение «Человек – Мир» в эпоху средневековья. Ислам с самого начала имел выраженную тенденцию конвергенции, интеграции. Поэтому он закономерно входит в орбиту интереса к идеям интегральности и синтеза, с одной стороны, с другой – заложенный в нем потенциал интегративности послужил основой для того синтеза, который осуществила философия Абу Насра аль-Фараби, объединив идеи античной философии с духовными запросами исламского средневековья. Философия аль-Фараби осуществила философскую рефлексию этих идей,

обработав и переработав их в духе исламского монотеизма.

Аль-Фараби с полным правом можно причислить к числу сторонников идеи единства мира и человека. В своей философской системе аль-Фараби стремился к синтетичности и целостности, где, как уже говорилось, космос, человек и его разум находятся в единстве и где все гармонично, в силу иерархической взаимосвязи с Первопричиной – Богом. Согласно взглядам Второго Учителя, «с того времени, как есть Первый Сушый, необходимо следует, что из него возникают, соответственно своему бытию, все бытия... Бытие же Первого Сушего есть как бы истечение бытия в бытие других вещей...» [1, с.46].

Философия аль-Фараби выражает точки средоточия разных культур, она раскрывает диалог культур друг с другом и диалог автора с самим собой, вот почему через него и его творчество культура прошлого становится органично понятной многим культурам современного мира. Казахский народ и его духовное наследие находят отклик в сердцах представителей других народов и этот процесс – начало создания новой человеческой общности, ее гуманистических ценностей и идеалов.

Данное обстоятельство подтверждает известную истину о том, что прошлое – ключ к пониманию настоящего. Думается, благодатные зерна исторического прошлого, приближающие нас к осмыслению того, насколько подлинно наше бытие, делают его бесценным, а нас побуждают стремиться к совершенству. Вот почему аль-Фараби – сердце и разум культуры прошлого – становится источником духовного обогащения и просвещения в эпоху глобальных социокультурных изменений нового века. Культурно-пространственное многообразие мира – величайшая ценность, которую необходимо сохранять и приумножать. Она раскрывает себя через диалог культур, который можно раскрывать и прочитывать по-разному, но только через него можно глубже понять и осознать самих себя и то, для чего мы в этом мире. Пространство человеческого общения – безгранично, диалог дает нам реальную возможность

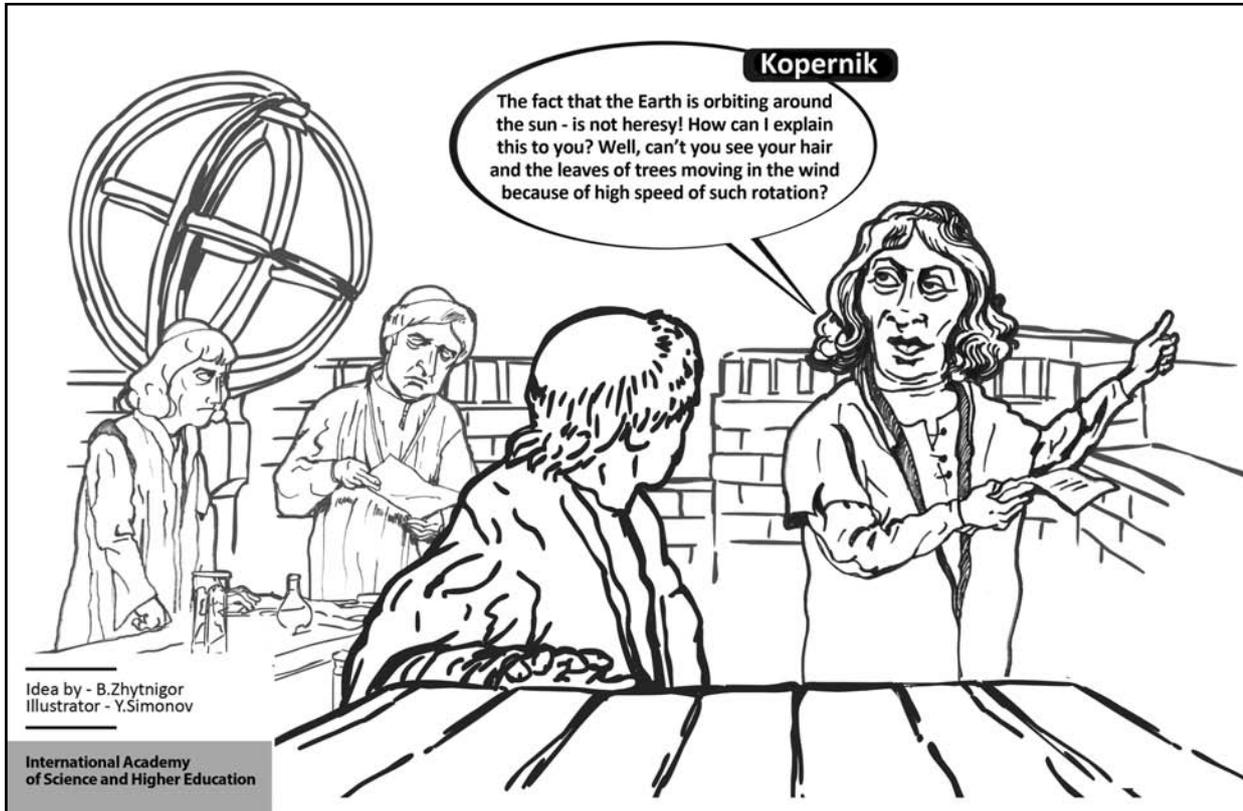
свободного вхождения и погружения в эту свободную стихию и, наверное, поэтому так ценна для нас история философия – неиссякаемый диалог культур и личностей.

References:

1. Аль-Фараби. Философские трактаты. Алма-Ата: Наука, 1972.
2. Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Наука и религия: историко-культур-

ный очерк. М.: Наука, 1988.

3. Султанов Р.И. Об изучении начальной стадии ислама // Методологические проблемы изучения истории философии зарубежного Востока. – М.: Наука, 1987.

GLOBAL INTERNATIONAL SCIENTIFIC ANALYTICAL PROJECT

The project unites scientists from around the world with a purpose of advancing the international level of ideas, theories and concepts in all areas of scientific thought, as well as maintaining public interest to contemporary issues and achievements of academic science.

The project aims are achieved through carrying out the championships and conferences on scientific analytics, which take place several times a month online.

If you wish to take part in the project, please visit:

<http://gisap.eu>

phone: +44 (20) 32899949

e-mail: office@gisap.eu

FERMAT'S LAST THEOREM IN THE CONTEXT OF THE MODERN NATURAL-SCIENCE KNOWLEDGE

Yu. Ivliev, Doctor of Psychology, Professor, Academician
International Informatization Academy, Russia

In the report the concrete scientific and philosophical assessment of the most enigmatic mathematical problem of humanity – Fermat's Last Theorem – is given. The way out of the systematic scientific crisis with help of wide professional discussion of the latest results of studying mathematical and general scientific contents of this theorem is suggested.

Keywords: Fermat's Last Theorem, Beal's Conjecture, ombudsman.

Conference participant, National championship
in scientific analytics, Open European and Asian
research analytics championship

ВЕЛИКАЯ ТЕОРЕМА ФЕРМА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Ивлиев Ю.А., д-р психол. наук, проф., академик
Международная Академия Информатизации, Россия

В докладе дается научно-конкретная и философская оценка самой загадочной математической проблемы человечества – Великой теоремы Ферма. Предлагается выход из системного научного кризиса с помощью широкого профессионального обсуждения последних результатов исследования математического и общенаучного содержания этой теоремы.

Ключевые слова: Великая теорема Ферма, гипотеза Биля, омбудсмен.

Участник конференции, Национального первенства
по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского
первенства по научной аналитике

*«Тысячи путей ведут к заблужде-
нию, к истине – только один»*

Жан Жак Руссо

Введение.

На пути к философскому осмыслению Великой теоремы Ферма.

Настоящий доклад подытоживает серию публикаций статей автора в сборниках Международной Академии Наук и Высшего Образования 2013 года. Основной идеей этой серии было стремление донести до широкой научной общественности зачатки древнейшего знания о природе (источках) объективного мира, выраженного в математической форме гениальным Ферма в его знаменитой теореме о сложении высших степеней целых чисел. При внимательном изучении научного творчества Пьера де Ферма сам собой напрашивается вывод о том, что Ферма с точки зрения философской оценки его деятельности был, по-видимому, духовным наследником пифагорейского учения о целых числах. Для него положительные целые (натуральные) числа являлись не только главным инструментом его исследований, обладающим абсолютной точностью, но и символом гармонии и совершенства, присущих основам мироздания. Однако, вместо того, чтобы углубиться в изучение уникальных свойств целых чисел, профессиональные математики (на протяжении порядка двухсот лет) увлеклись производными от целых чисел, приведшими их к концепции действительной числовой оси, играющей основополагающую роль во многих разделах высшей математики. Возгордившись

собственными достижениями, они поставили себя на место Бога (ср. изречение Л. Кронекера: «Бог создал целые числа, все остальное – дело рук человеческих» см. [1]), заложив тем самым мину замедленного действия в основаниях математики [2]. Эта мина заключалась в том, что за понятиями целых (и других) чисел уже не видели никакого внутреннего содержания, не зависимо от человеческого присутствия, и пресловутое абстрактное математическое мышление сводилось к замещению денотата денотантом, т.е., другими словами, символические обозначения чисел (и вообще любых математических объектов) стали восприниматься как нечто самодостаточное и обладающее всей полнотой свойств обозначаемого математического объекта. Так математический язык превратился в собственную реальность, которая при столкновении с реальностью объективного мира приводила или к кризису определенных математических дисциплин, или к новым математическим открытиям [3]. Именно такая ситуация и сложилась вокруг Великой теоремы Ферма. Попробуем теперь с ней разобраться на этом конкретном примере.

В предыдущих работах автора красной нитью проходит мысль о том, что доказательство Великой теоремы Ферма (и, следовательно, ее понимание) не могут быть получены чисто дедуктивным путем, как это пытались сделать авторы несостоявшихся доказательств и, в частности,

авторы, выводящие теорему Ферма из гипотезы Таниямы-Шимуры. Необходим индуктивный компонент, идущий извне, из объективного мира. Постараемся здесь раскрыть этот тезис. Действительно, когда стало ясно, что утверждение Ферма выходит за пределы известных числовых систем (математический аппарат теоремы Ферма – это числа в чистом виде и действия над ними), то назрела необходимость генерации новых идей относительно того, что такое целое число и как новые представления о целых числах могли бы усовершенствовать математическую теорию чисел. Об этом еще писал известный советский математик М.М. Постников, указывая на то, что работы по поиску доказательств теоремы Ферма, не вводящие новых идей и остающиеся в рамках уже известных методов, не могут привести к успеху [4]. Но откуда было взять эти новые идеи? Ответ на этот вопрос дает творчество самого Ферма, находившегося под несомненным влиянием древних математиков, для которых живая книга Природы была неиссякаемым источником идей, не видимых обычным зрением, но могущих быть представленными значками, символами и даже целыми геометрическими фигурами с присущими им математическими структурами.

Другими словами, не надо было ничего придумывать, а нужно было только с помощью рудиментов изначального человеческого восприятия (называемых теперь математической

интуицией) установить взаимно однозначное соответствие между проблемой, записываемой в математической форме (в данном случае в виде числовых соотношений), и реальностью мира идей, буквально пронизывающего и просвечивающего сквозь наш объективный физический мир. Иначе говоря, математические структуры (известные или еще не известные человечеству) присущи объективному физическому миру, одной из главных характеристик которого является информация, наряду с энергией и веществом.

Итак, что же увидел Пьер де Ферма, когда в размышлении над теоремой Пифагора ему открылась геометрическая структура целых чисел? Он увидел то, что и записал сразу же после своего инсайта на полях «Арифметики» Диофанта: сумма высших степеней целых чисел не может равняться такой же степени в целых числах, как и степень ее слагаемых. Открытие Ферма было для него очевидно, хотя и требовало внимательного и детального представления целых чисел в новой системе, отличной от линейной числовой оси [2]. Математическая структура уравнения Ферма органически вписывалась в эту систему, но Ферма не считал себя вправе вводить новые математические понятия и ограничился только формулировкой своей теоремы. Однако для ученых, пришедших в науку после Ферма, вопрос оставался открытым, а именно, спрашивалось, почему все известные и вновь вводимые системы чисел не приводили к желанному формальному доказательству теоремы Ферма. Ответ на этот вопрос дали лишь метатеоремы К. Гёделя о неполноте формальных систем (1931 год) [5]. Согласно этим теоремам непротиворечивые формальные системы арифметики могут содержать в себе формально неразрешимые предложения, которые не могут быть доказаны или опровергнуты в рамках данной конкретной системы. Однако эти предложения могут быть доказаны в другой формальной системе, если формула предложения естественным образом выражает непротиворечивость формальной арифметики в этой системе. Таким образом, Великая теорема Ферма все время оказывалась не в «своей» формальной системе при

попытках уложить ее в прокрустово ложе с несвойственной ей математической структурой, пока, наконец, не была найдена адекватная формальная система чисел, естественным образом учитывающая не известные ранее свойства целых чисел [6]. Эти свойства определялись включенностью множества целых чисел в множество прямоугольных чисел [6], образующих непротиворечивую формальную систему для теоремы Ферма.

В связи с вышесказанным становится понятным афоризм Ж.Ж. Руссо, вынесенный эпиграфом к данной статье. Действительно, любое истинное доказательство какого-либо утверждения должно ему соответствовать, как ключ своему замку или как перчатка руке своего хозяина. Поэтапное описание этого доказательства может быть весьма продолжительным и представлять собой развернутую формулировку утверждения с необходимыми пояснениями, но в конце пути результат доказательства и изначальное утверждение должны совпадать. Это и есть тот единственный путь к истине, который, однако, может принимать различные формы ее описания, не меняющие ее внутреннего содержания (как, например, в случае с многочисленными доказательствами теоремы Пифагора, не меняющими ее арифметических принципов). Значит вначале надо «увидеть» истину своим ментальным зрением, предвосхищающим ее возможное будущее доказательство, и в этом коренится залог успеха – в умении настраивать силы своего ума на глубинное, первобытное восприятие основ мироздания, мерцающих для обычного упрощенного трехмерного восприятия в пучине лжи, заблуждений и хаоса.

Великая теорема Ферма и естественные науки.

Теперь после философского введения в проблему научного осмысления Великой теоремы Ферма следует, по-видимому, вновь обратиться к докладам автора [7-10], присланным в Международный Научно-Аналитический Проект в этом году. Причина, по которой автор решил осветить эту нелегкую тему на страницах Проекта, заключается в вопиющем несоответствии обюрокраченной официальной

науки научным и образовательным задачам сегодняшнего дня. Вместо того, чтобы стимулировать инициативные перспективные исследования, развиваемые в науке энтузиастами самых различных возрастов, увлечений и профессий, формально образованные и остепененные ученые объединились в жесткую иерархическую систему с авторитарным управлением наверху, позволяющую им абстрагироваться от насущных проблем общества и быть недостижимыми для критики со стороны. При этом складывается парадоксальная ситуация разрыва между изолированным формальным знанием у научной элиты, исповедующей идеи конвенционализма, и практическим знанием у простых работников науки и образования. Но именно из среды последних формируется креативный класс ученых на современном этапе развития науки. Их усилия в генерации нетривиальных идей, изобретений и независимых расследований все чаще начинают воплощаться в конкретные дела и результаты различных общественных и коммерческих организаций. Жаль только, что государство никак не защищает этот контингент от произвола научных чиновников, стремящихся всеми правдами и неправдами оградить за консервированную элитную науку от проникновения в нее свежих идей и их носителей. А надо бы ввести должность омбудсмана в государственных структурах, ответственных за развитие науки и образования, для защиты прав независимых ученых в отстаивании своих научно-технических результатов в открытой официальной специализированной печати вплоть до права обращаться в суд с иском на незаконные действия научных чиновников, нарушающих гражданское законодательство.

О таком неожиданном повороте в возможном развитии современной и будущей науки говорит тот факт, что в СМИ все чаще появляются сообщения об уникальных находках и изобретениях народных умельцев, воочию опровергающих казалось бы незыблемые принципы фундаментальных наук. В этом плане особенно выделяются научно-познавательные проекты Игоря Прокопенко «Территория

зablуждений», «Битва цивилизаций» и многие другие на российском канале РЕН ТВ, по которым создаются десятки документальных фильмов, поражающие воображение как консервативных, так и прогрессивных ученых. В данном докладе следует, по-видимому, указать лишь на один исторический факт полной некомпетентности официальной науки в отношении внутренней природы и взаимодействия гравитационного и электромагнитного полей, ответственных практически за все многообразие явлений на земном шаре. Это строительство «Кораллового Замка» в Америке в прошлом столетии из мегалитов маленьким человеком по имени Эд Лидскалнинш. Свою технологию возведения замка он держал в секрете. Доподлинно известно только то, что для поднятия и перемещения огромных строительных блоков он использовал весьма скромные технические устройства на электромагнитах, позволяющие преобразовывать гравитационную энергию в кинетическую энергию перемещения грузов. Кстати, что-то похожее, по сообщениям РЕН ТВ, делает в наше время украинский левша Василий Михайлюк, изобретающий летательные аппараты, работающие, условно говоря, на гравитационно-магнитной тяге.

Итак, переходя от трудностей осмысления и признания очевидных фактов официальной наукой к конкретному разговору о внутреннем смысле и значении Великой теоремы Ферма для научного прогресса, перечислим здесь вкратце те «новации», которые привносит теорема Ферма в развитие современной науки и которые более подробно обсуждались в предыдущих докладах [7-10]. Во-первых, это совершенно новый взгляд на природу целых чисел, за которыми стоит богатый и еще не осознанный человечеством в значительной мере мир математических объектов, соединенных между собой математическими структурами, ответственными за все многообразие явлений в нашем мире. Информационное описание предметов исследования в естественных, общественных и гуманитарных науках – это пока лишь искусственная пробная попытка понять, что же происходит за фасадом изуча-

емых процессов. Во-вторых, внутреннее содержание теоремы раскрывается только в нелинейных топологических пространствах, а это значит, что объективное линейное трехмерное пространство нашего обычного восприятия требует существенной корректировки в плане проникновения во внутренний мир природы. Математическим методом такого проникновения станет, по-видимому, арифметическая алгебраическая геометрия, ассимилирующая в себе методы фрактальной геометрии. Именно этим методом автором была доказана обобщенная Великая теорема Ферма, известная сегодня под названием гипотезы Биля [7]. В-третьих, и это наиболее важная часть исследования для естественных наук, теорема Ферма выводит на новые рубежи квантового описания естественных феноменов, позволяя правильно понять и осознать квантовую парадигму в науке через решение квантовых парадоксов и создание адекватной квантовой информатики как нового перспективного направления в вычислительной технике. Еще важнее будет применение методов теоремы Ферма для ревизии основных физических законов и установления новых связей в природе геофизических полей. Но как вывести большую теоретическую науку с «территории заблуждений» в условиях, когда ортодоксальные взгляды преобладают в научной иерархии и всесторонне поощряются в низших и средних звеньях научного сообщества? По мнению автора, сделать это можно будет только тогда, когда Общественный Договор (в смысле Ж.Ж. Руссо) станет действенным инструментом в руках широкой общественности, контролирующей деятельность любых обособленных организаций методом вынесения спорных вопросов на всенародное обсуждение (термин «всенародное» имеет здесь метафорический оттенок, предполагающий лишь участие представителей каких-либо конфликтующих общественных групп, иногда весьма внушительных по размеру). Переходя к проблеме осознания истинного доказательства Великой теоремы Ферма, следует сказать, что эта теорема, как и теорема Пифагора, имеет принципиальное значение для научного мировоззрения всего человечества и, следовательно,

принадлежит всем людям без исключения в качестве основы их настоящего и будущего восприятия, избавленного от химер современной науки, заболевшей узкопрофессиональным зазнайством и слепотой по отношению к естественному ходу вещей.

References:

1. URL: <http://www.komkova.su/>
2. Ивлиев Ю. А. Великая теорема Ферма и современные математические науки – Научное обозрение 2009 № 2, 53-55.
3. Ивлиев Ю. А. Можно ли доверять современным ортодоксальным наукам? – Научное мнение 2011 № 9, 70-74.
4. Постников М.М. Теорема Ферма. – М., 1978.
5. Успенский В. А. Теорема Гёделя о неполноте, М., 1982.
6. Ивлиев Ю.А. Реконструкция нативного доказательства Великой теоремы Ферма – Объединенный научный журнал 2006 № 7, 3-9.
7. Ивлиев Ю.А. Судьбоносное научное открытие XVII века: Великая теорема Ферма – “Truth lost in ages: historical and philosophical problems of humanity.” Materials of the XLIII International Research and Practice Conference, London, February 18-22, 2013.
8. Ивлиев Ю.А. Сакральная математика древних символов: на примере геометрии китайской монады и арифметической геометрии Великой теоремы Ферма – “Truth lost in ages: historical and philosophical problems of humanity.” Materials of the XLIII International Research and Practice Conference, London, February 18-22, 2013.
9. Ивлиев Ю.А. Преступная математика: фальсификация Великой теоремы Ферма – “Biosocial characteristics of psychology of modern man.” Materials of the LIX International Research and Practice Conference, London, August 8-14, 2013.
10. Ивлиев Ю. А. Великая теорема Ферма как прорыв в новые фрактальные измерения объективного физического мира – “Ordered chaos: modern problems of physics, mathematics, and chemistry.” Materials of the LXIII International Research and Practice Conference, London, September 12-17, 2013.

SCIENTIFIC DOGMATISM – A BREACH IN FUNDAMENTALS OF LOGIC

A. Kudryavtsev, Associate Professor
Higher School of Social Technologies, Latvia

The author considers the matter of basic mathematical thinking stereotype revision in order to bring these stereotypes to compliance with modern scientific knowledge, and to provide multidimensional spaces of higher dimension, studying of which is a main task of the new epoch.

Keywords: mathematical stereotypes, continuity, infinity, null, dogmata, paradoxes, multidimensional space.

Conference participant, National championship
in scientific analytics

НАУЧНЫЙ ДОГМАТИЗМ – БРЕШЬ В ОСНОВАХ ЛОГИКИ

Кудрявцев А.В., доцент
Высшая школа социальных технологий, Латвия

Обсуждается вопрос пересмотра базовых стереотипов математического мышления, с целью их приведения в соответствие с современными научными знаниями, а также для представления многомерных пространств высшей размерности, изучение которых является главной задачей новой эпохи.

Ключевые слова: математические стереотипы, непрерывность, бесконечность, нуль, догматы, парадоксы, многомерное пространство.

Участник конференции, Национального первенства
по научной аналитике

Тысячелетиями религиозные представления о мире считались непреложной истиной. Эти взгляды не допускали ни тени сомнения и ни малейшего отступления от канонов в их интерпретации. В итоге, религиозный догматизм обернулся для многих отторжением, как церковных доктрин, так и самой церкви. Изучив «Букварь», и не найдя в Нём ответов на волновавшие вопросы, повзрослевшая паства устремила свои умы к другому источнику знаний о мире – науке.

Наука покоряла и завораживала. Она не только объясняла мир, но и давала понятные ответы даже на те вопросы, за которые церковь предавала анафеме и сжигала. Особенно поражали воображение успехи физики. Взяв на вооружение математический аппарат формальной логики, физика силой разума повсюду блистательно утверждала истину: от глубин материи до высот космоса. Однако трубить об успехах уместно лишь на трибуне; в научной статье будет полезнее остановиться на проблемах и недостатках, в частности, на проблемах важнейшего научного инструмента – на скрытых недостатках формальной логики.

Не афишируемым досадным фактом является зависимость самых безупречных логических умозаключений от истинности базовых посылок. Это означает, что при наличии *хотя бы одного* ложного исходного суждения (посылки) вывод истинным быть не может в принципе! Следовательно, одних только средств формальной логики совершенно недостаточно для обеспечения истинности научных выводов. Главным становится абсолютная уверенность в истинности базовых суждений о мире, что требует от

науки постоянно сверять фундаментальные теоретические основы с последними опытными данными.

К сожалению, на практике всё обстоит далеко не так – вместо своевременного обновления научных основ процветает научный догматизм, по срокам превышающий догматизм христианский. Разумеется, в этих условиях весьма проблематично говорить о доверии к формально-логическим выводам науки.

Как известно, в основе всех отраслей современного научного знания лежит математика, поэтому будет уместно сделать акцент на анализе истинности многовековых **базовых** стереотипов математического мышления. Прежде всего, это касается стереотипов, связанных с пониманием точки, прямой, а также случайности, непрерывности и бесконечности [1].

Использование данных стереотипов является причиной возникновения ряда научных проблем, как-то: 1) проблемы допустимости парадоксов в математике; 2) проблемы пренебрежительного отношения математики к фундаментальным законам Мироздания; 3) проблемы ограниченности мировосприятия и миропонимания трёхмерной моделью пространства. Остановимся на выше-названных проблемах подробнее.

1. Парадоксальный характер стереотипов математического мышления

Неоспоримым фактом является существование математических парадоксов. Однако для точной науки факт этот весьма прискорбный, поскольку выстроенные на основе базовых парадоксов логически безупречные математические выкладки в итоге могут

быть поставлены под сомнение. Стоит ли в таком случае удивляться, что некоторые из таких построек впоследствии оборачиваются новыми парадоксами? Каков фундамент – такова и постройка.

Приведём здесь лишь несколько наиболее ярких примеров подобных парадоксов.

П. 1. Математическая точка не имеет размера, но при этом образованные из «безразмерных» точек линии имеют длину, фигуры – площадь, тела – объём.

П. 2. Количественные изменения всегда и везде приводят к скачкообразным качественным изменениям, но при этом числовая ось остаётся линейной, однородной и бесконечной.

П. 3. Числовая ось якобы бесконечна и непрерывна, но при этом частотная ось почему-то заканчивается гамма-квантом, а ось энергии квантов – дискретна.

П. 4. Наука противопоставляет себя религии, но при этом вера в вымышленные математические догматы (нуль-ничто, линейную бесконечность и непрерывность) остаётся неизменной на протяжении тысячелетий, то есть существует дольше догматов церковных.

П. 5. В основании научного знания лежат законы сохранения энергии/материи, но при этом вера в существование безразмерной точки-ничто основана на допустимости бесследного исчезновения энергии/материи.

П. 6. Одной из задач науки является изучение законов движения, но при этом вера в актуальную бесконечность, основанная на устранении понятия времени, делает любое движение принципиально невозможным.

П. 7. Наука считает, что события могут наступать самопроизвольно, то есть случайно, однако при этом известно, что любая случайность всегда направлена к хаосу, а не к структурированию, лежащему в основе законов эволюции Вселенной.

П. 8. Наука призвана нести свет знаний, но при этом догматы непрерывности и бесконечности препятствуют как излучению, так и распространению света.

Разумеется, список этот можно продолжать сколь угодно долго, поскольку глубинные причины абсолютно всех математических парадоксов скрыты в догматической вере в реальность абстрактных понятий и образов.

2. Отождествление математических абстракций с реальностью

Одним из негативных последствий не критического отношения к базовым математическим догматам является формирование у выпускников школ и вузов неадекватного восприятия действительности и, как следствие, непонимания ими своего места и роли в реальном многомерном мире.

С целью подтверждения факта существования зависимости мировоззрения людей от преподаваемых им математических абстракций в 2010-м году автором было проведено пробное анкетирование студентов-гуманитариев младших курсов, преподавателей вуза, а также выборочное Интернет-тестирование участников литературного проекта stih.ru.

В тест были включены пять вопросов по числу исследуемых математических стереотипов, ответственных за искажённое представление о проявленном физическом мире:

Вопрос А. Понятие ТОЧКИ.

Вопрос В. Понятие ПРЯМОЙ.

Вопрос С. Понятие СЛУЧАЙНОСТИ.

Вопрос Д. Понятие НЕПРЕРЫВНОСТИ.

Вопрос Е. Понятие БЕСКОНЕЧНОСТИ.

На каждый вопрос предлагалось три варианта ответа:

Ответ 1. Математическая абстракция.

Ответ 2. Нейтральная «пустышка».

Ответ 3. Физическая реальность.

Полная статистика ответов приведена на рис. 1. Характерно, что после обработки первых шестидесяти анкет дальнейшее наращивание объёма выборки уже не оказывало значимого влияния на результаты тестирования. Примечательно также то, что полученные результаты, фактически, совпали для разных групп респондентов. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что стереотипы математического мышления формируются ещё в школе.

Нетрудно видеть, что на первой гистограмме преобладают левые колонки. Это означает, что в результатах тестирования преобладают первые, то есть математические варианты ответов. Из гистограммы видно также, что наиболее распространёнными математическими заблуждениями (по 13%)

являются вера респондентов в реальность понятий «прямая» (вопрос В) и «бесконечность» (вопрос Е).

Как видно из круговой диаграммы (рис. 2), математические заблуждения встречаются в ответах в два раза чаще любых других вариантов. Фактически, **каждый второй** человек является жертвой математических абстракций!

Наибольший интерес представляет рис. 3, показывающий «глубину» математических заблуждений.

Оказывается, что чаще всего (31% первых ответов) респонденты верят в реальность **сразу трёх** математических абстракций. Процент «благоразумных» ответов (впрочем, как и «наивных») составил лишь 6%. Общая картина заблуждений может быть представлена следующей раскладкой ответов:

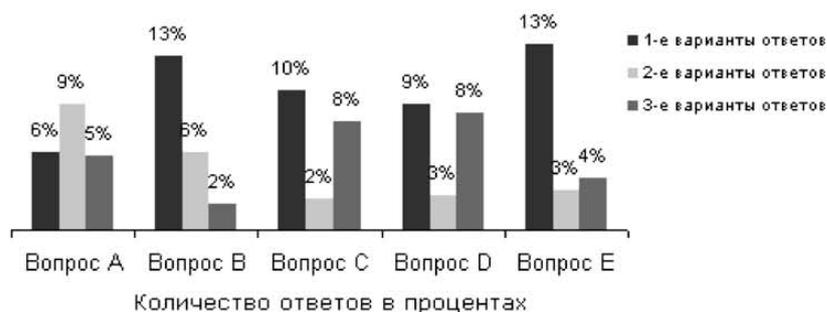

Рис. 1. Распределение вариантов ответов по вопросам

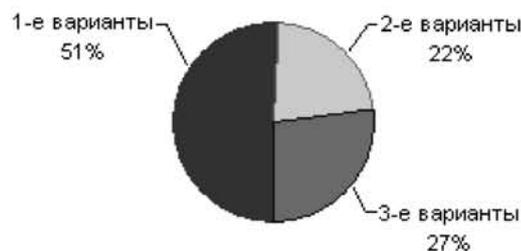

Рис. 2. Распределение ответов по вариантам

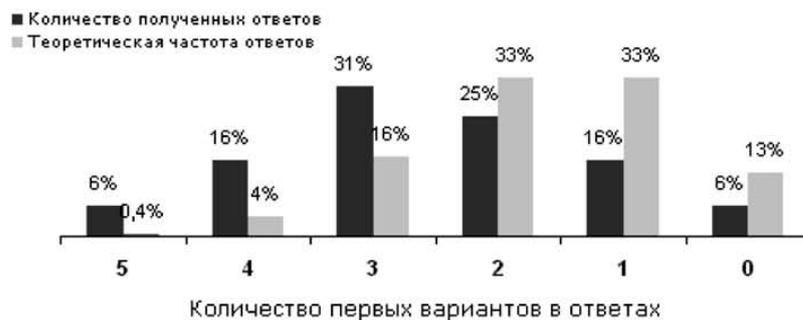

Рис. 3. Распределение ответов по количеству первых вариантов

- Наивные (5 первых ответов) 6%
- Доверчивые (4 первых ответа) 16%
- Осторожные (3 первых ответа) 31%
- Осмотрительные (2 первых ответа) 25%
- Рассудительные (1 первый ответ) 16%
- Благоразумные (0 первых ответов) 6%

Если бы на вопросы теста отвечали роботы, перебирая все мыслимые варианты ответов (из 243) с равной частотой, то их обобщённому результату на рис. 3 соответствовала бы серия правых столбцов.

3. Пренебрежение фундаментальными законами Мироздания

Как было показано на примере парадоксов, базовые стереотипы математики входят в противоречие с фундаментальными законами Мироздания, в частности, с законами диалектики, движения и сохранения.

Так, например, **стереотип непрерывности** числовой оси, основанный на наивных представлениях древних людей о непрерывности материи, дискредитирует научные достижения в области химии, физики, квантовой механики и информатики.

Математика держится за догмат непрерывности якобы ради обеспечения точности вычислений. В обоснование этого довода приводятся примеры вычислений со сколь угодно высокой точностью бесконечных дробей, иррациональных чисел... Число π , например, по состоянию на 2011 год вычислено зачем-то с точностью до 10 триллионов знаков. Этому невозможно дать разумное объяснение, потому что даже размер Вселенной в сантиметрах имеет порядок лишь около тридцати. При этом тщательно замалчивается тот факт, что сами бесконечные дроби и иррациональные числа являются ничем иным, как порождением невежественных представлений древних людей о якобы непрерывном мире [2].

Ярчайшим примером несостоятельности доводов в пользу непрерывной модели вычислений будет сравнение точности логарифмической линейки (2 знака) с точностью калькулятора (20 десятичных знаков).

Стереотип потенциальной бесконечности полностью игнорирует важнейший закон диалектики – закон перехода количественных изменений в качественные. Именно за это Гегель называл потенциальную бесконечность «дурной».

На простом примере автором была показана [2] абсурдность самой идеи потенциальной бесконечности. Из приведенных ниже соотношений [2] нетрудно видеть, что любое изменение линейных размеров материи на 8 порядков (Космическая октава), всегда приводит к кардинальным качественным переменам. Например, из микромира мы попадаем в мир вещей, а из мира предметов попадаем в мир космических тел и так далее:

- Нейтрино 10^{-24} см
- Электрон 10^{-16} см
- Атом 10^{-8} см
- Бусинка (орех, яблоко) 10^0 см
- Земля $12,7 \cdot 10^8$ см
- Звёздная система $10^{12} \div 10^{17}$ см
- Галактическая система 10^{24} см

Таким образом, математическая абстракция потенциальной бесконечности не только противоречит закону перехода количественных изменений в качественные, но игнорирует также два других выявленных автором закона Мироздания, а именно:

- 1) закон сохранения *внутрискруктурных пропорций*: структура / элемент $\approx 10^8$;
- 2) закон *взаимообратных переходов*, или превращений: структура \leftrightarrow элемент, где понятия «структура» и «элемент» связаны между собой в рамках «орбитальной схемы» многоуровневой организации материи (рис. 4).

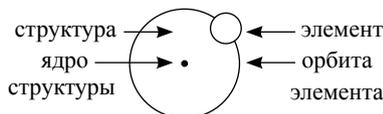

Рис.4. Универсальная схема произвольного уровня организации материи

Следствием качественных перемен является то, что на каждом качественно новом уровне рассмотрения материи перестают выполняться одни законы, или формулы и вступают в силу другие законы Мироздания. Завершается один цикл развития про-

цесса и начинается новый цикл, или виток спирали развития [2].

Нереализуемость **стереотипа актуальной бесконечности** тремя способами доказана автором в [3] и ещё двумя способами в [4]. Показано также, что использование данного стереотипа требует совмещения двух несовместных понятий: «настоящего» и «будущего», что возможно лишь при условии исчезновения самого понятия «времени». Однако с исчезновением времени немедленно прекратится протекание всех процессов смены состояний материи/энергии, что приведёт к исчезновению всех форм и видов движения. Таким образом, существование актуальной бесконечности не совместимо с существованием Вселенной.

Стереотип математической точки является прямым порождением стереотипов «бесконечности». Из допустимости потенциальной бесконечности следует допустимость бесконечного деления отрезка, или числового интервала. Из предположения возможности существования актуальной бесконечности вытекает возможность завершения процесса бесконечного деления отрезка, то есть возможность существования актуального «ничто» [2].

Таким образом, догма безразмерной точки не только препятствует делению на нуль-ничто, но и приводит к нарушению закона сохранения материи/энергии, поскольку в результате актуально бесконечного деления отрезка происходит его полное исчезновение из Вселенной и превращение в принципиально несуществующее «ничто», другими словами, в «нуль».

Путём элементарных вычислений можно показать, что уже на 30-м шаге деления отрезка (например, длиной 10 см) пополам будет получен результат, на 8 порядков меньше исходного. То есть за 30 шагов (а вовсе не за бесконечное их количество) с отрезком произойдут качественные изменения и он из отрезка превратится в качественно иное понятие – точку. Материальный объект, например, яблоко, после 30-ти операций деления пополам достигнет размеров атома, то есть неделимой материальной точки, сохраняющей свойства материи.

4. Несостоятельность многомерных моделей пространства на основе 3-х мерных стереотипов

Одной из основных причин отказа от стереотипов трёхмерного мышления является принципиальная невозможность создания на их основе многомерных моделей пространства, требующихся для адекватного отражения структуры реального мира [5].

Для обоснования данного утверждения рассмотрим наиболее известные подходы к представлению многомерного и, в частности, четырёхмерного пространства на основе принципа наращивания размерностей, принципа аналогий, принципа многомерных массивов, принципа композиции, принципа схлопывания и принципа бесконечной рекурсии.

Якобы четырёхмерное пространство, полученное **путём наращивания размерностей** [6], является не более чем математической абстракцией, то есть игрой воображения. Практическое применение этого принципа ограничено построением геометрических фигур и чревато формированием ложных представлений о многомерных пространствах.

Основанные на **принципе аналогий** «многомерные» построения также являются математическими абстракциями и существуют исключительно в воображении. Разработанные виртуальные (компьютерные) реализации «четырёхмерных» геометрических многогранников [7] не могут служить обоснованием реальности таких объектов, поскольку само понятие «виртуальный» является синонимом понятия «не существующий в реальности». Перенесение этих абстракций в реальный мир требует предварительного доказательства их многомерности.

Все объекты в «многомерной» иерархической модели, созданной на основе **принципа многомерных массивов**, имеют одинаковую пространственную размерность, которая определяется числом компонентов исходного одномерного массива. Однако этим компонентам можно дать не только пространственную, но и произвольную интерпретацию. При этом ни количество вложенных массивов, ни их размерность оказываются никак не

связанными с мерностью моделируемого пространства. Таким образом, применение многомерных массивов также не позволяет даже приблизиться к пониманию смысла многомерного пространства.

Принцип композиции [8] объединяет пространство и время в единый четырёхмерный «континуум», называемый пространством Минковского. Многие искренне верят в то, что оно и есть *то самое* четырёхмерное пространство. Однако подобный взгляд на многомерное пространство чреват появлением целого ряда нелогичностей и несуразностей. Тем не менее, совместное рассмотрение пространства и времени вполне допустимо. Однако надделение времени свойствами пространства является искусственным приёмом, далёким от реальности. Таким образом, релятивистский «четырёхмерный» пространственно-временной «континуум» не имеет ни малейшего отношения к реальному четырёхмерному пространству, тем более, к пространствам, размерность которых превышает четыре, и является ещё одним примером нереализуемых математических абстракций.

Сторонники так называемой теории струн [9] считают, что все высшие пространственные измерения самопроизвольно схлопнулись сразу после образования Вселенной, поэтому данный способ конструирования многомерного пространства известен ещё как **принцип схлопывания**. Сосредоточив всё внимание на описании мельчайших частиц, теория струн упустила из виду объяснение таких проявлений миров высшей размерности, как вещи сны, астральные выходы, одержание, телепатия, пророчества и т.п. То обстоятельство, что теория струн хорошо описывает целый ряд явлений без привлечения старых физических теорий, подтверждает гипотезу о реальной многомерности Вселенной.

Принцип бесконечной рекурсии основан на гипотезе о бесконечной делимости материи. Сторонники рекурсивного подхода из числа современных авторов [10] считают, что Вселенная состоит из бесконечного числа вложенных фрактальных уровней материи с подобными друг другу характеристиками. Пространство при

этом имеет якобы дробную размерность стремящуюся к трём. Точное значение размерности зависит от строения материи и её распределения в пространстве. Однако, бесконечность, будучи продуктом воображения, не реализуема в реальном мире, следовательно, идея бесконечной рекурсии является не более, чем мифом. Суждение же о том, что часть (к примеру, атом) может содержать целое (Вселенную), является абсурдом, а пространства с дробной размерностью не существуют по определению.

Обобщая итоги анализа известных подходов к построению многомерных моделей пространства, следует отметить, что все они между собой попарно не совместны. Следовательно, на адекватное отражение реальной картины мира может претендовать не более, чем только одна из них. По мнению автора, наиболее близка к реальности последняя модель, основанная на принципе рекурсивной вложенности материи [10].

5. Вложенная рекурсивная модель 10-ти мерного пространства

Отказ от устаревших трёхмерных стереотипов в виде «непрерывности», «безразмерной точки»-ничто и линейной «бесконечности» с заменой их на такие многомерные базовые постулаты, как «дискретность», «многомерная точка»-атом и внутрициклическая «конечность» материи, позволили автору предложить непротиворечивую рекурсивную вложенную модель десятимерного пространства реальной Вселенной. В [5] приведены подробные обоснования авторской концепции многомерного пространства. Здесь ограничимся определениями и принципами организации.

Пространство – то, что вмещает точки и среду. Абстракция пространства необходима для идеализации текущего объёма материи.

Точка – наимельчайший неделимый элемент пространства. Понятие точки является идеализацией атома материи, наполняющей текущее пространство. Размер точки определяет размерность пространства.

Среда – то, что наполняет межточечные и внутриточечные промежутки. Среда представляет собой точки «внешнего» тонкоматериального про-

странства. Понятие среды является идеализацией атомов материи «вне-шнего» пространства.

Понятия *точки* и *среды* применя-ются *рекурсивно* конечное число раз.

Размерность – число допустимых для данного пространства направле-ний движения, например:

D=3 – вперёд↔назад, влево↔вправо, вверх↔вниз;

D=4 – вперёд↔назад, влево↔вправо, вверх↔вниз, в↔из 3D-пространства;

D=5 – вперёд↔назад, влево↔вправо, вверх↔вниз, в↔из 3D-пространства, в↔из 4D-пространства;

Далее – по аналогии.

Данные определения удобно пред-ставить в виде краткой формальной записи:

$$S_D = \{M_D, E_D\},$$

причём

$$E_D = M_{D+1},$$

$$D \in \{3, \dots, 10\},$$

где

S – пространство;

D – размерность пространства;

M – материя пространства;

E – пространственная среда.

Условием выхода из рекурсии бу-дет достижение всеначальной про-странственной среды, другими слова-ми, материи пространства Абсолюта:

$$E_{10} = M_{10}.$$

В основу данной модели положена гипотеза о распространении действия описанного ранее «закона взаимооб-ратных переходов» с макроуровня на атомарный и далее – вглубь непряв-ленной материи Вселенной (рис. 5).

В соответствии с рис. 5 трёхмер-ный атом физического мира A_3 со-держит электрон, который следует рассматривать в качестве атома четы-рёхмерного (эфирного) пространства $e_3 = A_4$. В свою очередь, орбитальная частица в составе электрона представ-ляет собой атом пятимерного (аст-рального) мира A_5 , и так далее вплоть до атома пространства наивысшей размерности – Абсолюта.

По аналогии с электроном части-цы/атомы пространств высшей раз-мерности могут покидать свои орби-ты и существовать автономно, напол-няя межатомные и внутриатомные промежутки пространств меньшей размерности.

Таким образом, все пространства, то есть их точки и среда материальны (**принцип единства** пространства и материи).

Пространства не существуют ау-тономно, то есть изолированно друг от друга. Пространства с более тонкой материей наполняют пространства с более плотной материей (**принцип вложенности**).

Все пространства и их точки сами по себе трёхмерны, по отношению пространств друг к другу – многомер-ны (**принцип относительности**).

Чем меньше атомы, тем тоньше материя, тем меньше размер точек пространства и тем выше его размер-ность (**принцип обратной зависи-мости** размерности от размеров).

Минимальная размерность про-странства равна размерности атомов физического мира. Таким образом,

пространства с размерностью мень-ше 3-х не существуют. Максималь-ная размерность пространства равна размерности атомов пространства Абсолюта (**принцип конечности** чис-ла пространств и измерений).

$$D_{\min} = 3,$$

$$D_{\max} = 10.$$

Чем выше размерность пространс-тва (D), тем большее количество (P_D) более плотных пространств оно мо-жет наполнить (**принцип прозрач-ности** грубых пространств):

$$P_D = D - 3.$$

Например, четырёхмерное про-странство (эфир) может наполнить только одно, трёхмерное, пространство:

$$P_4 = 4 - 3 = 1.$$

Пространства высшей размерности наполняют пространства низшей раз-мерности (**принцип иерархичности**).

Всеначальное пространство (Аб-солют) наполняет, например, семь более грубых пространств десятимер-ной Вселенной.

$$P_{10} = 10 - 3 = 7.$$

Выводы:

1. Базовые стереотипы математи-ки были сформированы в позапрош-лую эпоху и отражают представления древних людей о якобы трёхмерном пространстве, наполненном якобы не-прерывной и якобы бесконечно дели-мой материей.

2. Базовые стереотипы матема-тики не корректировались с момента своего появления 2500 лет назад и, превратившись в священные догматы, вошли в противоречие с современны-ми представлениями о пространстве и материи.

3. Базовые стереотипы матема-тики продолжают использоваться, несмотря на то, что равные им по возрасту другие утратившие истин-ность стереотипы мышления («Зем-ля – плоская», «Земли имеет опору», «Земля – центр мироздания») всё-таки были пересмотрены.

4. Базовые стереотипы матема-тики служат источником неограни-ченного количества парадоксов, чем подрывают доверие к ряду научных положений и выводов.

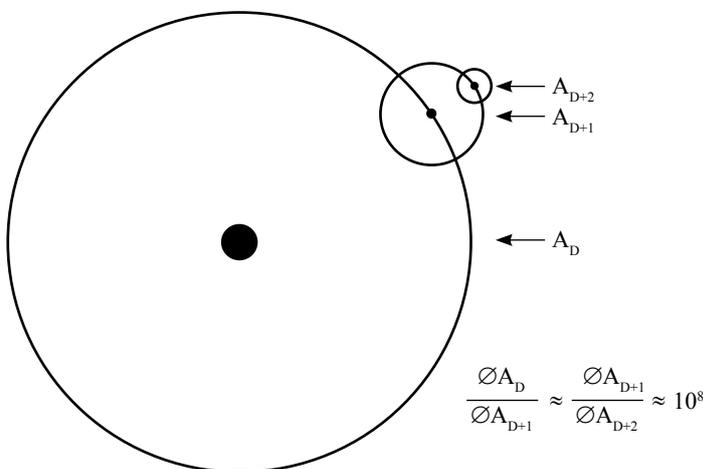

Рис. 5. Низший (атомарный) уровень проявления многомерности

5. Базовые стереотипы математики способствуют формированию неоправданно упрощенного, неадекватного представления об окружающем мире и тем самым лишают человека возможности находить научное объяснение различным проявлениям миров высшего порядка.

6. Базовые стереотипы математики препятствуют разработке адекватных многомерных моделей пространств высшей размерности и подлежат с этой целью замене на многомерные базовые постулаты «дискретности», «многомерной точки»-атома и «внутрициклической конечности» материи.

7. Предложенное автором математическое описание многомерных пространств даёт ключ к построению более адекватной научной картины Мира, объединяющей грубоматериальные законы физического мира с тонкоматериальными проявлениями миров высшего порядка.

8. В частности, возможность математического учёта духовной составляющей позволит науке осознать неразрывную взаимосвязь моральных норм с высшими законами Мироздания, понять истинные причины глобального кризиса, облагородить культуру, экономику и политику, пересмотреть собственные цели и средства их достижения, что в совокупности будет способствовать выведению цивилизации из состояния агонии и сползания к самоуничтожению.

References:

1. Кудрявцев А.В. Актуальность смены стереотипов научного мышления на примере математики // III. Starptautiskā zinātniski praktiskā konference: "Psiholoģijas, biznesa un sociālā darba perspektīvas un iespējas mūsdienīgā Eiropā", 2012. gada 24.–25. maijā. – Baltijas psiholoģijas un menedžmenta augstskola, Rīga. – lpp. 109-111.

2. Кудрявцев А.В. Основы математики – догма или парадигма? // Models and methods of solving formal and applied scientific issues in physico-mathematical, technical and chemical research: Materials digest of the XXXII

International Research and Practice Conference and the II stage of Research Analytics Championship in physico-mathematical and technical sciences. – London, September 20 – 25, 2012. International Academy of Science and Higher Education. – London: IASHE, 2012. – pp. 90-93.

3. Кудрявцев А.В. Три аргумента против актуальной бесконечности // Modern trends of scientific thought development: Materials digest of the XXIII International Scientific and Practical Conference. – London, April 18-April 23, 2012. – pp. 28-30.

4. Кудрявцев А.В. Адаптация основ математики к задачам новой эпохи // Theory and Practice in the Physical, Mathematical and Technical Sciences: Materials digest of the XXIV International Scientific and Practical Conference and the I stage of Research Analytics Championship in the physical, mathematical and technical sciences. – London, May 3–May 13, 2012. – pp. 18-21.

5. Кудрявцев А.В. Пространственная многомерность реального

мира. // Physico-mathematical and technical sciences as postindustrial foundation of the informational society evolution: Materials digest of the XXXIX International Research and Practice Conference. – London, 2013.

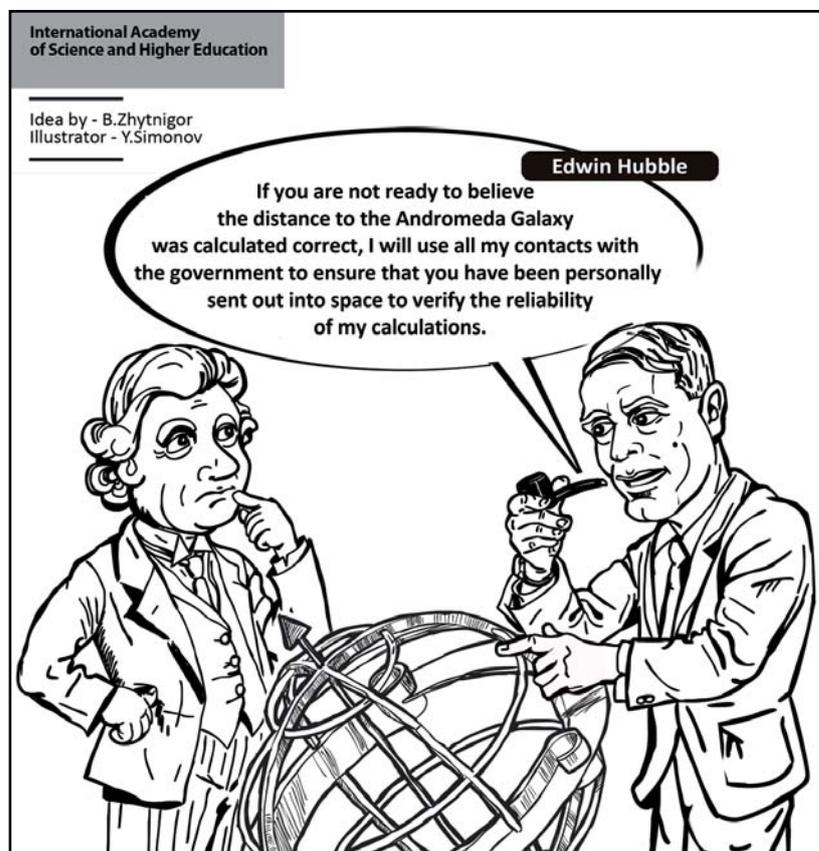
6. Тессеракт: Материал из Википедии. – <http://ru.wikipedia.org/wiki/Тессеракт>

7. Измерения: видеофильм, часть 3 / Авторы: Йос Лейс, Этьен Жис, Орельян Альварез. – 14 мин. – http://www.dimensions-math.org/Dim_CH3_RU.htm

8. Девис П. Суперсила: Поиски единой теории природы. Пер. с англ. / Под ред. Е.М. Лейкина. – М.: Мир, 1989. – 272 с.

9. Брайан Грин. Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории: Пер. с англ. / Общ. ред. В.О. Малышенко. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 288 с.

10. Сухонос С.И. Масштабная гармония Вселенной. – М.: Новый центр, 2002. – 312 с.

FUNDAMENTAL PARADOXES OF MATHEMATICS

A. Kudryavtsev, Associate Professor
Higher School of Social Technologies, Latvia

The author shows ties of paradoxes of mathematical and its fundamentals. On the example of paradoxes the fallibility of basic mathematical conceptions is revealed. The inapplicability of three-dimensional mathematics for creation of models of multidimensional space was justified.

Keywords: fundamental basics of mathematics, paradoxes, space, dimension of space, three-dimensional space, multi-dimensional space.

Conference participant, National championship
in scientific analytics, Open European and Asian
research analytics championship

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПАРАДОКСЫ МАТЕМАТИКИ

Кудрявцев А.В., доцент
Высшая школа социальных технологий, Латвия

Показана связь парадоксов математики с её фундаментальными основами. На примере парадоксов раскрыта ошибочность базовых математических понятий. Обоснована непригодность трёхмерной математики для построения моделей многомерного пространства.

Ключевые слова: фундаментальные основы математики, парадоксы, пространство, размерность пространства, трёхмерное пространство, многомерное пространство.

Участник конференции, Национального первенства
по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского
первенства по научной аналитике

С развитием Интернета существенно упростился доступ широкого круга лиц к источникам информации, содержащим сведения о событиях и явлениях, которые современная наука объяснить не может и потому замалчивает или отрицает сам факт их существования. Примерами таких явлений могут служить телепатия, полтергейст, вещие сны, пророчества, способность привидений проникать сквозь плотные преграды и многие другие. В то же время, объяснения подобных явлений существуют. Они известны из древних Восточных Учений, из трудов оккультистов и теософов, из Тайной Доктрины и Агни Йоги. К сожалению, наука не только отвергает такого рода объяснения, но зачастую пытается опорочить источники Высшей мудрости.

Анализ ситуации показывает, что изменить сложившееся в науке положение дел невозможно без внесения кардинальных изменений в фундаментальные основы главного научного инструмента – математики. Важнейшей причиной переживаемого современной наукой кризиса является канонизация базовых основ математики, сформированных ещё в глубокой древности и вошедших по этой причине в вопиющее противоречие с новейшими научными знаниями и представлениями о мире.

Не секрет, что все базовые математические понятия были приняты на основе бинарного выбора между истиной и ложью. Сейчас с высоты минувших тысячелетий становится ясным, что выбор тот по необъяснимым причинам каждый раз оказывался ошибочным. Это прекрасно видно

из анализа предпочтений математики на примере приведенного ниже перечня её первооснов.

1. **Безразмерность** (первокирпичика – точки) вместо объёмности;
2. **Пустота** (пространства) вместо наполненности;
3. **Непрерывность** (числового интервала) вместо дискретности;
4. **Линейность** (числовой оси) вместо цикличности;
5. **Бесконечность** (числовой последовательности) вместо периодичности;
6. **Случайность** (событий) вместо причинности;
7. **Трёхмерность** (материи) вместо многомерности.

Однако ошибки в базовых понятиях отнюдь не безобидны, поскольку ведут к появлению противоречий и вытекающих из них парадоксов.

«*Парадокс* – верное утверждение, кажущееся на первый взгляд неверным в силу привычных психологических представлений. В математике название парадокса применяется в случаях, когда из кажущихся верными посылок получаются противоречия, что доказывает ложность посылок» [1, с. 86].

Таким образом, все парадоксы математики являются прямым следствием её фундаментальных мировоззренческих ошибок.

1. Безразмерная точка объёмна

Представление о безразмерной точке не претерпело за последние тысячелетия каких-либо изменений и полностью соответствует современным взглядам математической науки [1, с. 113], что входит в противоречие не только с логикой, но и новейшими

знаниями о реальном мире. Как следствие, данное противоречие инициирует появление целой серии выявленных автором парадоксов [2].

1.1. Математическая точка не имеет размера, но образованные из безразмерных точек линии имеют длину, фигуры – площадь, тела – объём.

1.2. Точка имеет нулевую размерность, однако образованные из нулевых точек линии одномерны, фигуры – двумерны, тела – трёхмерны.

1.3. Точка считается геометрическим объектом, однако у этого «объекта» нет даже графического образа.

1.4. Будучи ничем, то есть пустотой, точка не существует, однако несуществующая точка обладает положением в пространстве, то есть координатами.

1.5. Ничто не возникает из ничего, однако в математике все геометрические объекты состоят из безразмерных точек, то есть из пустоты.

2. Любая пустота наполнена

Другим следствием безразмерности математической точки является представление о пустом пространстве, что также влечёт за собой возникновение ряда парадоксальных ситуаций.

2.1. Математическое пространство пусто, значит вся материя, наполняющая пространство Вселенной, могла образоваться только из пустоты.

2.2. Пустота в математике не имеет размера, однако безразмерное пространство Вселенной наполнено сотнями миллиардов Галактик.

2.3. Пустота в математике имеет нулевую размерность, однако 0-мерное пустое пространство Вселенной непостижимым образом вместило 3-мерную материю.

3. Всё непрерывное дискретно

Одним из наиболее парадоксообразующих математических понятий является отсутствующая в реальном мире «непрерывность».

3.1. «Непрерывное» пространство Вселенной состоит из дискретных Галактик.

3.2. «Непрерывные» пространства Галактик состоят из дискретных небесных тел.

3.3. «Непрерывные» тела состоят из дискретных атомов.

3.4. «Непрерывные» атомы состоят из дискретных «элементарных» частиц.

3.5. «Непрерывное» движение (например, в кино) состоит из дискретных кадров.

3.6. «Непрерывное» время состоит из дискретных моментов и событий.

3.7. «Непрерывный» свет состоит из дискретных квантов.

3.8. «Непрерывная» частотная числовая ось градуирована дискретными значениями частот излучения атомов.

3.9. «Непрерывный» числовой интервал состоит из дискретных отрезков.

4. Любая «прямая» является дугой, а «бесконечная» – циклом

Широкое распространение в математике получила абстракция «прямой» линии. Однако любая «прямая», будучи совокупностью точек пространства, не может рассматриваться в отрыве от пространства. Поскольку реальные пространства образованы вращающимися объектами и являются замкнутыми, абстракция прямой линии утрачивает свою адекватность и приводит к появлению ещё одной группы парадоксов [2].

4.1. «Прямая», соединяющая две точки на поверхности Земли, является дугой идеальной окружности, опоясывающей Землю.

4.2. «Прямая», соединяющая две точки в околоземном пространстве, является дугой околоземной орбиты.

4.3. «Прямая», соединяющая две точки в межпланетном пространстве солнечной системы, является дугой «планетарной» орбиты.

4.4. «Прямая», соединяющая две точки в межзвёздном пространстве Галактики, является дугой «звёздной» орбиты.

4.5. «Прямая», соединяющая две точки в межгалактическом пространстве Вселенной, является дугой «галактической» орбиты.

4.6. Ограниченная «прямая», продолженная без ограничений в любую сторону, является завершённым циклом (витком орбиты).

5. Реальная бесконечность конечна

Ни один математический термин, пожалуй, не употребляется столь часто, как термин «бесконечность». При этом в разных разделах, а зачастую даже в рамках одной задачи в один и тот же термин «бесконечность» вкладывают совершенно разный смысл. Обычно к использованию данного термина прибегают в следующих ситуациях:

- когда бесконечная последовательность якобы достигла конца (актуальная бесконечность);

- когда числовая последовательность безгранично возрастает/убывает (потенциальная бесконечность);

- когда последовательность асимптотически (потенциально) стремится к концу, или к пределу;

- когда размер последовательности или совокупности неопределён или неизвестен;

- когда точное количественное значение не интересует или оно не принципиально.

Однако факт подобной неоднозначности в трактовке важного термина в рамках точной науки парадоксален уже сам по себе, что, разумеется, не осталось без последствий.

5.1. Бесконечные дроби (например, иррациональные числа) невозможно зафиксировать на числовой оси, поскольку каждый раз, когда мы пытаемся это сделать, они оказываются уже в другом месте, а не там, где мы только что собирались их отметить. Следовательно, бесконечных дробных чисел на числовой оси нет, а те, что реально присутствуют, конечны. Таким образом, бесконечные дроби являются продуктом воображения, то есть не существуют.

5.2. Бесконечно высокая точность вычислений требует бесконечно больших временных затрат, то есть недостижима на практике, а реально достижимая точность всегда конечна.

5.3. Потенциально бесконечное изменение чисел в линейном смысле невозможно, поскольку наращивание или уменьшение количества периодически сопровождается качественным скачком, сменой системы отсчёта и расчётных формул, например, конечное (!) 30-ти кратное удвоение числа, отвечающего размеру элементарной частицы (электрона) приводит нас к размеру атома; 30-ти кратное удвоение размера атома приводит к размеру физического тела; в свою очередь, 30-ти кратное удвоение размеров физического тела приведёт к достижению размеров космического тела и так далее [3].

5.4. Актуально бесконечные числа конечны в силу следующих обстоятельств [4], [5]:

- абсурдность самого термина «актуальная бесконечность», в котором одно слово противоречит другому;

- принципиальная несовместимость (взаимоисключение) надуманной актуальной «бесконечности» с объективно существующей потенциальной возможностью продолжить любую числовую последовательность в будущем;

- противоречие между свойством актуальной бесконечности «Целое равно своей части» и 8-й аксиомой Евклида: «Целое больше своей части»;

- противоречие актуальной бесконечности законам движения и самому существованию Вселенной;

- исключительно сложный (5-ти ярусный) механизм конструирования абстракции актуальной бесконечности;

- невозможность принятия абстракции актуальной бесконечности без 5-ти кратного насилия над разумом;

- подмена понятий, выразившаяся в перенесении свойств одной бесконечности на другую, что явилось нарушением логического «закона достаточного основания» [6] при обосновании допустимости актуальной бесконечности Кантором.

6. Каждая случайность закономерна

Следует отметить, что случайные (то есть происходящие самопроизвольно) события абсурдны как с точки зрения религии, так и с позиций ате-

истической науки. Тем не менее, многими учёными поддерживается взгляд на случайность, как на объективную реальность. Разумеется, такой подход не только парадоксален по сути, но и чреват появлением новых противоречий и парадоксов.

6.1. Во-первых, случайность противоречит «Закону причин и следствий», частным случаем которого является третий закон Ньютона.

6.2. Во-вторых, «вектор» случайности странным образом направлен всегда в одну сторону – к деградации, разрушению, хаосу, например: «случайно» прорвало трубу, «случайно» украли кошелек, «случайно» упал и сломал ногу... Почему-то никто нигде и никогда не слышал о созидательных проявлениях случайности, а именно: случайно отросла ампутированная нога, случайно восстановился разбитый автомобиль, случайно вернулся на место упавший с крыши кирпич...

6.3. В-третьих, направленность случайности к хаосу противоречит наблюдаемому в природе принципу структурирования материи, например: первоматерии – в частицы и атомы; атомов – в молекулы и клетки; молекул – в планеты, звёзды и Галактики; клеток – в организмы...

6.4. В-четвёртых, случайность исключает из созидательного, творческого процесса главное звено – Творца.

6.5. В-пятых, вера в случайность позволяет приписать способность к созиданию самой разрушительной силе – взрыву!

7. Трёхмерное пространство многомерно

Современное понимание мира всё чаще отражается в попытках создания многомерных математических моделей. К сожалению, анализ таких моделей показывает, что все они основаны на трёхмерных математических представлениях и, следовательно, не адекватны многомерной реальности.

При этом главными препятствиями на пути к пониманию реальной многомерности мира являются следующие заблуждения:

7.1. отождествление математической точки с пустотой.

7.2. Отсутствие математического понятия «пространственная среда».

7.3. Обособление «пространства» от «материи».

7.4. Табу на исследования в области сверхтонких материй.

7.5. Навязывание веры в «непрерывность», «бесконечность» и «прямолинейность».

7.6. Ошибочная трактовка размерности пространства.

7.7. Наделение произвольных многокомпонентных (с многими аргументами) массивов и векторов пространственными свойствами: «размерностью» и «многомерностью».

7.8. Игнорирование реально существующих пространств высшей размерности.

7.9. Поддержка и продвижение многомерных моделей, крайне далёких от реальности.

С авторским взглядом на 10-ти мерное пространство Вселенной можно ознакомиться, например, в работе [7].

Выводы

1. Источником математических парадоксов являются логические ошибки в фундаментальных основах математики.

2. Причина примирения точной науки с собственными ошибками, противоречиями и парадоксами заключается в канонизации её фундаментальных основ и догматическом поклонении им на протяжении двух с половиной тысячелетий.

3. По мнению автора данная ситуация сложилась во многом по вине так называемой «чистой» математики, которой ни только нет дела до обоснованности и непротиворечивости базовых понятий, но также до адекватности и практической значимости результатов её оторванных от реальных задач умопостроений.

References:

1. Микиша А.М., Орлов В.Б. Толковый математический словарь: Основные термины. – М.: Рус. яз., 1989. – 244 с.

2. Кудрявцев А.В. Первоисточники парадоксов в математике. // Ordered chaos: modern problematics of physical, mathematical and chemical sciences: Materials digest of the LXIII International Research and Practice

Conference and the Stage 2 of the Championship in Physico-mathematical sciences. – London, September 12-17, 2013. International Academy of Science and Higher Education. – London: IASHE, 2013.

3. Кудрявцев А.В. Основы математики – догма или парадигма? // Models and methods of solving formal and applied scientific issues in physico-mathematical, technical and chemical research: Materials digest of the XXXII International Research and Practice Conference and the II stage of Research Analytics Championship in physico-mathematical and technical sciences. – London, September 20 – 25, 2012. International Academy of Science and Higher Education. – London: IASHE, 2012. – pp. 90-93. – http://gisap.eu/sites/default/files/files/xxxii_conference.pdf

4. Кудрявцев А.В. Три аргумента против актуальной бесконечности // Modern trends of scientific thought development: Materials digest of the XXIII International Scientific and Practical Conference. – London, April 18-April 23, 2012. – pp. 28-30. – http://gisap.eu/sites/default/files/xxiii_conference.pdf

5. Кудрявцев А.В. Адаптация основ математики к задачам новой эпохи // Theory and Practice in the Physical, Mathematical and Technical Sciences: Materials digest of the XXIV International Scientific and Practical Conference and the I stage of Research Analytics Championship in the physical, mathematical and technical sciences. – London, May 3–May 13, 2012. – pp. 18-21. – http://gisap.eu/sites/default/files/XXIV_conference.pdf

6. Закон достаточного основания. – <http://ru.wikipedia.org/wiki/Закон%20достаточного%20основания>

7. Кудрявцев А. В. Пространственная многомерность реального мира. // Physico-mathematical and technical sciences as postindustrial foundation of the informational society evolution: Materials digest of the XXXIX International Research and Practice Conference. – London, December 19 – December 24, 2012. – Published by International Academy of Science and Higher Education (IASHE). London, 2013. – pp. 112-117. – <http://gisap.eu/sites/default/files/39-conf.pdf>

ABSTRACTION, EXPERIENCE, IMAGINATION AND EMOTION IN SCIENTIFIC RESEARCH AND IN COMMON KNOWLEDGE

A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor
Tver State University, Russia

Abstraction, experience, imagination and emotion are treated as cognitive mechanisms providing success in scientific research and in everyday cognition and communication. Integrative approach is considered as necessary for revealing universal characteristics of cognizing persons' activities in natural and social situations. The role of features of objects and word meanings is stressed as crucial for acquiring, producing, classifying and organizing scientific knowledge as well as common knowledge. Inherent interaction of abstraction, experience, imagination and emotion in coordination with features and tops as utterance invariants is defined as a cognitive universal.

Keywords: abstraction, experience, imagination, emotion, cognitive strategy, scientific knowledge, common knowledge, logic, image, metaphor, top, feature.

Conference participant, National championship
in scientific analytics, Open European and Asian
research analytics championship

АБСТРАКЦИЯ, ЭМПИРИЯ, ВООБРАЖЕНИЕ И ЭМОЦИЯ В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ И В ОБЫДЕННОМ ЗНАНИИ

Залевская А.А., д-р филол. наук, проф.
Тверской государственной университет, Россия

Абстракция, эмпирия, воображение и эмоция трактуются как взаимодействующие составляющие познавательного поиска, обеспечивающие решение проблем в ходе научного изыскания и в повседневном познании/общении. Обосновывается необходимость интегративного подхода к исследованию ЧЕЛОВЕКА ПОЗНАЮЩЕГО как представителя вида и личности, включенной в естественную и социальную среду. Для выявления всеобщего в способах познавательной деятельности человека важен учёт роли признаков, выступающих основаниями для разного рода классификаций, для формирования образов, метафор и других форм и способов получения, усвоения и организации научного и обыденного знания. Постоянное взаимодействие абстрагирования, предшествующего опыт, воображения и эмоционально-оценочного переживания при опоре на топы как ментальные инварианты высказываний и на признаки объектов и значений слов трактуется как познавательная универсалия.

Ключевые слова: абстракция, эмпирия, воображение, эмоция, способ познавательной деятельности, научное знание, обыденное знание, логика, образ, метафора, топ, признак.

Участник конференции, Национального первенства
по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского
первенства по научной аналитике

Вводные замечания

В соответствии с общими тенденциями развития мировой неклассической науки на стадии постмодерна интерсубъектное (распределённое между носителями языка и культуры) познание должно стать объектом интегративных исследований, фокусирующихся на ЧЕЛОВЕКЕ ПОЗНАЮЩЕМ, который осуществляет деятельность познания мира как в научном поиске, так и в повседневной жизни (в обоих случаях решаются познавательные и коммуникативные задачи на основе наблюдаемых или прогнозируемых явлений и ситуаций с опорой на уже имеющиеся знания как продукты переработки индивидуального опыта и наследия науки и/или культуры). В число ключевых понятий такого исследования входят также ЗНАНИЕ, ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, рассматриваемые не столько в качестве предельно абстрактных продуктов философствующего разума, сколько в связи с ЧЕЛОВЕКОМ ПОЗНАЮЩИМ, через посредство изучения которого выявляются закономерности адаптации индивида к условиям естественного и социального окруже-

ния. Это означает, что для теории познания оказывается небезынтересным рассмотрение фактов общности и различий между научным и обыденным знанием, многомерности образа мира у человека, роли языка в познании, самоорганизации разностороннего опыта человека в целях готовности к решению плохо сформулированных познавательных проблем на основе знания как расплывчатого множества в условиях неоднозначности ситуации, поскольку всё это должно способствовать чтению законов в явлениях (см.: [9]). В этой связи ниже обсуждаются некоторые вопросы, связанные с реальным познавательным процессом и с его особенностями: соотношение между логикой, опытом, воображением и эмоцией как взаимодействующими ипостасями процесса познания; роль признаков и ментальных инвариантов высказываний в «навигации» по совокупному (вербальному и невербальному) продукту переработки индивидуального и социального опыта – «живому мультимодальному гипертексту».

Роль логики, опыта, воображения и эмоций в получении нового знания

Начнём с того, что ЧЕЛОВЕК ПОЗНАЮЩИЙ находится на пересечении четырёх сфер: БИОсферы, ПСИХОсферы, СОЦИОсферы и НООсферы; он применяет разнообразные когнитивные процедуры, требующие как дедукции, так и индуктивного вывода, генерализации и дифференцирования при линейности и нелинейности воспринимаемого, системности последнего или наличия порядка, специфичного для хаоса, – учёт постоянного взаимодействия названных сфер и действий необходим для перехода исследования универсальных познавательных способов и приёмов на новый уровень высокой объяснительной силы за счёт фокусирования на человеке в реальных жизненных ситуациях. Именно через исследование человека (философа или носителя обыденного знания) – через призму его видения мира – открываются «фундаментальные основы бытия, принципы его познания и основополагающие ценности, которыми руководствуются человек и человечество» [13: 10]. Однако долгое время фокусирование на человеке скорее декларировалось философией познания, чем действительно реализовалось,

поскольку вынесение живого человека «за скобки» было нормой вследствие стремления получить «объективную истину» за счёт изгнания каких-либо проявлений «субъективности» (см. об этом: [10], ср. также [3]). Веками исключительно логико-рациональное рассуждение признавалось единственным надёжным орудием научного познавательного процесса. Основания для признания роли логики в научном поиске суммированы мною с помощью схемы (см. рис. 1), составленной на основании информации из книги [11].

Однако не логикой единой познаётся мир! Логика основывается на *совокупном опыте познания*, получаемого при взаимодействии тела и разума, индивида и социума (вспомним о распределённом характере знания и познания); ЧЕЛОВЕК ПОЗНАЮЩИЙ не только мыслит, он чувствует и эмоционально-оценочно переживает воспринимаемое и осмысливаемое. Признавая роль человека в познании, философия должна признать и то, что речь идёт *живом* человеке с вытекающими отсюда следствиями.

Обратим внимание на то, что даже при попытках строгого следования требованиям логико-рационального анализа (как единственно допустимого пути получения «объективного» научного знания) то и дело проявляется замечательное свойство человека

– его воображение, которое подсказывает опорные образы или намекает на них, достраивает классификационные схемы, служит опорой для эвристического поиска и неожиданных открытий. Результаты этого фиксируются в языке и нередко входят в совокупный опыт мировой науки и культуры как «закреплённое» (поименованное) знание о всеобщем, выступая в то же время в роли сигналов о закономерностях самого процесса познания, подмеченных нередко именно носителями обыденного знания (в том числе – народной мудростью).

История мировой науки изобилует примерами того, как мыслители прошлого строили фундаментальные концепции разных аспектов сути бытия и познания мира, опираясь на своё воображение и на его продукты – языковые метафоры, эпитеты, сравнения. Вспомним хотя бы образы, связанные с источниками знания: античную метафору «чистой доски» (*tabula rasa*), метафору родовспоможения у Сократа, пифагорейское представление об ученике как факеле, который требуется зажечь, библейскую метафору выращивания зерна и т.п.; метафоры Ф. Бэкона, определявшего заблуждения отдельного человека как проявление «идолов пещеры», разума «толпы» как проявление «идолов площади», а заблуждения, освящённые авторитетом философов (теперь

бы мы сказали: сформировавшиеся под воздействием некоторой популярной парадигмы) – «идолами театра». Образы лежат и в описании великих открытий, направивших развитие науки по новому пути: вспомним «формулу трёх “В”» (по словам *bath, bed, bus*, именуя ситуацию, в которых сделали свои открытия Архимед, Менделеев и Пуанкаре). Приведу и образное высказывание М.К. Мамардашвили: «Становление философского знания – это всегда внутренний акт, который вспыхивает, опосредуя собой другие действия» [8: 14] (глагол *вспыхивает* «запускает» наше воображение с его богатыми эвристическими и эмоционально-оценочными возможностями), ср. аналогичный образ: «Молнии спинозовской мысли освещают» [1: 295]. Метафорой «живое знание» пользуются Г.Г. Шпет [14], Л.С. Выготский [2], В.П. Зинченко [7], а это новый ракурс рассмотрения проблем знания и познания (о живом знании см. подробно: [5]).

Подобные метафоры, сравнения, эпитеты фактически оказываются продуктами попыток найти *всеобщее в единичном* и/или *объяснить обобщаемые факты*.

Признание роли обыденного знания, наличия многообразия «познавательных практик» и необходимости синтеза последних (см.: [10]) – значительный шаг вперёд по пути разработки интегративного подхода к проблематике теории познания. Но фокусирование на человеке требует дальнейших шагов на этом пути. Наглядную демонстрацию того, что человек как личность существует только при взаимодействии рациональной и эмоциональной составляющих, мы встречаем, например, в книге У. Эко [20], а также в работах нейролога А. Дамазио [16–18]. Поэтому точнее говорить о постоянном взаимодействии абстракции, опыта, воображения и эмоционально-оценочных переживаний в научном поиске и в обычных познавательных и коммуникативных жизненных ситуациях. Это хорошо согласуется с рассмотренными У. Эко [19] яркими реальными примерами встречи людей с новыми существами и явлениями, которые требовалось познать и объяснить.

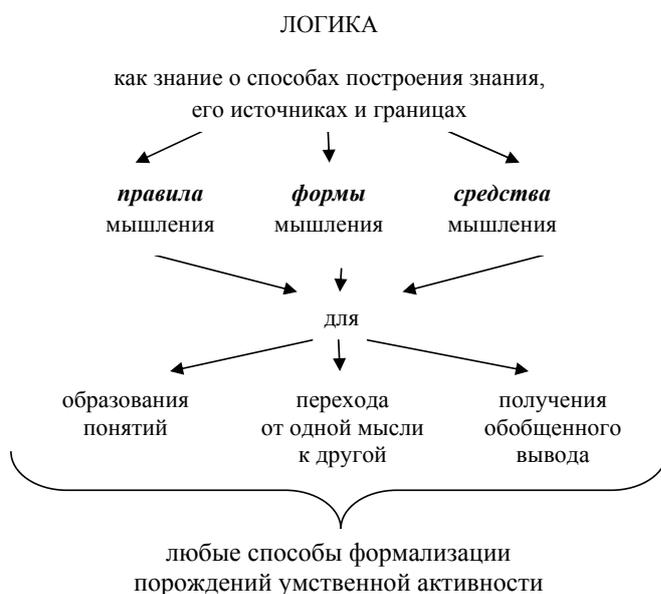

Рис. 1. Роль логики в научном поиске

Специфику познавательного поиска отражает схема на рис. 2, обобщающая сведения, почерпнутые из разных источников, с добавлением характеристики конечного продукта как эмерджентного, т.е. возникающего через интеграцию, а не простое сложение взаимодействующих компонентов.

Теория познания не может также пройти мимо исследований в области нейронаук. Принципы организации работы мозга человека не случайно взяты на вооружение разработчиками новых информационных технологий: идея электронного гипертекста, без которого немислима жизнь современного человека, подсказана тем, что создано природой. В работе [4] даётся обоснование того, что в процессах познавательной деятельности индивид опирается на *живой мультимодальный гипертекст*, который является совокупным продуктом переработки вербального и невербального опыта человека как личности и как члена социума.

Роль признаков и «топов» в познавательной деятельности человека

Для успешного пользования имеющимся у человека многосторонним опытом необходимы определённые ориентиры, направляющие как обработку воспринимаемого нового опыта, так и быстрый доступ к ранее имевшемуся знанию. В качестве таких «инструментов» могут выступать признаки объектов и «топы» как ментальные инварианты высказываний.

Результаты исследований в области психофизиологии и психология познавательных процессов наглядно свидетельствуют о том, что всё вос-

принимаемое человеком при его контактах с окружающим миром обрабатывается по множеству признаков и признаков признаков, по которым продукты такой переработки «записываются в реестры памяти» (термин И.М. Сеченова). Но мы узнаём об устройстве мира и от других людей. Опорами для понимания замеченного/обобщённого и разделяемого с другими знания выступают именованные хорошо известных, привычных для многих людей объектов, действий, состояний, ситуаций как целостных сущностей или как носителей некоторых отличительных признаков (обсуждение роли признака в познавательном процессе см.: [6]).

В связи с проблемой признаков следует особо подчеркнуть, что речь в данном случае идёт не только об определённом наборе необходимых и достаточных признаков объектов, но и о любых (перцептивных, когнитивных, эмоционально-оценочных) признаках и признаках признаков, нередко пренебрежительно относимых к категории «случайных»: признак такого рода может оказаться актуальным для носителей того или иного языка и/или культуры, а также может служить основанием для специального научного изыскания, открывающего новые горизонты в развитии некоторой области знания. Представляется несомненным увязывание всех хранимых в памяти человека языковых и энциклопедических знаний по множеству перекрещивающихся связей в живом мультимодальном гипертексте.

«Навигация» в таком гипертексте (как и включение в него новых зна-

ний) может, как мне представляется, направляться системой «топов», в своё время описанных Аристотелем и ныне трактуемой в качестве неформальной логики говорящих в работах А.С. Садиковой. В [12] приводится следующий список топов: Род (1) и Вид (2); Определение (3); Общее (4) и Частное (5); Целое (6) и Части (7); Обстоятельства (8): места, времени, цели; Причина (9) и Следствие (10); Имя (11) и Символ (12); Свойства, признаки, качества (13); Сравнение (14), Сопоставление (15), Противопоставление (16); Действие (17) и Страдание (Претерпевание) (18); Пример (19), Свидетельство (20). Представляется важным добавить ещё хотя бы один топ: Эмоционально-оценочное отношение или Мнение (21).

Принципиально важными характеристиками топов, которые можно трактовать как *предельно обобщённые ментальные инварианты высказываний*, представляются следующие: а) они начинают формироваться в *доязыковом* опыте ребенка и сохраняют опору на чувственный опыт у взрослого человека; б) в разных сочетаниях *параллельно учитываются на разных уровнях осознаваемости* как при встрече с новым явлением (в том числе – с воспринимаемым словом), так и при выборе языковых средств формирования и формулирования мысли; в) опосредуют учёт *многоступенчатых выводных знаний* о свойствах объектов (действий и др.), связанных с ними ситуациями и возможных следствиях; г) обеспечивают *целостность* познаваемых явлений, «записываемых в реестры памяти» по всем задаваемым топами параметрам; д) через механизм глубинной предикации (закрывание связи «для себя») обеспечивает *переживание понимания* познаваемого.

Заключение.

Принцип живого гипертекста в совокупности с опорой на признаки, с топами как ментальными инвариантами высказываний и с функционированием механизма глубинной предикации может трактоваться как *познавательная универсалия*, неизбежная при любых условиях жизнедеятельности индивида (см. подробно: [6]). К числу таких универсалий можно отнести и

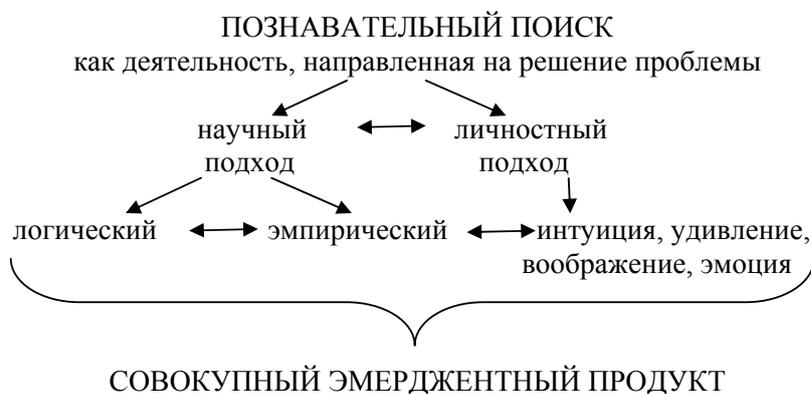

Рис. 2. Постоянное взаимодействие различных составляющих познавательного поиска

постоянное взаимодействие абстракции, эмпирии, воображения и эмоции.

References:

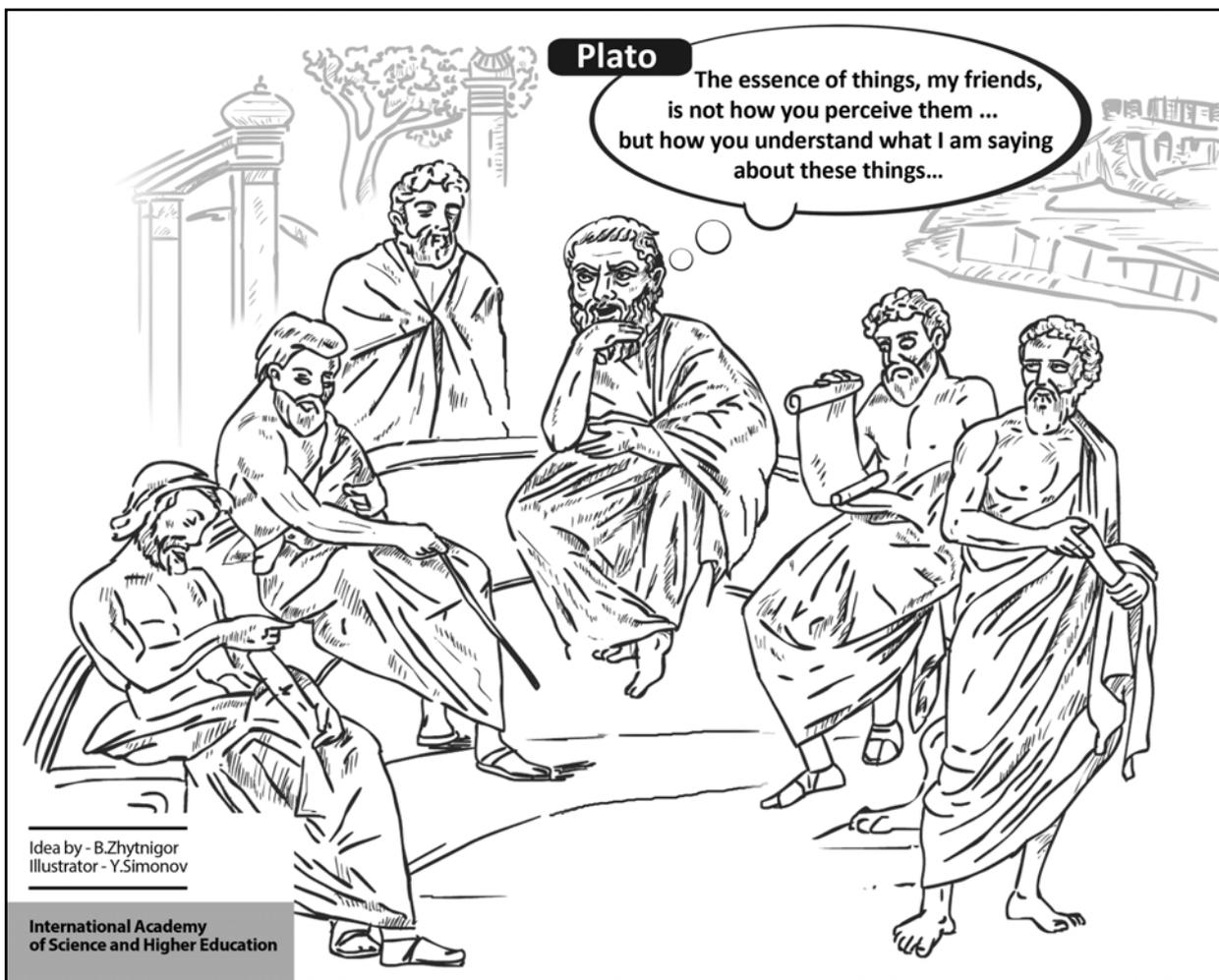
1. Два фрагмента из записных книжек Л.С. Выготского // Вестник РГГУ, 2006. № 1/06. С.294–298.
2. Выготский Л.С. К вопросу о развитии научных понятий в школьном возрасте // Шиф Ж.И. Развитие научных понятий у школьников. – М., 1935. С. 3–17.
3. Залевская А.А. Проблема знания в различных ракурсах // Studia Linguistica Cognitiva. Вып.2. Наука о языке в изменяющихся парадигмах знания. – Иркутск, 2009. С. 14–64.
4. Залевская А.А. Значение слова и метафора «живой поликодовый гипертекст» // XXXI Международная научно-практическая конференция «Пути преодоления кризисных явлений в педагогике, психологии и языкознании» / URL: <http://gisap.eu/ru/node/13717>.
5. Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Saarbrücken:

Palmarium Academic Publishing, 2012. 272 p. ISBN 978-3-8473-9563-8.

6. Залевская А.А. Принципы навигации в живом поликодовом гипертексте // XLIVI Международная научно-практическая конференция «В начале было слово: история и актуальные вопросы филологии и языковедения» / URL: <http://gisap.eu/ru/node/21650>.
7. Зинченко В.П. Живое знание. Психологическая педагогика. Ч. 1. Самара, 1998. 296 с.
8. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М., 1990. 368 с.
9. Мамардашвили М.К. Стрела познания. Набросок естественноисторической гносеологии. – М., 1997. 304 с.
10. Микешина Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. – М., 2009. 560 с.
11. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. – М., 2003. 496 с.
12. Садикова В.А. Топика: история, теория, практика. – Тверь, 2009. 188 с.

13. Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук. – М., 2007. 639 с.

14. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб., 1994. 407 с.
15. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: этюды и вариации на темы Гумбольдта. – М., 2009. 216 с.
16. Damasio, A. Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain. – New York, 1995. 313 p.
17. Damasio, A. The feeling of what happens: Body and emotion in the making of consciousness. – New York, etc., 1999. 386 p.
18. Damasio, A. Looking for Spinoza: Joy, sorrow, and the feeling brain. – New York, 2003. 356 p.
19. Eco, U. Kant and the platypus. Essays on language and cognition. – Oxford, 2000. 464 p.
20. Eco, U. The mysterious flame of queen Loana. – New York, 2004. 469 p.

Idea by - B.Zhytnigor
Illustrator - Y.Simonov

International Academy
of Science and Higher Education

CONCEPTS OF THE DEMOCRACY AND ELECTIONS

S. Kruchinin¹, Candidate of Philosophy, Lecturer
E. Bagrova², Candidate of Philosophy, Lecturer

Noyabrsk Institute of Oil and Gas (Branch)
of the Tyumen State Oil and Gas University, Russia¹
Noyabrsk College of Professional and Information Technologies,
Russia²

Authors consider the need to identify the criteria of true democracy and ambiguity of interpretation of this concept interpreted by various philosophers and ordinary people in very different ways.

Keywords: democracy, elections, political culture, election, elections Institute.

Conference participants, National championship
in scientific analytics

Вероятно, не будет особым преувеличением сказать, что слова «демократия» и «демократическая форма правления» относятся к области универсалий (т.е. общих понятий) культуры. Сегодня почти каждый человек, живущий на Земле, способен показать свое понимание, когда с ним говорят о демократии и выборах, неважно, будет это понимание негативно или позитивно эмоционально окрашенным. Однако, вряд ли можно утверждать, что за этим пониманием у каждого человека стоит также и *концептуальное знание*, то есть возможность логически определить то, что есть «демократия». Переформулировав один из парадоксов «Исповеди» Августина, можно сказать, что человек знает, что такое демократия, пока его об этом не спрашивают, и вряд ли сможет четко сформулировать свое понимание, когда его об этом спросят. Отсюда можно «по аналогии» вывести первое следствие: как в области общих понятий культуры неясно то, что стоит за словом «демократия», так в сфере реальной политики неочевидна эффективность демократии как формы правления. Куда проще устроены авторитарные режимы, которые одновременно ассоциируются с именем верховного правителя, и получают от этого имени санкцию на определенные действия.

Как одно из проявлений этой кажущейся неэффективности демократии можно расценить террористический акт в Испании 9 марта 2004г., организованный мусульманскими фундаменталистами, последовавший за

этим проигрыш правящей партии на парламентских выборах и, как следствие, выход Испании из «антитеррористической коалиции». Эти события были преподнесены многими аналитиками и политологами, в том числе и в России, как свидетельство слабости западных демократий: испуганное большинство на выборах меняет правительство, участвовавшее в борьбе с глобальным недугом, ради спокойствия в своей собственной стране.

С другой стороны, западные демократии доказали свою эффективность в решении именно «сиюминутных» проблем граждан, а именно – в обеспечении высоких «жизненных стандартов». Разрыв в уровне жизни между странами Западной Европы и бывшего социалистического лагеря стал наглядным подтверждением нежизнеспособности коммунистических режимов и одной из причин их падения: в Восточной Европе и странах бывшего СССР переход от «авторитаризма» к демократической форме правления проходил не в последнюю очередь под лозунгами экономических преобразований «ради лучшей жизни».

Конечно, можно успокоиться на циническом тезисе о том, что демократическая форма правления является одним из атрибутов так называемой «западной культуры», т.е. присуща определенным – европейским – этносам, и неприемлема в странах с другой культурой и ментальностью. Отсюда, разумеется, недалеко как до выводов об избранной белой расе и концепции «золотого миллиарда», так и – с дру-

ПОНЯТИЕ ДЕМОКРАТИИ И ВЫБОРОВ

Кручинин С.В.¹, канд. филос. наук, преподаватель
Багрова Е.В.², канд. филос. наук, преподаватель

Ноябрьский институт нефти и газа (филиал),
Тюменский государственный нефтегазовый университет, Россия¹
Ноябрьский колледж профессиональных и информационных
технологий, Россия²

В данной статье рассматриваются необходимость выявления критериев подлинной демократии, и неоднозначностью интерпретации данного понятия трактуемого различными философами и рядовыми гражданами совершенно по-разному.

Ключевые слова: демократия, выборы, политическая культура, выборность, институт выборов.

Участники конференции, Национального первенства
по научной аналитике

гой стороны – до изоляционистских теорий «особого пути», процветающих в странах – «изгоях». Несомненно, подобные воззрения – расистские и националистические взгляды в Европе, равно как и авторитарно-проphetические идеологии в странах «третьего мира» – существуют. Но несомненно также и другое: практически все авторитарные режимы (за исключением, пожалуй, самых одиозных – на Кубе, в Северной Корее, странах Аравийского полуострова и, до недавнего времени, еще и в Ираке) заимствуют у западных демократий если не «дух», то «букву» демократического правления. С той или иной периодичностью проводятся выборы или референдумы, существует конституция, а названия главных органов власти и (формальное) разделение между ними полномочий вполне соответствует таковому в странах Европы и в США (президент или премьер-министр, парламент, высшие судебные инстанции), причем часто эти «режимы» называют себя демократическими («демократичность» отражается в том числе и в названиях государств), доказывая таким образом и себе, и всему миру свое трепетное отношение к воле избирателей.

Таким образом, предположение о том, что демократическая форма правления является коррелятом исключительно западной культуры, хотя бы отчасти опровергается фактом повсеместного распространения и утверждения (пусть и формальных) демократических институтов и демократической формы правления. Следовательно, *демократическое го-*

сударственное устройство, как и, беря шире, *политическая практика* как форма обустройства совместной жизни (Аристотель), как и *культура* в изначальном смысле «совместного обитания» (Августин), являются неотъемлемыми характеристиками и этапами развития общественной жизни человечества.

Актуальность темы настоящего исследования определяется *необходимостью выявления критериев подлинной демократии*, связана с *неоднозначностью интерпретации данного понятия*, трактуемого различными философами и рядовыми гражданами совершенно по-разному. Это широкое разнообразие понимания демократии напрямую связано не только с философскими дискуссиями относительно сущности данного феномена, но и с попытками различных общественных деятелей завоевать популярность под видом демократов, сопровождающихся часто голословными заверениями, обещаниями, доверчивостью граждан, не осознающих обмана и фальсификации лишь потому, что при манипуляции их сознанием используется технология соблазна, убедительная в силу использования эмоциональных лексических средств языка, мешающих слушателям сосредоточиться и понять, заслуживают ли доверия адресованные им слова.

Подлинная цель всегда начинается с побуждения. Препятствие на пути немедленного удовлетворения преобразует побуждение в желание. Однако ни побуждение, ни желание сами по себе не создают цели. Цель – предвидение результата, то есть последствий, которые возникнут в результате действия в соответствии с побуждением. Предвидение последствий – интеллектуальная работа, начинающаяся с изучения объективных условий и обстоятельств, поскольку дорога между побуждением и последствиями проходит через взаимодействие с окружающими условиями при учете интересов других членов сообщества. Предвидение последствий – необходимое условие демократизации как индивидуального, так и общественного сознания. Без чувства ответственности и солидарности реализация индивидуальных свобод может обернуться катастрофой

для всего сообщества, расколотого на непримиримые и враждебные друг другу составные части.

Разочарование в возможностях развития в общества в целом и осуществления плодотворной дискуссии и согласования мнений при демократии находит свое отражение и в российской философии нам рубеже XIX – XX веков.

Объектом исследования является *выборность как основной инструмент современной демократии*, демократия в различных ее проявлениях, которые находят свое отражение в реальном пространстве или окружающей действительности, воображаемом и символическом пространстве, как сферах самосознания каждой отдельной личности, выделенных французским психоаналитиком Ж. Лаканом, и философские споры, возникающие в данной связи.

Предметом нашего исследования является *институт выборов как культурный феномен*, определяемый динамикой общественного развития, являющийся в то же время одним из факторов, определяющим эту динамику, который, по выражению С.Г. Тер-Минасовой – «не просто некая культурная информация, сообщаемая языком, а неотъемлемое свойство языка, присущее всем его уровням и всем отраслям» [25, 624].

Так, например, Платон испытывает открытое неприятие к несоблюдению законов, обязательного условия функционирования совершенного общества, полагая, что подобное недопустимое положение вещей возникает как при олигархической форме государственной власти, так и при демократической. Аристотель из правильных форм государственного устройства наилучшей считает ту, в которой управление сосредоточено в руках лучших, то есть аристократическую форму правления. Философы более позднего времени нередко возвращаются к взглядам Аристотеля и Платона, часто соглашаясь и полемизируя с последними, и подобно К. Попперу, вступая с ними в открытую конфронтацию, развивая концепцию демократии в связи с возможными вариантами ее реализации в ту или иную историческую эпоху, в том или

ином национально-культурном сообществе.

Цель настоящего исследования заключается в *изучении сущностных аспектов демократии в теории и на практике, определении условий наиболее плодотворного воплощения идей демократии в жизнь, критериев, лежащих в основе отличия моделей воплощения подлинной демократии от моделей воплощения под видом демократии тоталитарных, авторитарных, чрезвычайно бюрократизированных режимов, ни в коей мере не служащих достижению всеобщего блага*.

Научно-практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты могут служить *опорной точкой, отправным моментом для дальнейших изысканий в области демократии как системы ценностей, опорой демократических оснований на культуру народа, совершенствования государственных приемов управления, налаживанием социального контроля за деятельностью народных избранников, совершенствованием правосознания как важнейшего показателя демократизации различных сфер жизни общества*.

Таким образом, по поводу демократии по сию пору идут оживленные споры, которые во многом обусловлены содержанием другого понятия – «народ». Поскольку принятие государственного решения при демократии тесно связано с волей народа, а определение последней трудно осуществимо на практике, в ходе выборов имеют место различные манипуляции общественным мнением.

Демократия возможна лишь в гражданском обществе, основанном на плюрализме мнений и гарантирующем свободу личности и высокое политическое сознание его членов. Именно реальная возможность выбора или свобода выбора, а также независимость суда от органов исполнительной и законодательной власти отличает тоталитарную политическую систему от демократической.

С характеристикой демократии как формы государства тесно связана концепция, согласно которой демократия является разновидностью политического режима, т.е. определенного

метода осуществления государственной власти, который противопоставляется фашистским и тоталитарным политическим режимам. Стереотипное понимание демократии как политического режима, для которого характерно наличие центральных и местных представительных учреждений, выборности, законности и легального существования различных партий и общественных организаций» [17, 398], вряд ли способно оградить от ошибок, связанных с пониманием имитации демократии как подлинно демократических преобразований.

Демократия, понимаемая как участие всех граждан в охране благосостояния страны, может рассматриваться как гарантия благополучия, но такая демократия основана не на свободе личности, а на подчинении личности коллективным интересам и противоречит многим из представленных выше определений демократии.

Демократия как политическая ценность, политическое мировоззрение не может быть реализована вне правового государства, без четко разработанных правовых норм, регулирующих отношения собственности,

производства и распределения, взаимоотношения индивидов между собой и с государством.

Как нам представляется, демократия в ее современном понимании должна учитывать способы соблюдения интересов меньшинства в обществе, а потому ее следует рассматривать как «систему взаимоотношений в обществе, при которой в обществе реализуются интересы большинства при одновременном соблюдении интересов меньшинства». Всякие попытки дать определение демократии без упоминания соблюдения интересов меньшинства – это или простой перечень признаков или авторитарное определение. Необходимо еще отметить, что демократия никак не определяется отношением к закону, ведь исполнение закона является необходимым, но совсем не главным и не единственным условием демократии. Способы соблюдения интересов меньшинства в обществе постоянно меняются, меняется законодательство и отношение населения к законодательству.

References:

1. Аристотель. Афинская поли-

тия. Государственное устройство афинян. – М., Л.: Соцэкгиз, 1936.

2. Бердяев Н. А. Демократия, социализм и теократия. www.humanities.edu.ru/db/msg/5916

3. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. – М.: Республика, 1995.

4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург: УрГУ, 2000.

5. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. – М.: Белые альвы, 1996. – 398с.

6. Монтескье Ш.Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999.

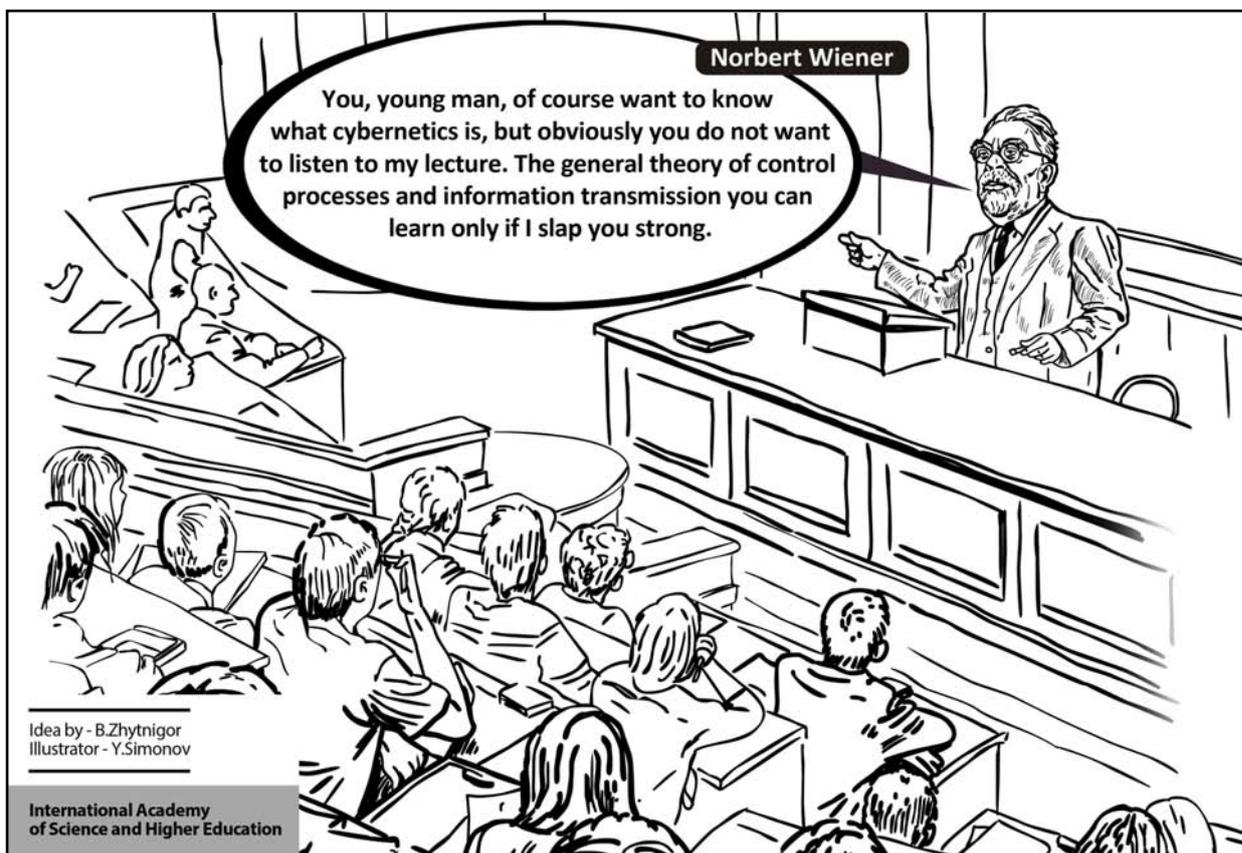
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

8. Mill J.S. Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy. – Clifton (N.J.), 1974. – 168p.

9. Rohrmoser G. Zeitreichen. Bilanz einer Ara. – Stuttgart, 1978. – 265s.

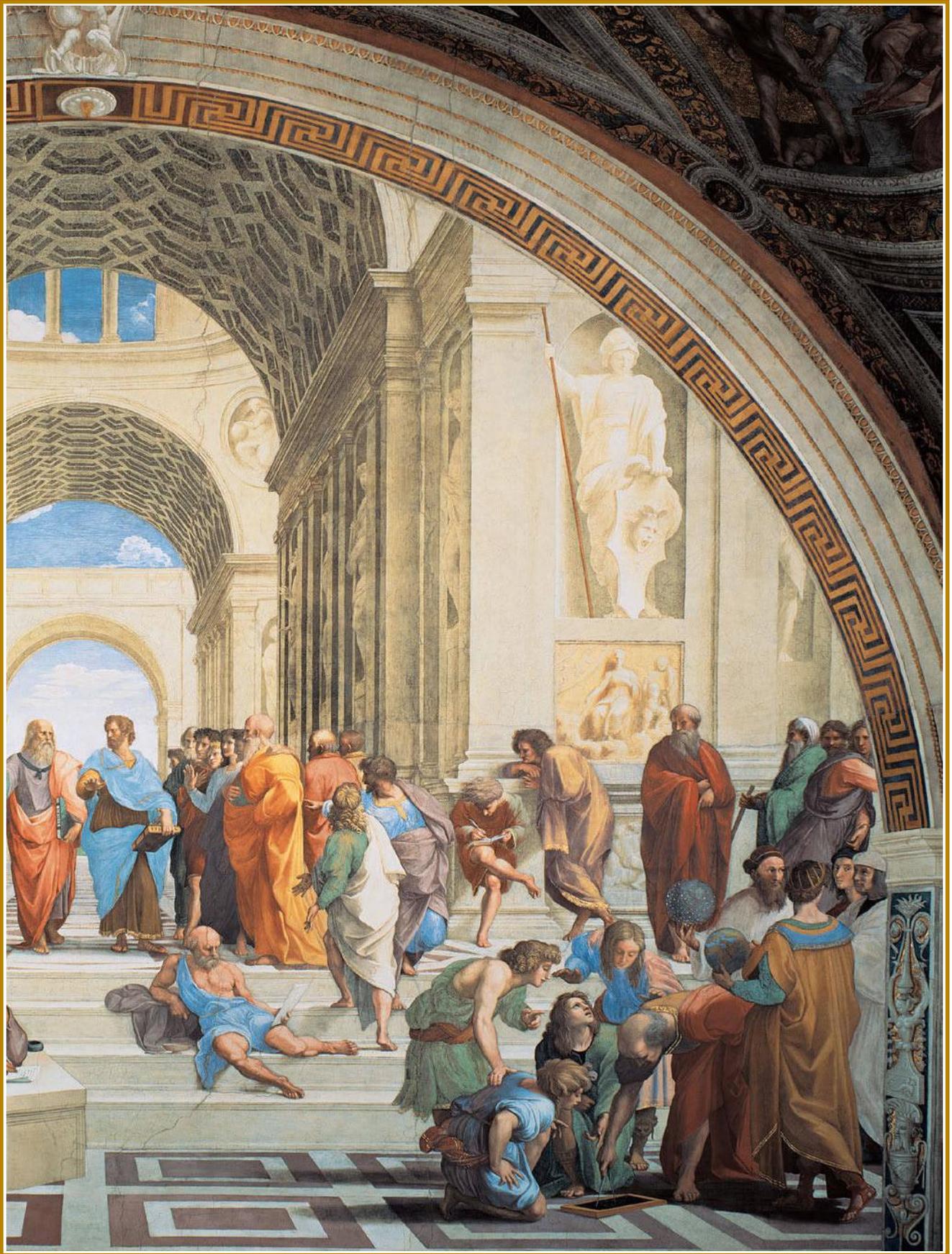
10. Sartory G. The Theory of Democracy Revisited. – Chatham, New Jersey: Chatham House Publishers, Inc., 1987. – 342p.

11. Scruton R. The Meaning of Conservatism. – L., 1984. – 243p.

GISAP Championships and Conferences 2014

Branch of science	Dates	Stage	Event name
JANUARY			
Psychology and Education	27.01-03.02	I	Problems of correlation of interpersonal interactions and educational technologies in social relations
FEBRUARY			
Philology, linguistics	20.02-25.02	I	Modern linguistic systems as instruments of the reality transformation
Culturology, Art History, Philosophy and History	20.02-25.02	I	Factor of personal harmonious development within the structure of the global society progress
MARCH			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine, Agriculture	05.03-11.03	I	Development of species and processes of their life support through the prism of natural evolution and expediency
Economics, Management, Law, Sociology, Political and Military sciences	21.03-26.03	I	Isolation and unification vectors in the social development coordinate system
MAY			
Physics, Mathematics, Chemistry, Earth and Space sciences	13.05-20.05	I	Space, time, matter: evolutionary harmony or the ordered chaos
Technical sciences, Architecture and Construction	13.05-20.05	I	Man-made world as an instrument of life support and creative self-expression of mankind
JUNE			
Psychology and Education	05.06-10.06	II	Subject and object of cognition in a projection of educational techniques and psychological concepts
Philology, linguistics	19.06-24.06	II	Global trends of development of ethnic languages in the context of providing international communications
Culturology, Art History, Philosophy and History	19.06-24.06	II	Traditions and moderns trends in the process of formation of humanitarian values
JULY			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine, Agriculture	03.07-08.07	II	Life and social programs of biological organisms' existence quality development
Economics, Management, Law, Sociology, Political and Military sciences	24.07-29.07	II	The power and freedom in the structure of global trends of development of economical and legal systems and management techniques
AUGUST			
Physics, Mathematics, Chemistry, Earth and Space sciences	08.08-13.08	II	Properties of matter in the focus of attention of modern theoretical doctrines
Technical sciences, Architecture and Construction	28.08-02.09	II	Creation as the factor of evolutionary development and the society's aspiration to perfection
SEPTEMBER			
Psychology and Education	17.09-22.09	III	Interpersonal mechanisms of knowledge and experience transfer in the process of public relations development
OCTOBER			
Philology, linguistics	02.10-07.10	III	Problems of combination of individualization and unification in language systems within modern communicative trends
Culturology, Art History, Philosophy and History	16.10-21.10	III	Cultural and historical heritage in the context of a modern outlook formation
NOVEMBER			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine, Agriculture	05-11-10.11	III	Techniques of ensuring the duration and quality of biological life at the present stage of the humanity development
Economics, Management, Law, Sociology, Political and Military sciences	20.11-25.11	III	Influence of the social processes globalization factor on the economical and legal development of states and corporations
DECEMBER			
Physics, Mathematics, Chemistry, Earth and Space sciences	04.12-09.12	III	Variety of interaction forms of material objects through a prism of the latest analytical concepts
Technical sciences, Architecture and Construction	18.12-23.12	III	Target and procedural aspects of scientific and technical progress at the beginning of the XXI century

International Academy of Science and Higher Education (IASHE)

1 Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom

Phone: +442032899949

E-mail: office@gisap.eu

Web: <http://gisap.eu>